

ЗОНА СМЕРТИ
Андрей Ливадный
ЧЕРНАЯ ПУСТОШЬ

Annotation

Тишина в Пятизонье обманчива. Да и редко здесь бывает тихо. Когда внутри бесчисленные орды киборгов, а снаружи маньяки-ученые, ради «высших интересов» поставившие мир на грань катастрофы, кому придет в голову ждать тишины? А тут еще механоидам и скоргам стало тесно в границах отчужденных пространств. И важные шишки по ту сторону Барьера вознамерились расправиться с Черной Пустошью одним ударом. Титанической силы взрывы объемных зарядов уничтожали не только чудовищные порождения техноса, но и обитающих среди них людей. А что остается людям? Людям остается только выживать любой ценой. Впрочем, опытным сталкерам Аскету и Титановой Лозе не привыкать. Ведь недаром они помечены загадочной татуировкой D.R.G.!

Андрей Ливадный Черная Пустошь

Пролог

10 ноября 2056 года…

Мятущийся свет костерка бросал блики на опаленные, иззубренные кирпичные стены руин.

Тьма гнездилась в углах и закоулках каменного мешка. Отличительные черты старой питерской застройки – похожие на колодцы тесные дворики, множество арок, проходные подъезды – проглядывали и в руинах. Большинство ультрасовременных зданий не пережили удара взрывной волны, пронесшейся через город во время катастрофического образования Барьера в сентябре 2051 года, а вот немногие сохранившиеся памятники архитектуры выстояли.

Стены смыкались, тянулись ввысь обвалами этажей, яркие звезды сияли на невообразимой высоте, глазницы оконных проемов сочились мраком, искорка костра трепетала, то разгораясь, то угасая, пожирая чудом сохранившиеся остатки изломанной мебели.

Языки пламени выхватывали из сумрака худые лица троих подростков.

– …Тогда я и говорю Монголу: потащили его к торговцу! – рассказывал один из пацанов.

– Да ну, врешь! – не поверил второй. – Ты, Славка, особо-то не завирайся! Кто же не знает: кого скорги инфицировали, считай, что покойник!

– Так и мы поначалу думали, что мертвяк! – Славка-Сухостой обернулся к товарищу. – Ты чего молчишь, Монгол?!

Третий из подростков, широкоплечий, скуластый, протянул руки к огню, согревая озябшие пальцы. Древний автомат Калашникова, из которого, по словам Славки, Монгол едва не завалил «Перекати-зону»,[1] лежал рядом. Переводчик огня был снят с предохранителя и передвинут в крайнее нижнее положение.

– Ну да, – нехотя отозвался он. – Нашли сталкера, притащили к Упырю. Только зря мучились. – Он сплюнул. – Ничего нам торговец не дал за его экипировку. Нарвались на неприятности, да еще Приор как назло пожаловал…

– Ага. – Славка-Сухостой обрадовался поддержке. – Он, как того сталкера увидел, так сразу с лица изменился. Идите, сказал, отроки сердобольные, благое дело сделали.

– Ну, если дело хорошее сделали, дал он вам что-нибудь? – с наигранным равнодушием осведомился Мерзляк. Был он худ и невысок, вечно натягивал на себя по два свитера, за что и получил прозвище. На самом деле Федьку мучила сейчас черная зависть. Слух о странном сталкере, найденном Монголом и Сухостоем, разошелся быстро. Мерзляк, сам ни разу не видевший Приора, считал его фигурой едва ли не мистической. В любом случае Орден Сталкеров не забывал о тех, кто хоть раз оказал посильную помощь кому-нибудь из его членов. Значит, Славке и Монголу будет теперь везение. Может, их в Пятизонье позовут и в Ордене имплантируют, в послушники примут?

Мечта стать сталкером жила в иззябших душах всех подростков, обитающих на руинах второго по величине мегаполиса страны. Здесь после Катастрофы пятьдесят первого года, вызвавшей чудовищные разрушения, восстановительные работы так и не начались – сказывалась близость Барьера, отгородившего территорию Соснового Бора от остального мира сферической аномалией гравитационного искажения. Боялись повторения Катастрофы, нового удара, способного, как показала практика, смести все сооружения в радиусе нескольких сотен километров от эпицентра.

Жизнь на руинах мегаполиса давалась трудно, но шестнадцатилетние пацаны, в один день лишившиеся всего, вкусившие ужас утрат, на полную катушку познавшие безысходность роковых сентябрьских дней, на попечении государства не уживались. Их, как магнитом, тянуло назад, и они возвращались, сбегая из детских домов и интернатов, обратно в руины, где каждый метр темных улиц был пропитан вязкой враждебной мглой.

Многие погибли. Еще большее количество ребят сбилось в стаи, выживая, кто как может.

Больше других повезло детям метростроевцев. Славка и Монгол как раз относились к ним, питерцам, чьи родители когда-то работали на строительстве новых веток метрополитена, призванных связать центр растущего мегаполиса с окраинами, поглотившими далекие города-спутники, такие, к примеру, как Сосновый Бор. С самого детства они были знакомы с подземкой, и теперь их знание некоторых тоннелей, помноженное на бесшабашность юности, дало им неожиданный способ к выживанию – питерцы зарабатывали на жизнь, доставляя подземными путями грузы, служа проводниками для тех, кто стремился попасть в Пятизонье. Под землей, по тоннелям и примыкающим к ним трещинам земной коры, образовавшимся в результате тектонических сдвигов, они проникали в отчужденные пространства, минуя заслоны военных, охраняющих периметр Барьера. Немудрено, что каждый из подростков

мечтал стать настоящим сталкером.

Они уже вкусили яд Пятизонья. Ощущение смертельной, запредельной для человека опасности, которой они подвергались каждый раз, пересекая зону повышенной гравитации Барьера, подставляясь под пули военных патрулей, а затем жестоко рискуя в границах аномальных пространств, оставляло неизгладимый след, необратимо влияло на психику. Будни, вне вылазок в Пятизонье, уже казались серыми, безрадостными, – явления, происходящие *там*, нагоняли ужас и одновременно манили обещанием неизведанного.

– Ну, так что со сталкером-то? – Мерзляк подкинул в костер пару сломанных ножек от стула. Угли взвихрились искрами, пламя нехотя облизнуло подачку, отдавая драгоценное тепло.

– Пропал он, – со знанием дела произнес Сухостой. – Говорят, Генрих Хистер, лидер Ковчега, ну, этих, зеленых, что в бункерах Академгородка в Новосибирской зоне отчуждения обосновались, награду за его голову объявил. Видать, сталкер был действительно непростой. Только никто его отыскать не смог. Там такое было!..

– Да уж, – кивнул Мерзляк. – Мне говорил один парень, что в Сосновом Бору Ковчег против вольных сталкеров и Ордена бился. Да только их всех военные с вертолетов накрыли.

– Брешет твой знакомый! – насупился Славка. – Там исчадия техноса всех разогнали. Зуб даю! Нас за Барьер Крамор не пустил. Говорит, нельзя сейчас туда. Да и здание, где бункер Упыря был, с землей сровняли. А «вертушками», что Сосновый Бор проутюжили, вообще сталтехи управляли!

– Нежить?! – Мерзляк побледнел.

– А то… – Сухостой принял важный вид. – Тот сталкер, за которым охота началась, весь в ртутных пятнах был, когда мы его с Монголом нашли. Видать, не вышло ничего у Приора, не смог он скоргов обуздать, и превратился сталкер в сталтеха. Вот свои за ним и приходили…

Монгол, не принимавший активного участия в споре, потянулся за автоматом.

– Тихо вы! – шикнул он на пацанов. – Костер прикройте! Есть там кто-то! – Он указал стволом в направлении, где почудился шорох.

Костерок тут же исчез, сноровисто спрятанный под старым ржавым ведром. Вязкая тьма навалилась со всех сторон, лишь звезды продолжали холодно мерцать в угольно-черном небе, да где-то далеко бледными сполохами метались отсветы какой-то стычки.

Морозный воздух отчетливо передавал звуки. Вот что-то скрипнуло

под неосторожно поставленной ногой, затем торопливые шаги прошуршали по усыпанному битым стеклом бетону, звякнули чем-то, остановились.

Монгол, не склонный к переговорам по складу своего молчаливого, но решительного характера, уже изготовился дать очередь на звук, как вдруг из руин раздался сиплый, простуженный голос:

– Ты, пацан, со стволом-то поосторожнее. А то всех клиентов перебьешь.

Монгол оружия не опустил. Продолжал целиться в темноту, предоставляя вести диалог своему более разговорчивому напарнику.

– Откуда нам знать, кто ты? – Славка быстро сориентировался в ситуации, достав из кармана «эфку». Оборонительная граната – лучший аргумент в стычке, происходящей среди руин.

– Да погодите вы оружием бряцать! – Незнакомец каким-то образом заметил появление гранаты. – Я же поговорить пришел.

– А вот к Крамору отправляйся, с ним и поговоришь. Скажет он через Барьер тебя вести, проведем. А к нам не лезь. Понял?

– Понять-то понял… – Незнакомец неожиданно выступил из мрака. Был он худ, одет неброско, по-походному, лицо казалось нездоровым, землистым. Нос с горбинкой, волосы с проседью, глаза серые, холодные. Губы сжаты в тонкую линию. Говорит, как сплевывает.

– Я же сказал – к старшему иди! – грозно прикрикнул на него Сухостой.

– Ты гранату спрячь, – миролюбиво предложил незнакомец. – А к старшему я всегда успею. Обманывает он вас. За гроши заставляет жизнями рисковать. Сам жиреет, а вас, пацанов, изводит, под удар подставляет. Ты ведро-то сними, а то совсем огонь дымом задохся…

Славка угрюмо промолчал в ответ. Гранату не спрятал, хотя толку от нее в пространстве тесного дворика – никакого. Только себя покалечишь. Раньше надо было бросать…

Слова негаданного визитера задели за живое. Мысли о вселенской несправедливости существующего положения вещей приходили ему в голову и раньше, но делиться ими – себе дороже.

– Ты откуда такой смелый и правильный выискался?

– Это не важно. – Незнакомец сам снял ведро, и огонь, чуть помедлив, встрепенулся, вырвался из дыма, сверкнув веселыми язычками пламени, вновь разогнав тьму. – Зовут меня Олег. Кличут – Шелест.

– Ну, и что тебе нужно?

– Мне бы за Барьер попасть.

– Иди к Крамору, – повторил Сухостой.

– Слышать о вашем Краморе не хочу. – Шелест присел на корточки, демонстрируя миролюбивые намерения, протянул озябшие руки к огню. – Незачем ему знать. И вообще, вам что, деньги не нужны?

– Мутный ты, – насупился Сухостой.

– Ничуть. – Олег улыбнулся. – Я понятный.

– Что же в тебе понятного? – пробурчал Славка, осторожно вставляя в запал предохранительное кольцо. «Надо было сразу кидать, – вновь подумал он, – пока шаги слышались в здании».

– Ну, во-первых, я не прячусь. Во-вторых, пришел без оружия. И, в-третьих, предлагаю вам честную сделку. Вы сегодня не особо заняты, верно? Вот и проведите меня за Барьер. А я заплачу. Валютой. Деньги дам вперед.

У Мерзляка глаза вспыхнули, но промелькнувшая в зрачках искорка тут же угасла, ему-то с этого дела обломится разве что за молчание.

Монгол покосился на него. Автомат не опустил, весь подобрался, как голодный воробей, нахохлившийся на морозе.

– Не выйдет ничего. – Славка вздохнул, теперь уже разочарованно. Заработать хотелось. Но мимо внимания Крамора не проскочишь. Экипировка ведь у него хранится. А без снаряжения за Барьер никто не пойдет. Дураков нет. Вернее, уже не стало. Сначала совались, те, кто посмелее, да теперь сталтехами бродят по Пятизонью…

– Ну почему же так наотрез? – Олег раскурил сигарету, глубоко затянулся.

– Экипировки у нас нет. Крамору мы ее сдаем, – нехотя признался Сухостой. – А без защиты за Барьер никто не пойдет.

– Разумно, – кивнул Олег. – И Крамор ваш хоть и скотина, но не глуп. – Он некоторое время смотрел на огонь, затем произнес: – С экипировкой помогу. Укажите, у кого купить, я все достану. Сколько нужно? Три комплекта?

– Два. – Сухостой быстро сориентировался. – Мы с Монголом вдвоем работаем.

– А как быть с ним? – Олег стрельнул взглядом в сторону Мерзляка, и тот вдруг съежился. – Убьем?

– Ты чего?! – Монгол, конечно, понимал – дело назревает серьезное, да и Мерзляка давно прибить бы надо за длинный язык и вечную зависть, но как-то не по себе вдруг стало.

– Ладно, пошутил. – Олег примирительно усмехнулся. – Мы тебя купим, Мерзляк. С потрохами и языком. Будешь молчать?

– А сколько дашь? – Пацан побледнел, но удержался, не дал деру.

– Не волнуйся. Не обижу. Сейчас договоримся. Значит, так. Ты молчишь как рыба, а вы, – он перевел взгляд с Монгола на Сухостоя, – меня через Барьер своими тропами проведете. За все заплачу десять штук. Плюс оставите себе экипировку.

– С чего ты такой щедрый? – вновь насторожился Славка. Слишком уж подозрительно сорил деньгами этот Олег.

– Дело у меня важное. Нельзя, чтобы слухи пошли. Да и деньги мне больше ни к чему. Я там, за Барьером, останусь.

Славка с Монголом переглянулись.

В их взглядах читалась одна и та же мысль: а разве меньше мы рисковали, пытаясь завалить «Перекати-зону» или вытаскивая того сталкера из зарослей металлокустарников?

– Договорились, – неожиданно произнес Монгол. – Проведем.

– Вот это уже мужской разговор. – Олег встал, тщательно затоптал окурок. – За восемь часов управимся?

– За шесть.

– Отлично. – Он отвернулся, делая вид, что поправляет воротник пальто. – А то под пульсацию попадать неохота.

Славка, не уловивший окончания фразы, подумал: померещилось.

Момент пульсации никто не в силах предугадать или знать заранее. Будь ты хоть самим исчадием техноса.

– Пошли, что стоим, – хмуро, по-взрослому обронил он.

Глава 1

Пятизонье. Отчужденные пространства Пустоши.

13 ноября 2056 года

Снег – не снег. Прах – не прах. Липкая скользкая грязь серого цвета, мокнущая лужами, смерзающаяся комьями. Погода – дрянь. С неба сыплет нудная морось, злой, колючий, порывистый ветер сминает влажные сумерки, пронизывает холодом до костей. Под ногами липкое месиво да смерзшиеся комья глинистой почвы, не успевшие оттаять за день.

Гиблое пространство простирается вокруг. Куда ни глянь – везде царит скупая, лаконичная архитектура техноса. Засеки и городища скоргов выросли в Пустоши за последние месяцы, как в большом мире растут грибы после теплого осеннего дождя.

Митрофан мялся у входа. Сталкеры пошли – одно бычье. Жрут много, а толку мало. И Аскет куда-то запропастился, часа три назад ушел, и ни одной весточки, хотя бы через мью-фон пару слов передал, мол, жив, здоров, так нет, молчит, теперь вот жди его, нервничай…

Вообще, бизнес в последнее время не ладился. Всё скорги проклятые. Понастроили городищ – нормальному сталкеру теперь не пройти. Все в округе заполонили.

«Если Аскет не дойдет, туго мне придется, – мрачно размышлял Митрофан. – Два заказа хоть и выполнил, но три каравана так и не вышли из Выгребной Слободы, все сроки давно минули, а Ковчег такого не прощает…»

Пялиться в мглистую ночь было страшно. Развернувшись, торговец пошел назад, к девятиэтажному фрагменту небоскреба, занесенному в Пустошь еще во время Катастрофы пятьдесят первого.

Через минуту тяжело рыкнула, сдвигаясь по направляющим, толстенная бронированная дверь.

Теперь лишь ветер завывал меж металлических деревьев, оставляя на них тонкую хрупкую корку наледи.

Сталкер по прозвищу Аскет медленно брел в сгустившейся промозглой мгле. Был он худ, но жилист. Его экипировка отличалась рациональной скупостью, с одной стороны, поясняя, почему вольный старатель получил столь необычный позывной, а с другой – наводя на

мысль о серьезном психическом отклонении, граничащем с полным презрением к собственной жизни, выраженном в пренебрежении элементарными мерами защиты, которых придерживался каждый нормальный сталкер.

Три тени, облаченные во все черное, беззвучно двигались за ним.

Они не использовали стандартные для отчужденных пространств мью-фоны, общаясь посредством лазерной связи.

– Митрофан совсем с горя двинулся, – заметил один из егерей.

– Ну, а какие у этого варианты? Либо безопасную тропу найдет, либо мы его на свидание с Хистером потащим.

– Да я не о том, – отозвался второй, пробираясь вдоль огрызка стены древней постройки. – Думал бы, кого посылать. На спор: этот доходяга до Выгребной Слободы живым не доберется.

– Заткнитесь оба! За целью внимательнее следите. – Командир группы Дитрих достал очередную электронную вешку, помечая тропу. В такую погоду можно запросто потерять объект, а возвращаться ни с чем или плутать среди жуткой архитектуры техноса – удовольствия нет.

От взгляда по сторонам мороз продирал по коже. Куда подевалась старая, добрая, исхоженная вдоль и поперек Пустошь, с ее ловушками, смертельным пепельным туманом, неисчислимыми бандами вооруженных до зубов сталкеров, отмороженными, больными на всю голову фанатиками Пламенного Креста, боевыми группами Ордена, патрулирующими основные тропы, наемниками, промышлявшими тут по заказу корпораций Внешнего Мира, агрессивными механоидами, защищающими многочисленные энергетические аномалии – все это кануло в прошлое и теперь казалось невинной детской возней в песочнице по сравнению с опасностями новой реальности, возникшей тут за считаные месяцы.

Технос преобразился, совершив очередной эволюционный скачок. Если в других отчужденных пространствах обстановка пока оставалась прежней, то просторы Пустоши радикально изменились, словно здесь теперь расположился некий полигон, испытательная база, а заодно – промышленный центр, откуда новые типы скоргов вскоре начнут свое победное шествие по просторам Пятизонья, сметая жалкие островки цивилизации сталкеров, обращая мир отчужденных Барьерами пространств в технократическую пустыню.

Дитрих дошел до края развалин, взобрался по осыпи и замер.

Вдалеке сквозь мглу пробивалось неравномерное пульсирующее сияние. Там, на руинах Припяти, скорги выстроили свое главное городище. Из десяти разведывательных групп, ходивших к постройке техноса,

вернулась лишь одна, да и то не в полном составе.

Большую часть доставленной ею информации лидер Ковчега Генрих Хистер обнародовать не стал, справедливо сочтя, что правда о событиях, происходящих в Пустоши, вызовет панику, поставит под сомнение основополагающие идеи, на которых базировалась официальная идеология группировки.

Теперь Дитрих вполне понимал Хистера.

О каком возрождении уничтоженной Катастрофой биосферы можно рассуждать, если технос пошел в атаку, за три с небольшим месяца захватив и перекроив на свой лад огромные просторы Пустоши, создав на территории зоны отчуждения десятки укрепленных районов, похожих на зародыши механических городов-муравейников, в состав которых входили индустриальные комплексы, где мириады эволюционировавших скоргов двадцать четыре часа в сутки трудились, как проклятые, создавая немыслимые исчадия высочайших технологий…

Мысли Дитриха не мешали ему наблюдать за Аскетом.

Сталкер, добровольно вызвавшийся проложить безопасную тропу до местечка Выгребная Слобода, расположенного у границ Барьера, казался ему сумасшедшим. Интересно бы узнать, на каком крючке держит его Митрофан?

«Вряд ли удастся поговорить с ним… – мысленно рассудил Дитрих. – Не дойти Аскету живым. Пусть хотя бы мимо Припяти нас проведет, а дальше уж как-нибудь сами…»

Основная проблема, связанная с нарушениями традиционных караванных троп, ранее проходивших через Пустошь, заключалась в том, что на рынке свободных сталкеров – так называемой «Обочине», расположенной в местечке Выгребная Слобода, застряла партия оружия, экипировки и прочих «товаров первой необходимости», предназначенных для Ковчега – группировки сталкеров, обосновавшихся в бункерах бывшего Академгородка, в Новосибирской зоне отчуждения. Груз был оплачен, доставлен через Барьер, но уже месяц лежал на складах Обочины. Все, в том числе и местные проводники, наотрез отказывались сопровождать караван до зоны тамбура.[2] Митрофан, выступавший посредником между Ковчегом и контрабандистами из Внешнего Мира, в сложившейся ситуации оказался крайним, – Хистеру было проще прижать торговца-одиночку, чем вступать в разборки с крупными поставщиками, что он и сделал, пообещав Митрофану долгую, мучительную смерть, если груз не будет в наикратчайшие сроки доставлен в бункеры Академгородка.

«Здесь каждый выкручивается, как может, – философски подумал Дитрих, наблюдая за продвижением Аскета, который шел уверенно и быстро. – Главное – силы свои не переоценивать. Как говорится, люди предполагают, а Зона располагает… Вот, к примеру, Митрофан вознамерился резко обогатиться, но аномальные пространства преподнесли очередной сюрприз, повернули ситуацию по-своему, и вот сидит теперь Митрофанушка в нечистотах по самую макушку… Попробовал заикнуться про силу неодолимых обстоятельств: мол, кто же знал, что Пустошь вдруг непроходимой станет? Только Хистер быстро поставил умника на место. Зона – она по своей сути и есть форс-мажор в чистом виде… Природа у нее такая… Каждый вдох, шаг, прожитая секунда – набор неодолимых обстоятельств».

Дитрих не спешил покидать укрытие. На свидание со смертью он не торопился. Вон впереди две решетчатые башни высятся. Явно строения техноса, и кто его знает, для чего они тут выращены?

* * *

Впереди из мглы и обрывков редкого в это время года пепельного тумана проступили очертания двух образчиков новоявленной архитектуры техноса, и Аскет замедлил шаг.

Его облик и на самом деле резко отличался от обличья других сталкеров. Никакой брони с сервоусилителями: он носил обычную одежду из прочной однотонной ткани да легкий кевларовый бронежилет, поверх которого была надета порядком истершаяся, потерявшая защитный цвет разгрузка, на ногах удобная обувь, на лице простейшая дыхательная маска да темные очки, защищающие от резких вспышек во время боя.

Учитывая, что окружающая атмосфера из-за обилия металлорастений, выделяющих ядовитые испарения, для дыхания практически не годилась, а материал кевлара не защищал от попадания лазерных разрядов или очереди, выпущенной из «карташа»,[3] выбор экипировки казался весьма сомнительным.

«Может, он нищий? – промелькнула у Дитриха не лишенная оснований мысль. – Но почему Митрофан не выдал ему нормальную экипировку хотя бы в долг, для выполнения столь опасного и ответственного задания?»

Сталкер тем временем и вовсе остановился, присел, что-то рассматривая на земле. Похоже, две решетчатые конструкции, вздымавшиеся на десятиметровую высоту, в данный момент его совершенно не интересовали, хотя сплетенные из металлорастений башни,

смахивающие на древние телевышки, торчали тут не просто так. Дитрих внимательно отсканировал их, но ничего похожего на лазерные турели, импульсные орудия или генераторы СВЧ-импульса, создающие при выстреле пятна неравновесной плазмы, не заметил.

«Может, наблюдательные посты?» – подумал он. Легче от предположения не стало – чем бы на поверку ни оказались два ажурных конических сооружения, их лучше обойти стороной на почтительном расстоянии, а не останавливаться у подножия, разглядывая мерзлую землю.

«Себя угробит и нас подставит», – неприязненно подумал Дитрих о сталкере.

На всякий случай он подал условный знак сопровождавшим его бойцам. Те прекрасно поняли жест командира, заняли позиции, один достал из подсумка плазменную гранату, второй активировал армган.[4]

«Ну не тупи, решай уже что-нибудь!» – мысленно подстегнул Дитрих сталкера, но тот не воспринимал ментальных позывов, сидел себе на корточках, по-прежнему разглядывая мерзлую землю. Вчера была оттепель, и, видимо, там пропечатались чьи-то следы, скованные с наступлением ночи легким заморозком.

…Аскет действительно рассматривал четкие следы, отпечатавшиеся в грязи. Глина, смешанная с пеплом, отлично сохранила отпечатки обуви, здесь накануне топтались как минимум пять человек. Если читать оставленные на земле знаки, то получалось, что три человека оставались на позиции, а двое ходили к выстроенным техносом наблюдательным вышкам.

Сталкер не торопился делать выводы. Вполне обоснованное недоумение легкой тенью промелькнуло по его худому лицу. Отпечатки обуви были одного размера, похожие, как близнецы-братья. Протектор не изношенный, пропечатан четко, в замерзшей грязи видны даже выполненные при литье подошв клейма заводов-изготовителей, вернее, одного и того же завода.

Обувь армейского образца, произведенная в Евросоюзе…

Конечно, учитывая, что в Пятизонье попадали товары со всего мира, предполагать можно всякое. Мало ли удобной прочной обуви армейского образца выложено на прилавках Обочины, в Выгребной Слободе? Там, при наличии средств, даже скафандр высшей защиты купить не проблема.

И все же странно… От меланхолии Аскета не осталось и следа. Он неуловимо преобразился, будто зверь, почуявший запах добычи. Сильно исхудавшее лицо стало чуть более подвижным, словно внутри сталкера

очнулась его истинная, глубоко скрываемая сущность, не принимавшая участия в рутине повседневного выживания.

В эти мгновения он сам стал похож на исчадие техноса. Так ведут себя сталтехи, пораженные проказой Зоны, но еще не до конца утратившие человеческую личность.

В глазах Аскета тусклое безразличие к окружающему на несколько секунд сменилось яростным, лихорадочным блеском, затем взгляд сталкера стал глубок, спокоен и трезв. Еще раз проследив за цепочками следов, он выпрямился и, осторожно ступая, направился к основанию одной из ажурных построек.

– Ну, точно, больной!.. – в бессильной ярости прошипел Дитрих.

Лишиться проводника, когда впереди по маршруту еще как минимум четыре или пять крупных городищ скоргов, было бы досадно. Аскет хоть и «сам в себе», но Митрофан настойчиво рекомендовал его, как сталкера от бога: мол, и опасность чует за километр, и случись что – дерется, как сталтех, и ловушки распознает загодя, зря никогда не рискует, по Пустоши бродит, как по дому родному, а однажды, тому свидетели есть, попал в засаду, десять фанатиков Пламенного Креста окружили его в здании, так всех положил, сам невредимым вышел, да еще двух бродяг выручил, что ученого с Большой Земли подрядились сопровождать…

Сейчас, глядя, как безрассудно Аскет приближается к строению техноса, Дитрих был склонен признать, что хитрый, изворотливый торговец его обманул.

«Подсунул юродивого, небылиц всяких наплел…» – с досадой подумал егерь, ожидая быстрого и драматичного финала безумной вылазки. Ни один сталкер, находясь в здравом уме, не полезет к строению техноса. Любому новичку, пробывшему в Пятизонье хотя бы несколько дней, известно, что упорядоченные в «архитектуру» заросли металлорастений кишат агрессивными колониями эволюционировавших скоргов. Даже ученые и сопровождающие их спецгруппы не рисковали так близко подходить к сформированным в постройки зарослям автонов. В лучшем случае, для сбора образцов они посылали одноразовые зонды, закованные в активный пластик – единственную существующую на сегодняшний день защиту от вездесущих металлических микроорганизмов, которых еще именуют «проказой Зоны».

Аскет тем временем оказался у подножия одной из опор постройки техноса.

Отпечатки армейских ботинок привели его к небольшой выемке.

Невидимый со стороны, в ней лежал цилиндр сантиметров двадцати в

длину. Облитый черным активным пластиком прибор молчал, хотя его предназначение стало для Аскета очевидным с первого взгляда.

Цепочка следов поворачивала и уходила прочь.

Сталкер выпрямился, стряхнул с бронежилета нескольких вскарабкавшихся по ноге скоргов и, игнорируя полученное от торговца задание, повернул в ту же сторону, куда уводили следы.

* * *

Дитрих, наблюдавший из укрытия за действиями проводника, не знал, что и думать.

Вместо того чтобы идти наикратчайшим путем, двигаясь мимо городища Припять в сторону Выгребной Слободы, сталкер внезапно изменил маршрут.

– Он повернул в сторону Когорода, – сверившись с электронной картой, сухо прокомментировал один из боевиков Ковчега.

– Вижу… – с досадой отозвался командир группы. – Есть мнения, почему он так поступил? – Нарушая традицию, Дитрих решил выслушать подчиненных.

– Для бешеной собаки семь верст – не крюк… – сплюнув из-под маски, произнес Клаус – метаморф группы. – Может, дела у него в Когороде?

– Или вообще передумал в Слободу идти? – предположил Зигмунд – бионик.

Дитрих призадумался. Доля истины в высказываниях Клауса и Зигмунда была. И что теперь предпринять? Вернуться к Митрофану, порвать его на куски? А толку? Не выполнив задание, в бункеры Ковчега лучше не возвращаться. Хистер не примет оправданий. Либо ты пришел победителем, либо – добро пожаловать в ряды второсортного быдла. Был ты, Дитрих, командиром боевой группы, а теперь станешь подтирать кровь в подземных лабораториях да ждать своего часа на экспериментальную имплантацию, призванную исправить «ошибки природы».

Нет, такой вариант его абсолютно не устраивал. Лучше тогда уж к вольным сталкерам податься.

Минута внутренней борьбы отразилась на лице командира боевой группы гримасой злобы и отчаяния, но фильтрующая маска защитного шлема скрыла от подчиненных его мимику.

– Так. Двигаемся следом, – принял решение Дитрих. – Соблюдаем дистанцию, Клаус, поддерживаешь маскировку. Пара часов в запасе у нас есть. Если сталкер обходит опасный участок, то он снова вернется на

маршрут при первой возможности. Если нет, придется нагнать его и заставить двигаться в нужном для нас направлении.

Пустошь. Окрестности трущоб…

Тяжелая бронированная дверь, покрытая слоем активного пластика, на секунду замерла, прежде чем начать обратное движение, и в этот миг из полумглы, окутавшей здание трущоб, появились две фигуры, облаченные в боевую экипировку Ордена.

Что-то почуяв, торговец невольно обернулся и вздрогнул всем телом при виде негаданных визитеров.

– Митрофанушка, дверь-то придержи, – раздался глухой басовитый голос, воспроизведенный аудиосистемой тяжелого боевого шлема.

Узловики – так среди сталкеров называли бойцов Ордена, попусту никогда не шатались. Раз пришли, значит, есть дело, а отказывать им в гостеприимстве – себе дороже. За ними мощь огромной группировки – нагрубишь, раздавят, но, справедливости ради, стоило отметить, что зря адепты Ордена обитателей Пятизонья не тревожили, – если сравнивать их с боевиками Ковчега, узловики в большинстве ситуаций вели себя сдержанно, не то что отморозки Хистера.

Митрофан занервничал, но, одолев растущий с каждой секундой страх, все же выполнил приказ-просьбу, коснулся сенсора, оставляя бронированную преграду в открытом положении.

Двое бойцов Ордена едва поместились в переходном тамбуре. Их броня весила по центнеру на брата, да и вооружены они были основательно. Два «карташа», два армгана, мономолекулярные ножи в пластиковых ножнах, в подсумках – плазменные гранаты, контейнеры для н-капсул, колбы с «фричем», да еще энергетические плети, рукоятки которых виднелись в специальных фиксаторах, расположенных на внешней части брони предплечий.

В общем – полная боевая, по стандарту Ордена. Большинству вольных сталкеров о такой экипировке только мечталось в кошмарно-розовых снах.

Массивная дверь с гулом и вибрацией пришла в движение, запирая единственный незамурованный вход на нижние этажи обломка небоскреба.

Один из узловиков коснулся сенсора на запястье, и расположенные елочкой сегменты дополнительного бронирования шлема пришли в движение, смещаясь к затылку, следом за ними поднялось дымчатое проекционное забрало, открывая лицо.

– Апостол?! – Торговец отшатнулся бы, да помешала теснота

помещения.

Адепт Ордена ободряюще подмигнул ему.

– Старые грехи вспомнил? Не дергайся, не затем пришли. Разговор есть серьезный. Ответишь на наши вопросы, будешь жить. Нам твоя душонка ни к чему. Кстати, это Саид. Да, да, тот самый, кого ты в Слободе подставил.

Митрофан нервно сглотнул.

– Ты чего на морозе топтался? – Апостол терпеливо ждал, пока откроется внутренняя дверь. Саид тем временем также разгерметизировал шлем, зловеще улыбнулся торговцу.

– Я это… того…

– Митрофанушка, мы только искренние ответы засчитываем. – Саид как бы невзначай коснулся рукояти ножа с мономолекулярным лезвием. – И времени у нас мало. Так что ты соберись, мычать потом будешь.

– Может, ко мне? – с трудом выдавил Митрофан. – Там и поговорим.

– Да как скажешь, – согласился Апостол. – Только головорезам своим шепни через мью-фон, чтобы сидели тихо и не дергались. А то ведь здание с виду хоть и прочное, но, сам знаешь, развалиться в любой момент может. – Он красноречиво указал взглядом на подсумок с плазменными гранатами.

– Да о чем ты?! – возмутился торговец, боком протискиваясь в открывшуюся лишь наполовину своего хода внутреннюю дверь.

Саид недобро прищурился. «Сердце зверя», имплантированное в предплечье сталкера, уже покалывало кожу, готовое подать энергию к боевым имплантам. Он не коснулся оружия, но был готов в любой момент достать торговца электрошоковым разрядом, если тот вдруг метнется по коридору, созывая охрану.

Митрофан не стал рисковать.

И без того жизнь висела на тоненьком волоске. Слишком многое изменилось за последнее время в Пятизонье. Неодолимая загадочная сила вторглась в аномальные пространства, ломая человеческие судьбы, как спички, и торговец не избежал общей участи.

– Сюда проходите. – Он указал на широкую лестницу, обрамленную украшенными лепниной перилами. Она поднималась на высоту второго этажа, затем закручивалась вдоль стен обширного холла. Установленный в центре массивный столб, к которому крепились прозрачные шахты пяти неработающих скоростных лифтов, терялся в сумраке скупого освещения.

– Красивые небоскребы в Москве строили, – не удержался от замечания Апостол.

Саид лишь молча кивнул, фиксируя, как по периметру повторяющихся на уровне каждого этажа овальных внутренних балконов появились отслеженные его имплантами фигуры вооруженных сталкеров. Некоторое время потоптавшись в нерешительности подле иссеченных пулями перил, они поодиночке вновь исчезли в сумраке.

Апостол не оговорился, упомянув Москву. Фрагмент небоскреба, внутри которого они сейчас находились, был принесен сюда прихотью первой пульсации, когда между пятью отчужденными пространствами перемещались миллионы тонн вещества.

Свое название – трущобы – фрагмент столичного здания заработал позже, когда в нем обосновались сталкеры.

Пустошь всегда считалась регионом небезопасным. За четыре с лишним года существования Пятизонья тут не возникло сильной, доминирующей группировки, и потому на лишенных жизни просторах, среди огнедышащих трещиноватых холмов и конических сопок, извергающих тучи праха, в ложбинах и оврагах, где круглый год царил пепельный туман, постоянно происходили стычки между различными мелкими группами вольных старателей. Сюда, как на свалку, стекались ренегаты и отступники, в Пустошь бежали сталкеры, имплантированные в Ковчеге либо в Ордене, но по различным причинам не принявшие идеологии наиболее сильных группировок Пятизонья. Кроме прочего, еще с первых дней Катастрофы, давшей начало отчужденным пространствам, в Пустоши был традиционно силен технос. Именно здесь, среди множества энергетических аномалий, которые служили источниками бесперебойного питания для сотен механоидов и полчищ скоргов, механическая жизнь процветала особенно буйно.

Не всякий сталкер способен выжить в Пустоши. Здесь, на территории зоны отчуждения, возникшей еще в прошлом веке вокруг закрытой вследствие аварии Чернобыльской АЭС, за десятилетия запустения зараженных радиацией территорий большинство зданий превратилось в руины, а новые города не выросли, так что Катастрофа 2051 года лишь изуродовала и без того пустынный ландшафт, оставив для людей ничтожно мало укрытий.

Зато на просторах Пустоши, богатой металлами, изобилующей источниками подземной тепловой энергии, очагами повышенной радиоактивности и возникшими после Катастрофы энергополями, буйно разрослись металлокустарники, здесь обитали, ведя борьбу за существование, сотни механоидов самых разнообразных видов и конструкций.

Чаще всего сталкеры приходили в Пустошь из других отчужденных пространств. В подавляющем большинстве это были одиночки – старатели, охотники за артефактами, сборщики н-капсул, зреющих в утолщениях ветвей автонов, либо просто – лихие люди, не брезгующие разбоем, грабежом и убийством.

– Я смотрю, ты все этажи под себя подмял? – заметил Саид, когда последний из головорезов Митрофана покинул самый верхний балкон.

– Так времена-то какие наступили! – посетовал торговец, отпирая еще одну массивную дверь. – Поодиночке уже не выжить. Это раньше в Пустоши вольготно было, каждый сам себе хозяин, куда хочу, туда и иду… – проворчал он. – А месяца четыре назад, после пульсации Узла, вдруг стали появляться эти жуткие постройки… – Митрофан жестом пригласил нежданных визитеров внутрь своих личных апартаментов. – Все караванные тропы теперь перекрыты, технос озверел, сталтехов развелось, что крыс на помойке… Недавно вон из соседнего городища механоиды пожаловали. Едва отбились всем миром.

– А ров вокруг здания зачем копать начали? – поинтересовался Апостол.

– Так говорю же – механоиды! Раньше как было? Каждое «изделие техноса» само по себе, – блеснул Митрофан знанием военной классификации механических обитателей Пятизонья. – Они же в основном друг с дружкой грызлись, территории делили, энергополя захватывали. А теперь? Как эти городища появились, так все – житья сталкерам не стало. Механоиды теперь стаями бродят, сотрудничать научились.

– Я слышал, что скорги и механоиды из разных городищ друг с другом воюют, – заметил Саид, садясь в кресло, которое жалобно скрипнуло, едва не развалившись под весом боевой брони сталкера.

– Ты бы лучше туда пересел, – Митрофан кивком указал на массивный, сваренный из металлического уголка табурет.

Саид холодно посмотрел на него, и торговец заткнулся.

– Так я про ров спрашивал, – напомнил Апостол.

– Ну да, копаем, – кивнул торговец. – Мне тут один химик из Ковчега формулу синтетического «фрича» продал, – признался он. – Конечно, субстанция не такая убойная, как та, что естественным путем образуется, да и для человека опасная, «перчатку» из нее не сделаешь, но металл разрушает славно. Вот и хочу ров этой дрянью наполнить. Хоть какая-то защита, а то в последний раз думал – все, смерть пришла. Прут механоиды, как танковые клинья…

Апостол тяжело сел на табурет, жестом оборвав жалобы торговца.

– Значит, так… – Он пристально и холодно посмотрел на него. – Обочину, надеюсь, помнишь?

Митрофан сипло вздохнул, кивнув. Райские, беззаботные были времена…

…Уже спустя год после образования Пятизонья на окраине Пустоши, у внутренней границы Барьера, в местечке Выгребная Слобода стихийно возник сталкерский рынок, получивший название «Обочина». Начинание торговцев и перекупщиков оказалось весьма удачным, рынок стремительно рос, обретая известность как в границах Пятизонья, так и во Внешнем Мире. Постепенно там сформировались свои неписаные правила, касающиеся безопасности. Торговцы, желая привлечь максимальное количество клиентов, объявили Выгребную Слободу демилитаризованной зоной. Проще говоря, на территории рынка были запрещены любые разборки. За порядком следили сами вольные сталкеры, заставляя каждого пришедшего сдавать оружие и глушить импланты специальными вставками.

В известном на все отчужденные пространства баре «Пикник» могли столкнуться нос к носу злейшие противники, но даже сильные мира сего подчинялись на территории рынка общим правилам, не смея вцепиться один другому в глотку.

Митрофан когда-то тоже торговал на Обочине, но затем, после безрассудной попытки провернуть аферу с партией оружия, предназначенной для Ордена, был изгнан оттуда. Саид и Апостол, принимавшие непосредственное участие в тех событиях, убили бы торговца, но сделать это сразу помешали всё те же законы, запрещающие проливать кровь на территории рынка, а затем Митрофан как-то внезапно исчез из поля зрения узловиков, думали, что сгинул среди превратностей Пустоши, ан нет, живучим оказался…

Теперь Митрофан отчаянно жалел о совершенной по жадности ошибке.

Чтобы стать вольным сталкером и выжить в отчужденных пространствах, у него явно не хватало личных качеств, но вернуться во Внешний Мир он уже не мог: начиная бизнес в Пятизонье, ему пришлось согласиться на имплантацию. Без главного метаболического импланта человек в отчужденных пространствах либо погибал, либо превращался в сталтеха, тут уж, как говорится, без вариантов. Однако имплантация – это билет в один конец. Многие сталкеры верят, что импланты, вживленные хирургическим путем, можно впоследствии удалить таким же радикальным вмешательством, но, как показала практика, – это не так. Во-первых, любой

имплант состоит из стабилизированных от спорадического размножения и сконфигурированных в полезные для человека устройства колоний скоргов, а им, кроме той энергии, что микрочастицы получают в симбиозе со своим «носителем», необходим еще один вид постоянной подпитки – энергия аномальных пространств, проникающая в наш мир из таинственного Узла. Этот вид энергии, пока что неуловимый для имеющихся в распоряжении ученых приборов, пронизывает все отчужденные территории и постепенно затухает, рассеивается на удалении в несколько километров от внешних границ Барьеров. Таким образом, получается, что сталкер, отважившийся покинуть Пятизонье и безрассудно рискнувший вернуться во Внешний Мир, становится носителем мертвой колонии скоргов – инородного тела, зачастую токсичного, внедрившегося во многие жизненно важные органы.

Казалось бы, вопрос все же можно решить оперативным хирургическим вмешательством, удалив омертвевшую колонию металлизированных микрочастиц, но и тут удручающая статистика показала, что отчужденные пространства не отпускают сталкеров – импланты (особенно при длительном использовании) встраиваются в метаболизм человека, изменяют обмен веществ, и без их участия процессы жизнедеятельности становятся невозможными.

Так что выбора у Митрофана особо-то и не было. После изгнания из Выгребной Слободы он, собрав пожитки, откочевал ближе к тамбуру, расположенному неподалеку от порядком разрушенных временем и Катастрофой, но тем не менее сохранивших монументальность построек Чернобыльской АЭС.

Поначалу торговец нашел прибежище в трущобах. Некоторое время Митрофан бедствовал, уж не зная, выживет ли среди бродяг Пустоши, обосновавшихся в обломке здания, но жизнь есть жизнь – некоторые запасы, вывезенные из Выгребной Слободы, позволили ему открыть небольшую лавку, затем торговля понемногу пошла в гору – здесь, в самом сердце наиболее опасного из аномальных пространств, техноартефакты ценились дешевле, а предметы первой необходимости – дороже. К тому же неподалеку сходились ведущие к тамбуру караванные тропы, и вскоре торговец вновь встал на ноги, его бизнес окреп. Митрофан окружил себя темными личностями из числа опустившихся сталкеров и начал зарабатывать на разного рода сомнительных сделках.

Он поставлял оружие боевикам Пламенного Креста, снабжал продовольствием мелкие банды, промышлявшие на караванных тропах, а заодно постепенно, этаж за этажом, подминал под себя здание трущоб.

Так бы и процветал торговец, вновь нашедший свою нишу в

экономической системе Пятизонья, не случись в Пустоши нашествия эволюционировавшего техноса…

– Обочину-то я помню, – тяжело вздохнул он. – Только что теперь старое вспоминать? Убивать меня пришли? Так я сам себя за жадность давно наказал…

– Не похоже. – Апостол обежал взглядом шикарную (по меркам Пятизонья) обстановку внушительных размеров помещения.

– Так потом и кровью, потом и кровью добыто…

– Чьей кровью? – недобро переспросил Саид.

– Ладно. Оставь его, – вмешался Апостол. – Слушай сюда, Митрофан. Мы сталкера одного ищем. Поможешь с ним встретиться, считай, что все прошлые инциденты забыты и у Ордена к тебе претензий нет.

Сердце торговца ёкнуло.

Иметь за спиной такого врага, как Орден, – никому не пожелаешь. Да он половину своих отморозков готов был сдать в этот миг со всеми потрохами, лишь бы обещание Апостола обернулось правдой.

– Кто конкретно интересует? – не в силах скрыть подступившее к горлу волнение, хрипло спросил он.

– Имени или позывного мы не знаем, – огорчил его Саид. – Описание внешности тоже вряд ли поможет. Скорее всего, он сильно изменился с момента нашей последней встречи.

Митрофан сел на стул и вдруг принялся раскачиваться, монотонно барабаня пальцами по столу, что-то напряженно обдумывая.

– Ну, хоть какую-то зацепку дайте! Ведь не просто так ко мне явились?

Апостол кивнул.

– Слух прошел, что ты выступил посредником в крупной сделке между Ковчегом и техносиндикатом. Речь о поставке крупных партий оружия, верно?

– Ну, допустим, – без особого энтузиазма признал Митрофан.

– По нашим сведениям, всего ты взялся провести пять больших караванов от Слободы до тамбура. Но провел только два. Почему?

– Да технос треклятый! – Митрофан вновь разнервничался. Встав, он подошел к встроенному в стену шкафу, достал оттуда початую бутылку водки, три стопки, но, перехватив взгляд Саида, отрицательно покачавшего головой, с тяжелым вздохом поставил все обратно. – Раньше как было? – Торговец страдальчески покосился на бутылку. – Через заросли металлокустарников можно было спокойно путешествовать. Никто и не узнает заранее, где караван пройдет. Нанимаешь мнемотехника, он берет

под временный контроль ближайшего крупного механоида и попросту гонит его в нужном направлении, заставляя прокладывать широкую просеку. Я так десятки раз поступал! А теперь все засеками проклятых скоргов перегорожено, ни один механоид не проломит! И заросли автонов видоизменились, стали похожи на огромные металлические деревья, оплетенные нитями серебристой паутины. Да что я вам рассказываю, сами небось видели!

– Ты выпей, – разрешил Апостол. – Только не усердствуй.

Митрофан благодарно посмотрел на него, схватил вожделенную бутылку, вернулся к своему стулу, сел, приложился прямо к горлышку и, шумно выдохнув, продолжил:

– Оставалось еще несколько старых троп, вот по ним и пришлось груз переправлять. Первую партию доставил, а со второй проблема вышла – какая-то местечковая банда, совершенно озверев от лишений, решилась напасть…

– Вот с этого места поподробнее. Ты сам сопровождал груз?

– Естественно. Разве кому доверишь?

– Ну и как выпутался?

– А сам до сих пор не знаю! – Митрофан икнул. – Зона помогла!

– Ты по существу давай. Не отклоняйся от мысли. О чудесах поговорим на досуге.

– Охрану они из засады положили. – От мрачных воспоминаний на лицо Митрофана набежала тень. Видно, психика торговца серьезно пошатнулась с той поры, как технос начал завоевание Пустоши, слишком быстро и сильно алкоголь ударил ему в голову. – Бежать мне было некуда. – Глаза Митрофана налились кровью, подбородок мелко задрожал. – Два армейских вездехода разве устоят под огнем десятка армганов? Помирать я тогда собрался, почуял, конец настал! – Митрофан вдруг подался вперед, грохнув кулаком по столу. – Но обломались налетчики! Всех моих парней поджарило, – вдруг пьяно запричитал он, – лежат, горелым мясом воняют, с автонов на них уже серебристая дрянь капает, глядишь, вот-вот сталтехами вставать начнут, а у меня ноги отнялись, словно парализовало.

Апостол встал, зачерпнул кружкой воды из бака, плеснул Митрофану в лицо.

– Как выжил, спрашиваю! – неожиданно рявкнул он.

Митрофан осел.

Через минуту, придя в чувство после внезапно начавшейся истерики, он глухо заговорил, продолжая прерванный рассказ:

– Сталкер меня спас. Сначала, когда те, из засады, стали к тропе

спускаться, первый из них вдруг словно споткнулся – башку ему снайперским выстрелом разнесло, остальные оцепенели, замешкались, так по ним тут же очередью из «карташа». – Торговец поежился. – Только ошметья кровавые по сторонам полетели. Из крупнокалиберного «ИПК» да в толпу… такое увидишь, потом неделю спать не будешь…

– Не отвлекайся! – буркнул Саид.

– Да я и говорю: только трое уцелели, бросились назад, в заросли, ну я над бортом приподнялся…

– Так у тебя же ноги отнялись? – напомнил Апостол.

– Прошло все! Клин клином вышибают! – выкрутился Митрофан. – Бежать не могу, а привстать – привстал. Гляжу: тень вдогонку метнулась. Не поймешь, человек ли? Худой, быстрый, на сталтеха похож, какие-то лохмотья на нем, а «ИПК» тяжеленный несет, будто игрушку, еще и ножом в другой руке поигрывает. В общем, жутко мне опять стало. Как тех троих он догнал, врать не стану – не видел. Минуты две прошло – возвращается.

– Опиши его. И подробнее! – потребовал Апостол.

– Худой. Экипировки нет совсем, даже дыхательной маски. Лицо осунувшееся, глаза ввалились, рукава одежды оторваны, кожа загорелая такая, только загар ненормальный, пепельного цвета.

– Ранения у него были? – уточнил Саид.

– В том бою его даже не поцарапало. А вот старые были, – закивал Митрофан. – Строчкой, через грудь, словно от очереди. Еще на бедре пара серебристых шрамов, да на лице пятно проказы по щеке, мимо глаза, к виску. Я, как такое увидел, совсем растерялся. Думаю – точно, сталтех. Сейчас меня добьет и пойдет дальше по своим делам.

– А он?

– Он дверцу вездехода открыл, сумрачно так на меня посмотрел, потом залез внутрь, «ИПК» между сиденьями положил, расслабился, как будто обмяк, словно пружина у него внутри ослабла, а затем глухо говорит: «Поехали, отец, место плохое».

– Что дальше было?

– Странный он. За всю дорогу только пару фраз проронил, и то как в забытьи. Сказал: «Есть хочу. Желудок сводит». Ну, у меня тут же от сердца отлегло, думаю, раз про еду заговорил, значит, точно не сталтех. Сюда мы без происшествий добрались, я его на радостях накормил, комнату дал, так он пару суток провалялся, просыпался только, чтобы поесть. Потом ничего, оклемался немного.

– Как его местные встретили?

Митрофан махнул рукой.

– Бычьё. Конечно, с расспросами полезли, а он молчит себе. Вообще неразговорчивый. Из него слово только клещами вытянешь. А у нас нелюдимых не любят. Ну, сами посудите, кто разберет, что у него на уме? Только Аскету на мнение других наплевать. На третий день, как только отоспался, вышел в общий зал, сидел, никого не цеплял, да сталкеры сами к нему полезли, вот он пару морд и своротил. Тоже – молча. С тех пор к нему вообще никто без дела не подходит.

– Аскет, значит?.. – Апостол глубоко задумался. – А что между собой сталкеры говорят?

– Да разное, – ответил Митрофан. – Никто ведь не знает, откуда он вообще в Пустоши появился. Есть тут у меня один мнемотехник недоделанный, так он утверждает, будто бы главный метаболический имплант Аскета работает в форсированном режиме, оттого тот и худющий, как призрак, сколько его ни корми.

– А каких-то клейм, татуировок никто не замечал? – спросил Саид.

– Я видел, – кивнул торговец. – Относительно татуировок врать не стану, а вот на поверхности его имплантов клейма Ордена стоят. Это точно.

Саид с Апостолом переглянулись.

– Где он сейчас?

Митрофан ждал и боялся прозвучавшего вопроса.

– Ну, Аскет – он вообще странный. Когда захочет, уходит, когда в голову взбредет, возвращается.

– Зачем уходит? Куда?

– Ходит за артефактами. А вот куда, не знаю. Он одиночка. Напарников с собой никогда не берет, хотя некоторые сталкеры набивались к нему в компаньоны, возвращается всегда с добычей, но на любые вопросы отвечает односложно или вообще отмалчивается.

Апостол кивнул.

– Митрофан, а теперь подумай и скажи: куда ушел Аскет. Я тебя предупредил, засчитываются только честные ответы.

Торговец вновь заерзал на стуле. Он уже понял, что Аскет именно тот сталкер, которого ищут адепты Ордена. Он им нужен. Причем живым. Но как им сообщить, что несколько часов назад послал Аскета практически на верную гибель, да еще вслед ему отправил троих боевиков Ковчега?

– Ну?! – Апостол был неумолим.

– Он пошел к Выгребной Слободе.

– Зачем?

– Ищет безопасную тропу. Мне еще три каравана нужно до тамбура провести!

– Ясно. – Апостол встал. – Еще что-то можешь добавить? – угрожающе спросил он.

Митрофан сжался.

– За ним трое боевиков Ковчега идут по следу. Тропу помечают.

Саид вдруг хищно оскалился.

– Это уже их проблемы, – произнес он, герметизируя шлем.

– А я? – Митрофан инстинктивно вскочил.

– Сиди уж, как сидел, водку хлебай. – Тяжелая рука Апостола легла ему на плечо. – С егерями мы сами разберемся. Если правду сказал, всё старое забудем.

– А если он того… Погибнет вдруг?! Он же совсем безбашенный! Сам идти вызвался! Между городищами решил пробраться!

– Его уже технос однажды пытался убить, – неожиданно произнес Апостол, убирая руку с плеча торговца и герметизируя шлем. – Не вышло, – глухо прозвучал его голос, воспроизведенный через аудиосистему. – Ты, главное, пасть на замок закрой и не вздумай сболтнуть кому-то о нашем разговоре.

– Постой, Апостол, а караваны?! – вдруг опомнился Митрофан.

– Вот тут уж сам выкручивайся, как хочешь, – обернувшись уже на пороге, ответил сталкер. – Аскет к тебе не вернется, факт.

Дверь за адептом Ордена закрылась, оставив Митрофана в глухом, отчаянном облегчении, один на один с початой бутылкой водки и вернувшимися проблемами.

Глава 2

Внешний Мир

Свет в помещении не горел.

Ранние сумерки ноябрьского вечера рассеивало свечение нескольких голографических экранов, куда выводились данные со спутников частной орбитальной группировки, принадлежащей корпорации «Блаккет», основным видом деятельности которой являлось проведение геологоразведочных изысканий, поиск и оценка месторождений различных полезных ископаемых.

В комнате находились три человека.

Владелец «Блаккета», Дункан Миллер, тучноватый, лысый мужчина, одетый в домашний халат, расхаживал из угла в угол с полупустым бокалом в руке. Он явно нервничал, не в силах скрыть своего состояния.

Два его гостя сидели в мягких креслах подле камина. Один в военной форме, второй в безукоризненном деловом костюме.

– И все же, господа, мне не верится, что русские решились на подобный шаг!.. – продолжая прерванный разговор, произнес адмирал Ричард Хейнц. Он небрежно положил на стол выполненную на пластбумаге копию какого-то пожелтевшего от времени документа. – В результате Катастрофы пострадали три российских мегаполиса, в том числе Москва и Санкт-Петербург! Нет, я отказываюсь понимать логику таких испытаний!..

– А тут нет никакой логики, адмирал, – лениво отозвался молодой человек, сидящий напротив. – Говоря «русские», мы с господином Миллером подразумевали не современную Россию, а Советский Союз образца эпохи холодной войны. Согласитесь, идеи мирового господства тогда в буквальном смысле витали в воздухе!

– Да, но как это соотносится с современным положением вещей?

– Вот для этого мы вас и пригласили. Чтобы вместе разобраться в происходящем.

– Вы мне не нравитесь, господин Урман! – Хейнц раздраженно стрельнул в него взглядом. – Грязные методы ведения бизнеса корпорацией «Техносистемз» известны!

– Не зарывайтесь, адмирал! – резко ответил Урман. – Век святой простоты давно завершился. И военным лучше других должно быть известно, как много крови и грязи в современном мире! Вы хотели намекнуть, что моя корпорация использует технологии, нелегально

импортированные из Пятизонья? Да. – Он демонстративно развел руками. – Да! Мы изучаем, и не без успеха, техноартефакты, вывезенные из отчужденных пространств контрабандным путем. Благодаря нашей деятельности, армия уже получила ряд технологических новинок, переоценить которые невозможно!

– Допустим, – буркнул Хейнц, не собираясь отрицать очевидного.

– Исходным материалом для разработки новых бронепластиковых покрытий послужила одна из разновидностей аномальных субстанций, образующихся в Пятизонье, – язвительно напомнил Урман. – И это только один из примеров. Думаю, мы не настолько глупы и враждебно настроены друг к другу, чтобы мне понадобилось оглашать весь список перспективных разработок?

– Я не понимаю, к чему вы клоните? Говорите толком, что вы хотите получить от армии и флота?

– Всё по порядку, адмирал. В данный момент мы втроем представляем уникальный сплав знаний, технологий и силы. Не отрицаю, что каждый из присутствующих имеет свой взгляд на проблему Пятизонья и будет преследовать собственные цели, но, сотрудничая, мы способны горы свернуть!

Хейнц мрачно выслушал его.

– Миру угрожает опасность, и вы, адмирал, способны ее предотвратить! – неожиданно заявил Урман. – Нет, не нужно кривиться, возражать, лучше выслушайте меня! Вы ведь не станете отрицать, что Пятизонье – это источник постоянной *глобальной* угрозы для всего сущего на Земле?

Ричард потянулся к низкому столику, стоящему подле камина, между креслами, налил себе выпить.

– Продолжайте, – вместо прямого ответа на поставленный вопрос буркнул он. – Миллер, прекратите мельтешить за спиной!

Владелец корпорации «Блаккет» не нашел ничего лучшего, кроме как присесть на угол собственного рабочего стола. Край халата при этом распахнулся, обнажив толстую волосатую ногу.

Адмирал брезгливо отвернулся.

Урман задел его за живое. Грозит ли опасность цивилизованному миру? Да! Может быть, какое-то племя дикарей, кочующее по берегам Амазонки, и не испытывало страха перед грядущим, но большинство развитых мировых держав вот уже несколько лет балансирует на грани саморазрушения. Мир утратил стабильность. Ударная волна Катастрофы, грянувшей 13 сентября 2051 года, казалось, ежедневно огибает земной шар,

сотрясая в конвульсиях экономику, политические системы, умы, наконец.

Если Хейнц что-то и преувеличивал в мыслях, то не намного.

Любой здравомыслящий человек на протяжении последних четырех лет вольно или невольно задавался вопросом: что будет дальше? Катастрофическое явление, исказившее гравитационное поле Земли, унесшее миллионы жизней, превратившее в руины три крупнейших мегаполиса Евразии, до сих пор не находило разумного объяснения. Хейнц знал, что при формировании Барьеров, запечатавших пять территорий в коконе сферических гравитационных аномалий, были задействованы энергии звездного порядка, но что стало причиной Катастрофы, никто по-прежнему не знал. Мир жил в постоянном ожидании нового удара либо еще худшего, но часто предсказываемого события – внезапного исчезновения Барьеров. Жутко было даже подумать, что станет с Землей, если скорги и механоиды вдруг вырвутся из своих «резерваций».

Мысли о Пятизонье пробудили неприятные воспоминания.

Адмирал навсегда запомнил то сентябрьское утро. Его дом содрогнулся, вылетели стекла, он вскочил с постели с ощущением, что произошло нечто чудовищное, непоправимое, а через минуту ожил коммуникатор экстренной правительственной связи…

До сих пор Ричард не мог забыть гадливое чувство облегчения, когда он узнал, что Катастрофа произошла в России, а Старую Европу потряс лишь ее слабый отголосок… Но жизнь с тех пор изменилась, она разделилась на две половины – До и После…

– Давайте смотреть правде в глаза, адмирал, – вторгся в его мысли голос Урмана. – Я не склонен предлагать вам политические игры. С таким трудом созданный поколениями наших предков миропорядок и без того трещит по швам. Я лишь констатирую: началась новая война, запущен очередной виток гонки технологий и вооружений, в которой мы проигрываем!

– О какой гонке вооружений вы говорите?! – Адмирал поставил на столик пустой бокал. – Мы сотрудничаем с современной Россией…

– Оставьте! Не будьте ребенком! – Урман холодно посмотрел на него. – Если моя корпорация, не имея официального доступа в Пятизонье, используя лишь те крохи, что удается получить по нелегальным каналам, *уже* дала армии новые типы брони и вооружений, то, по-вашему, русские, контролирующие часть аномальных территорий, не продвинулись за эти годы в аналогичных исследованиях? Считаете, что они не создали новые образцы технологий, в том числе и военных? Возьмите успехи «Техносистемз» и умножьте их на сто, адмирал! – гневно заявил Урман. –

Это будет самая скромная оценка для новых военных технологий, полученных Россией в результате исследований техноса Пятизонья!

На некоторое время в комнате воцарилось тягостное молчание.

– Количество техноартефактов все же ограничено, – наконец возразил адмирал Хейнц. – Думаю, что ваша корпорация имеет в своем распоряжении примерно те же образцы изделий техноса, что и научно-исследовательские институты Министерства обороны России. Не нужно сталкивать лбами…

Урман вновь не дал адмиралу завершить начатую фразу:

– Мы с Миллером пригласили вас, адмирал, надеясь на встречу с человеком здравомыслящим, обеспокоенным угрозой, исходящей из отчужденных пространств! Но вы упорно не желаете смотреть правде в глаза, демонстрируете нерешительность…

– Ладно, Урман. Я погорячился. – Хейнц мгновенно сообразил, что в данном случае повел себя неправильно. Разумнее выслушать Урмана и Миллера, а уже после делать выводы, давать оценки или принимать решения. – Чего вы хотите от меня?

– Поддержки, – скупо ответил Урман. – Вы, адмирал, являетесь одной из ключевых фигур в принятии военных и политических решений. Давайте говорить прямо, чтобы исключить двойные трактовки. Мы – я сейчас говорю от лица крупнейших европейских корпораций, – как и все нормальные люди, хотим стабильности. Пятизонье – язва на теле планеты, дымящийся вулкан, грозящий в любую секунду взорваться и смести цивилизацию!

– Хватит патетики. Давайте по существу! – прервал его адмирал.

– Хорошо. – Глава «Техносистемз» принял вызов. – Мир необратимо изменился в момент Катастрофы, давшей начало аномальным пространствам. Вот этот листок из архива Министерства обороны Советского Союза, – он постучал пальцем по качественно перенесенной на пластбумагу копии пожелтевшего документа, – способен пролить свет на причины сентябрьских взрывов, но речь сейчас не об этом. Тоннельная установка, гравитационные аномалии, таинственный Узел, расположенный в ином измерении, являющийся генератором, поддерживающим Барьеры пяти отчужденных пространств, – все это если и найдет научное обоснование, то не при нашей жизни, адмирал. Четыре года достаточный срок, чтобы понять: исследование гипертоннелей, связующих отчужденные пространства, – удел будущих поколений, на нашем уровне знаний мы можем лишь строить смелые гипотезы. Как нам удалось убедиться, архивы Министерства обороны бывшего Советского Союза тщательно вычищены.

Если и существовал экспериментальный образец установки, способной перемещать предметы через иное измерение, он уже отработал свое, дав толчок, приведя в движение силы, которыми никто не может управлять. – Урман сделал глоток воды, затем продолжил: – Если бы Катастрофа просто запечатала пять пространств, покорежив их ландшафт, мы бы относились к проблеме более спокойно. Мало ли на Земле мест, где до сих пор происходят непонятные науке явления? Но за Барьерами погибло все живое и неожиданно начал стремительно развиваться технос. Согласитесь, адмирал, колонии скоргов – это опасность, которую нельзя недооценивать! Микрочастицы, способные к самовоспроизводству, самоорганизации, подверженные мутациям, ведущие явную эволюционную борьбу, захватывающие любые носители и реконструирующие их, – это ли не источник угрозы, расположенный непосредственно у наших границ?!

– Не вижу, что мы можем предпринять, – буркнул адмирал.

– Только три из пяти зон отчуждения находятся на территории русских, – напомнил ему Урман. – Два аномальных пространства образовались в границах сопредельного с Россией государства, чье правительство наконец созрело, полностью осознав свое бессилие перед растущей угрозой. Оно готово обратиться к Европейскому Союзу за военной помощью.

– Мне ничего не известно о подобном обращении! – мгновенно напрягся Хейнц.

– Официально оно последует лишь завтра, – осведомил его глава «Техносистемз». – Поэтому мы и пригласили вас, адмирал. Нами проведена титаническая подготовительная работа, но ее завершающий этап будет зависеть от конкретного решения, принимать которое в том числе и вам. Речь идет о превентивном ударе по техносу, пока механоиды и скорги не вырвались из границ Пятизонья!

Последняя фраза Урмана произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Хейнц едва поверил своим ушам. Превентивный удар по отчужденным территориям? Да эти двое с ума сошли!

– Вы предлагаете мне проголосовать «за»?! – возмущенно спросил он. – Одобрить ввод армии на территорию сопредельного с Россией государства? Вы хоть понимаете, что, приняв подобное решение, мы из сторонних наблюдателей превратимся в участников блокады, обострим свои отношения с нашими недавними противниками – русскими, возьмем на себя непосредственную ответственность за периметры двух зон отчуждения! – не выдержав, вспылил Хейнц. – Вы, наверное, рехнулись, Урман!

– Я подозревал, что вы попытаетесь спрятать голову в песок, – презрительно ответил глава «Техносистемз». – Куда проще оставаться в стороне! Как говорили наши далекие предки: «Приятно наблюдать за сражением на море, стоя на берегу», верно?

– Зря тратите время, – огрызнулся адмирал. – Не понимаю, чем вас не устраивает существующее положение вещей?!

– Скажем так – оно меня устраивало. До поры, – цинично признал Урман.

– Что же изменилось? Только не надо так на меня смотреть! Я не хуже вашего осведомлен, что происходит вокруг отчужденных пространств!

– Видимо, мышиная возня на границах Барьеров поглотила все ваше внимание, адмирал, – усмехнулся Урман. – Но мысль понятна, я хорошо читаю между строк. Два пространства – Казантип в Крыму и Пустошь, блокированы из рук вон плохо. Чем не точка проникновения в Пятизонье? Чего же еще желать ненасытным корпорациям? Я правильно излагаю ход ваших мыслей?

Хейнц угрюмо промолчал.

– Все далеко не так радужно. – Урман постепенно усиливал напор. – Кроме скверной, я бы даже сказал – дырявой, блокады внешних периметров Барьеров Казантипа и Пустоши, существует еще и внутренняя обстановка. Ее формируют силы, действующие в отчужденных пространствах. Полуостров Казантип контролируется Орденом Сталкеров. Это мощная, по меркам Пятизонья, военизированная группировка. Именно Орден, а не изоляционные силы, по-настоящему владеет ситуацией, решая, кого допускать в отчужденное пространство, а кого нет. О Российских территориях речь сейчас вообще не идет, и что же мы имеем в сухом остатке?

– Пустошь, – нехотя ответил адмирал. – Насколько я знаю, ее пространство не контролируется никем, – добавил он.

– Ваши сведения устарели. – Урман сделал несколько переключений на миниатюрной сенсорной панели, стилизованной под старинный пульт дистанционного управления. – Пустошь теперь контролируется техносом.

Хейнц пренебрежительно скривился.

– Наша разведка работает не хуже корпоративных групп, – раздраженно произнес он. – Эти постройки, возникшие за последние месяцы, на самом деле не так и опасны. Шумиха, поднятая в прессе, – очередной поиск сенсаций, не более.

– Здесь я готов доказать обратное, адмирал. – Урман был настроен решительно. – Наш нервный молчаливый друг, – он кивнул в сторону

Миллера, до сих пор не принимавшего активного участия в разговоре, – возглавляет корпорацию, известную своими геологическими изысканиями. Мы давно работаем в тесном сотрудничестве. «Техносистемз» в свое время разработала уникальное сканирующее оборудование, установленное на спутниках серии «Блаккет». Аппараты группировки расположены на высоких орбитах и потому не пострадали в момент Катастрофы пятьдесят первого. Они оснащены не имеющими аналогов сканерами, способными проникать излучением не только под полог облачной и дымопылевой завес, но и зондировать земную кору на глубину до одного километра…

Хейнц, неприятно удивленный словами Урмана, нахмурился. Его явно втягивали в непонятную игру, пытаясь использовать как пешку.

– Даже не стану обсуждать это, – раздраженно ответил он.

– Почему? – искренне удивился Урман, немного обескураженный реакцией адмирала на жест, приглашающий рассмотреть модель рельефа пустоши, сформированную в пространстве стереомониторов.

– Я не склонен тратить время на фальсификации. Сканеры и зонды, способные проникать сквозь дымопылевые облака, да еще исследовать глубинные структуры земной коры, – это область фантастики! Существуй они на самом деле, то использовались бы в целях армейской разведки, а не в угоду бизнесу!

Об упрямстве Хейнца ходили легенды. И, тем не менее, его поддержка необходима. Без нее весь план рухнет, и миллионы, пущенные на подкуп чиновников, на искусственное нагнетание истерии вокруг Пустоши и возникших там построек техноса, на лоббирование необходимых решений в правительстве сопредельного с Россией государства, – все пропадет зря, мысленно рассуждал Урман. К его великому сожалению, Хейнц взяток не брал, иначе вопрос решился бы достаточно просто.

– Сожалею, что вынужден поколебать вашу уверенность, – произнес глава «Техносистемз». – В свое время я предлагал установить новейшие образцы сканеров на военные спутники, но получил вежливый отказ. Потепление отношений между Европой и Россией отбросило наши вооруженные силы далеко назад в плане прогрессивного технического оснащения, но теперь, надеюсь, время иллюзий прошло. Поймите, адмирал, бизнес не может стоять на месте. Я продал свою разработку корпорации «Блаккет». И теперь, понимая всю сложность сложившейся ситуации, убедил господина Миллера поделиться уникальными данными, полученными со спутников…

– То есть на протяжении последних лет корпорация «Блаккет», под прикрытием задач геологической разведки, занималась военным и

промышленным шпионажем?! – взъярился адмирал.

Урман мысленно вздохнул.

Вот ведь упрямец. Но зато, перетянув Хейнца на свою сторону, можно будет не беспокоиться об исходе спланированной втайне операции. Этот носорог пробьет любую стену, нужно лишь придать ему правильное направление для приложения усилий.

– Промышленный и военный шпионаж – это два столпа современного информационного рынка! – резко ответил Урман, не обращая внимания на смертельную бледность, пятнами покрывшую лицо Миллера. – Адмирал, будьте же реалистом, наконец! Я подготовил подробный доклад, который завтра попадет на стол к президенту Европейского Союза. Будет ли вам польза, если в докладе я отмечу, что предупреждал об угрозе, предлагал бесценные данные, но вы не пожелали даже взглянуть на них?

Удар, нанесенный ниже пояса, достиг цели.

Единственное, чем по-настоящему дорожил Хейнц, была его карьера.

– Ладно, показывайте, что там у вас, – подумав, согласился он.

– Прошу. – Урман указал на невысокий постамент, около четырех метров в диаметре, занимавший отдельное место в огромном кабинете Миллера. – Это последняя модификация голографического проектора. Разработана моей корпорацией. Здесь мы сможем в мельчайших подробностях рассмотреть не только саму Пустошь, но и все, что происходило в ее недрах на протяжении последних месяцев.

* * *

Поначалу объемная компьютерная модель рельефа отчужденного Барьером пространства не впечатлила адмирала. Он видел схожие голографические изображения десятки, если не сотни раз.

В центре аномальной территории, неподалеку от переживших Катастрофу пятьдесят первого построек печально известной Чернобыльской АЭС, вращался мутно-пепельный столб расширяющегося кверху вихря.

Вокруг, примерно в радиусе одного километра, вздыбленный тектоническими процессами ландшафт, похожий на декорацию к фантастическому фильму, был выделен фиолетовым фоном. Так называемая «зона тамбура», мысленно отметил адмирал. При перемещении через пространство таинственного Узла человек, механоид, скорг либо предмет, как правило, материализовались в границах отмеченной территории. Зная эту особенность, доминирующие группировки Пятизонья стремились удерживать зоны тамбуров под постоянным контролем.

При спорадических пульсациях Узла, являющихся сущим бичом для обитателей отчужденных пространств, картина получалась иной. Основная масса захваченного при пульсации вещества рассеивалась по всем площадям ограниченных Барьерами территорий. Скорги, механоиды и сталкеры, не успевшие найти убежище или пропустившие скоротечные признаки приближающегося катаклизма, в результате спорадической пульсации либо навсегда исчезали из нашего мира, либо выбрасывались в произвольных точках отчужденных территорий, часто совмещаясь с постройками, деталями рельефа, зарослями металлорастений, что вело к гибели людей и разрушению механизмов. Только скорги – основа всего техноса, использовали пульсации как механизм миграции и несомненный мутагенный фактор. Перемещаясь вместе с тоннами вещества из одной зоны отчуждения в другую, они причудливо перемешивались, обмениваясь фрагментами колоний, образуя новые агломерации. Таким образом, каждая пульсация вела к некоторым изменениям ландшафта Пятизонья и к появлению неизвестных ранее колоний скоргов.

– Сейчас мы наблюдаем Пустошь в ретроспективе, – нарушил ход мыслей адмирала комментарий Урмана. – Построение динамической модели начинается в точке времени, предшествующей появлению первых построек техноса.

Компьютерный рельеф внезапно начал видоизменяться. На территории Пустоши четко обозначились так называемые «городища», возникшие в одно и то же время в разных точках отчужденного пространства. Постройки техноса, представляющие собой похожее на термитник центральное сооружение, окруженное двумя, а в некоторых случаях – тремя концентрическими окружностями стен, созданными из металлорастений, стремительно росли, захватывая все новые и новые территории.

– Как видите, адмирал, Пустошь преобразилась, она уже не та вольница сталкеров, какой являлась несколько месяцев назад. Постоянный спутниковый мониторинг выявил появление неподдающихся идентификации энергетических матриц. По нашим предположениям, они принадлежат новым типам механоидов. Посмотрите на распределение сигналов. Они концентрируются в городищах. А теперь попытайтесь ответить на вопрос: для чего под защитой построек техноса создаются и накапливаются армии эволюционировавших механизмов?

– Не знаю, – глухо ответил Хейнц, пораженный увиденным. – А что предполагаете вы?

– Мы не предполагаем, – зловеще усмехнулся Урман. – Миллер,

покажите адмиралу подземную часть инфраструктуры, выстраиваемой техносом.

Дункан совершил несколько переключений, и компьютерная модель рельефа еще раз изменилась. Теперь на фоне городищ возникла разветвленная сеть подземных коммуникаций. Тоннели не соединяли между собой крупные постройки техноса, они брали свое начало под городищами и неумолимо тянулись к границам Барьера.

Хейнц невольно вздрогнул.

– Я не думаю, что…

– Не важно, что вы думаете о ситуации, адмирал. – Урман наклонился к нему. – Важно, что вы станете думать о себе, когда этот гнойник лопнет и к вам в дом заявится технос!

– Ну, хватит!

– Нет, не хватит! Сейчас в Пустоши стремительно формируется, развивается и увеличивается в числе армия исчадий хай-тека! Они работают, как проклятые, двадцать четыре часа в сутки! Эти тоннели ведут к Барьерам! Вы человек военный, так отвечайте – ЗАЧЕМ?!

Хейнц растерялся. Он был подавлен увиденным, а презрительный тон Урмана больно ударил по его самолюбию. Он должен либо признать себя глупцом, либо согласиться: с точки зрения человека военного, налицо все признаки подготовки прорыва через Барьер!

– Они готовятся нанести удар… – полуутвердительно произнес Хейнц. – Вырваться за пределы аномального пространства?!

– Ну, наконец-то! Как видите, адмирал, мы с господином Миллером хоть и являемся представителями презираемого вами бизнеса, но первыми бьем тревогу, делимся полученными данными, даже не заикаясь о дивидендах! Вы усмехнулись, когда услышали, что миру грозит опасность, так смотрите и анализируйте! Технос явно эволюционировал в Пустоши и теперь накапливает силы для удара. Механоидам и скоргам стало тесно в границах отчужденных пространств! Мы наблюдали за ситуацией, пока она не начала выходить за рамки разумного! Когда стало понятно, что технос готовит вторжение, мы предоставили правительству сопредельного с Россией государства имеющиеся в нашем распоряжении данные. Они осознали степень угрозы и завтра обратятся к странам Евросоюза с просьбой о военном вмешательстве. Речь пойдет о превентивном бесконтактном ударе по этим постройкам техноса с последующей зачисткой территорий. Никаких блокад, никакой позиционной войны! Никакого международного сотрудничества, никаких прений – у нас есть только одна-единственная попытка нанесения внезапного сокрушительного

удара!

– Да, но подготовка операции займет время и неизбежно станет достоянием разведки третьих стран! – вновь попытался протестовать Хейнц.

– Вся подготовительная работа уже проведена, адмирал. – Урман умело, фраза за фразой, подавлял волю адмирала, отрезая ему пути к отступлению. – Группы наемников на днях проникли в Пустошь, используя наши нелегальные каналы. Подле основных построек техноса установлены устройства для точного наведения. Они пока не активны. Флоту потребуется чуть больше суток, чтобы выйти на ударные позиции. Но для этого должно быть принято консолидированное решение!

Хейнц казался растерянным, раздавленным той информацией, что внезапно обрушилась на него.

Некоторое время он смотрел на объемную модель Пустоши, а затем негромко произнес:

– Я должен все обдумать.

– У вас осталось чуть больше восьми часов, – изрек Урман. – Думайте, адмирал. Ваш голос может стать решающим. Не каждому выпадает в жизни шанс спасти мир. Предотвратить нашествие техноса, показать, что наша армия – это не горстка игрушечных солдатиков, разве не достойная цель для мужчины?

Хейнц ничего не ответил.

* * *

Затребовав некоторые данные для дополнительного анализа и изучения, адмирал покинул особняк Миллера уже за полночь.

Урман, стоя у окна, проследил, как отъезжает машина Хейнца, затем налил себе выпить.

– Думаешь, он поверил? Поддержит решение об ударе? – нервно спросил Миллер.

– Дункан, адмирал честный человек, и это его уязвимое место. Он никогда не возьмет денег, откажется от взятки, но у него масса скрытых комплексов и нереализованных желаний.

– Каких, например?

– Сам подумай. Легко ли занимать должность адмирала, командовать современным флотом, осознавать его потенциальную мощь, не имея возможности «нажать на курок»? Разве я ошибусь, предположив, что втайне он мечтает хотя бы раз обрушить подчиненную ему титаническую силу на реального врага?

– Мне он не показался кровожадным.

– Это не кровожадность, Дункан. Инстинкт. Деформация образа мышления человека, который каждый день держит в руках оружие. Оно должно выстрелить, иначе чего будут стоить годы карабканья по служебной лестнице? Что такое карьера? Любовно погладить ультрасовременный артиллерийский или ракетный комплекс каждый из нас может на выставке вооружений. А вот привести его в действие, да еще понимая, что поступаешь правильно, справедливо, защищая мир, – это вершина. Вершина всего – карьеры, жизни, мужского честолюбия, наконец. Возьми адмиралов прошлых веков. Они сражались. А нынешние? – Урман усмехнулся. – Они похожи на псов, что хрипят и рвутся с поводка, на который их посадили политики, а укусить уже никого не могут. Поверь, Хейнц ушел, полный решимости. Я всего-то обрезал его поводок, дав понять, что в этот раз столь ненавистные ему политики отойдут в сторону, уступив наконец право действовать настоящим мужчинам. Он станет героем нации, а мы получим взломанную ракетно-бомбовыми ударами Пустошь, зачищенную от сталкеров и техноса, – жестко завершил свою мысль Урман.

Миллер продолжал нервничать и сомневаться. Ну что возьмешь с геолога? Да, он возглавляет огромный бизнес, но в душе остается прежним: далеким от интриг, слишком мягким, увлеченным научными идеями, страстным исследователем, зашедшим слишком далеко в своих открытиях.

Урман, чувствуя его настрой, произнес:

– Успокойся. Никто не подозревает об истинной цели зачистки. Мы показали адмиралу, как технос прокладывает подземные коммуникации, но ведь он и понятия не имеет, куда и зачем они ведут. Он слишком далек от темы научных открытий, ему невдомек, что на глубине расположены источники аномальной энергии. Ты ведь и сам не сразу разобрался, что происходит, когда спутники «Блаккета» зафиксировали неизвестный на Земле элемент, вкрапленный пульсациями в глубины планетной коры?

– Да, мне понадобилось время, чтобы сопоставить многие данные и прийти к известным тебе выводам. – Миллер был вынужден кивнуть. – Послушай, но я до сих пор не понимаю, зачем они роют тоннели? Понятно, что вкрапления нового элемента, обнаруженные со спутников, являются источником того самого аномального излучения, без которого невозможно существование скоргов и механоидов. Я долго изучал явления, происходящие в Пустоши. Почему бы скоргам не выстроить свои городища прямо в зоне энергетических аномалий?

– Понятия не имею. Возможно, их городища возникли не по заранее

продуманному плану, – пожал плечами Урман. – Вот теперь и копают, собираясь либо добывать необходимый элемент, либо подключиться к залежам прямо под землей, напитывая городища через проложенные по тоннелям энерговоды. Лично мне нет дела до способов энергообеспечения мутировавшей механической дряни. Главное, что они уже проложили коммуникации на требуемую глубину. Нашим людям останется лишь пройти по тоннелям и достать искомое.

– Ты обещал объяснить, зачем нужен источник энергии, которую мы и зафиксировать толком не можем?

– Не можем зафиксировать, но зато способны использовать.

– Как?

– Позже поймешь.

– Используешь меня, как и адмирала, вслепую?

Урман остановился подле объемного пространства голографической модели Пустоши.

– Хочешь начистоту? Впоследствии не пожалеешь?

– Я живу в этом мире. Не заметил? – позволил себе огрызнуться Миллер. – Ты используешь спутники «Блаккета», выжимаешь из меня всю возможную информацию, затем перетасовываешь факты, передергиваешь, как тебе заблагорассудится, заставляя меня кивать, подтверждая заведомо искаженные данные. Считаешь – нет поводов для беспокойства?

Урман некоторое время молча смотрел на компьютерную модель Пустоши.

Микромир, иная вселенная, ворота в другое измерение – как только не называли Пятизонье.

За годы, истекшие с момента Катастрофы, что-то прояснилось, а что-то стало еще сложнее и непонятнее.

Мир отчужденных пространств, населенных сталкерами и техносом, действительно завораживал. Основу всего сущего там составляли скорги – металлические микрочастицы, способные создавать сложнейшие структуры путем слияния в колонии. До последнего времени они преследовали простые и понятные цели: размножались, добывали металлы, захватывали и реконструировали брошенные механизмы или кибернетические модули, порождая бесконечное разнообразие форм примитивного техноса, жестко конкурируя друг с другом за право существовать, размножаться, питаться энергией, добывать ресурсы.

Урман не первый год пристально наблюдал за развитием техноса Пятизонья. Скорги продолжали эволюционировать, усложняясь с каждой пульсацией таинственного Узла, приобретая новые качества, создавая

невиданные техноартефакты, становясь все более опасными противниками. Настолько опасными, что степень исходящей от них угрозы предрекала скорый закат человеческой цивилизации…

– У всех нас есть повод беспокоиться, Дункан. Да, ты прав, мы не показали адмиралу всю схему подземных коммуникаций, не рассказали ему о новом, неизвестном науке химическом элементе, не акцентировали внимание на тоннелях, ведущих от городищ к руинам атомной станции. Но это сделано исключительно во благо. Не продемонстрировав понятной, близкой, уже дышащей в затылок угрозы, мы ни за что не привели бы в движение неповоротливый бюрократический механизм принятия решений.

– Ты уходишь от прямого ответа. Зачем тебе этот элемент?

– Для изучения. – Урман досадливо поморщился. – Если технос с таким упорством рвется к его залежам, значит, он необходим скоргам. Ты прав, у нас нет приборов, способных замерять параметры аномальной энергии, но есть сотни техноартефактов, требующих досконального исследования. Они мертвы, нефункциональны вне Пятизонья. Моя цель – заставить их работать.

– И ради нескольких килограммов неизвестного нам вещества ты заранее отдал в жертву сотни жизней?

– Это цена прогресса, – резко ответил Урман.

Окрестности Соснового Бора.

Руины жилых массивов на подступах к Барьеру…

На подходах к полуразрушенной станции метро дежурили военные.

Улицы патрулировали многочисленные мобильные группы, на перекрестке и в центре расчищенного от обломков пространства, перед вестибюлем метрополитена, застыли две боевые машины десанта.

Шелест хотел выглянуть в оконный проем, но Монгол не дал.

– Пригнись. Не мельтеши в окнах.

Шелест привалился спиной к стене, прижимая к груди небольшой кейс из черного пластика, который тащил с собой, приковав наручником к запястью.

– И зачем мы сюда полезли? – спросил он у проводников.

– Сиди тихо.

– Нет, пацаны, вы мне толком объясните…

– Да замолкни ты! Везде датчики! Видел БМД на перекрестке? Одна очередь импульсного орудия, и тебя потом из груды кирпича пинцетом по кусочкам доставать будут!

– Нормально. Утешил. – Олег и без пояснений чувствовал себя крайне неуютно. Позиция дрянная. Он старался держаться отчужденно, изображая из себя новичка, не показывая, что понимает в окружающем намного больше двух юных проводников. По крайней мере, со сканирующими комплексами, что установлены на боевых машинах десанта, Шелест был знаком не понаслышке. Дальность обнаружения по сфере, в автономном режиме, без поддержки спутников и мобильных станций электронной разведки – пять километров. Максимальная толщина препятствия, через которое берет проникающее излучение, равняется ста двадцати сантиметрам армированного бетона. Как их до сих пор не заметили – оставалось загадкой.

– Не дрейфь. – Монгол вел себя совершенно спокойно. Заметив смесь недоумения, подозрительности и беспокойства во взгляде Шелеста, широкоскулый проводник расстегнул один из подсумков экипировки и постучал ногтем указательного пальца по крышке небольшой черной коробочки.

– Что это? – не удержался от вопроса Олег.

– Карманный метаморф, – вместо Монгола ответил Славка.

– Никогда ни о чем подобном не слышал! – Шелест удивленно приподнял бровь.

– А ты что, специалист по техноартефактам? – в свою очередь насторожился Сухостой.

Олег пожал плечами. Проще промолчать, но Славка продолжал подозрительно на него коситься, и пришлось выкручиваться на ходу:

– О техноартефактах любой дурак сейчас знает. В каждом киоске найдешь с десяток иллюстрированных журналов по теме. Можно еще в сети информацию нарыть. Я ведь не на прогулку собирался.

– Оно и видно, что не на прогулку, – буркнул Монгол. Не нравился ему Шелест. Одно слово – мутный.

– Между прочим, я слышал, что техноартефакты вне Пятизонья не работают, – неожиданно развил тему Олег.

– Забудь все, о чем читал в своих журналах. – Сухостой чего-то ждал, не двигаясь с места. – Там брехня одна. На расстоянии в четыре-пять километров от Барьера изделия техноса функционируют как миленькие.

– А дальше?

– Дальше начинают сбоить, а затем и вовсе вырубаются. Как и импланты у сталкеров.

– А откуда вы этот… метаморф достали? Может, продадите? Мне в зоне пригодится!

– Обойдешься. Во-первых, у тебя столько денег нет, а во-вторых, это подарок. От самого Приора Глеба, слышал о таком?

– Слышал, – кивнул Шелест. – Он капитулом Ордена в Сосновом Бору командует. А что, Приор всем проводникам артефакты раздает?

– Ага, жди… – Славка что-то прикинул в уме, привстал, но спускаться в темноту лестничного марша отчего-то не решился. – Мы с Монголом сталкера одного спасли.

– Славка!.. – укоризненно прошипел Монгол.

– Да ладно. Все равно уже не тайна. Ты хоть знаешь, кто такие сталтехи? – Сухостой вопросительно взглянул на Олега.

– Да кто же про сталтехов не знает! – Шелест непринужденно кивнул. – Это люди, инфицированные скоргами. То есть колониями микромашин, – уточнил он. – Про то, как скорги захватывают носители и переделывают их на свой лад, будь то механизм или человек, каждый день по сферовизору показывают. Народ пугают.

– А ты, типа, не боишься? – ухмыльнулся Монгол.

– Чего бояться? Скоргам лазейка нужна, чтобы до потенциальной жертвы добраться. Зря я, что ли, столько денег за экипировку отдал? – Шелест любовно погладил черный, глянцевитый материал покрытия брони. – Как-никак, – активный пластик. Со встроенными микроэмиттерами ЭМИ-излучения.

Броня действительно была что надо. Тут даже Монгол промолчал. О такой защите только мечтать. И весит мало, и встроенные сервоусилители мускулатуры в наличии, и диким скоргам через нее проникнуть весьма проблематично. Каждые десять секунд микроразряды электромагнитного импульса зачищают поверхность экипировки от «безбилетных пассажиров», способных прогрызть обыкновенную броню и внедриться в тело.

– Ладно, хватит болтать. – Сухостой наконец уловил известный лишь ему признак, после появления которого можно было возобновить движение.

Шелест терпеливо ожидал дальнейшего развития событий.

В руины углового здания, выходящего одним фасадом на перекресток, они попали по старой, местами разрушенной ветке монорельса, проложенного на уровне пятнадцати метров от земли. Теперь, судя по всему, им предстоял спуск по сумеречным лестничным маршам в подвал.

– За мной! – будто прочитав его мысли, скомандовал Сухостой, начиная спуск по уводящим вниз ступеням.

* * *

До мрачного подвала добрались без особых приключений. В нескольких местах над ступенями лестничных маршей проходили невидимые для человеческого глаза лучи сигнальных лазерных растяжек, на обшарпанных стенах подъезда через равные промежутки виднелись крохотные емкостные датчики и тепловые детекторы движения, но проводники, видимо, не в первый раз пользовались этим маршрутом. Перед каждым отрезком спуска Сухостой останавливался на лестничной площадке и распылял из баллончика какой-то спрей. Расползаясь вдоль ступеней, тот не блокировал работу лазеров, но делал видимыми их лучи.

Обнаруженные таким незамысловатым образом лазерные растяжки они просто перешагивали, от остальных систем обнаружения троих ходоков укрывал «карманный метаморф», угнездившийся в подсумке Монгола. Шелест поражался той смеси настороженности и беспечности, которую проявили юные проводники. Таскать при себе неизвестный научному миру техноартефакт, демонстрируя его первому встречному, равносильно самоубийству. Да что ученые? Большинство сталкеров, узнав о содержимом подсумка Монгола, не пожалели бы человеческих жизней за обладание уникальным устройством.

В подвале стояла промозглая сырость. «Если бы не системы климат-контроля, встроенные в дорогую экипировку, уже давно бы зуб на зуб не попадал», – подумал Сухостой, пробираясь между завалами рухнувших перекрытий по известной только ему и Монголу тропке.

Каждый раз примерно в одном и том же месте Славку вдруг начинало трясти, но не от холода или сырости, а от внезапного нервного перевозбуждения.

Это в первый раз сходить в Зону казалось плевым делом. Ну да, тяжело проходить пик повышенной гравитации Барьера, но все, казавшееся трудным и значимым в канун первой вылазки, померкло, обернулось сущим пустяком по сравнению с тем адом, что открывался перед человеком внутри периметра отчужденных пространств.

Теперь Славка знал, *куда идет*, и от предвкушения близящегося свидания с Пятизоньем его начинало трясти.

Единственный способ хоть как-то отвлечься – говорить.

Сухостой остановился перед проломом в бетонной стене подвала, через который открывался доступ к одной из многочисленных тектонических трещин, возникших в первые дни катастрофического образования Пятизонья.

– Шелест?

– Ну? – отозвался Олег.

– Ты хоть понимаешь, куда идешь?

– В Сосновый Бор. Куда же еще? – Он вслед за проводником миновал пролом в стене подвала и с интересом осмотрелся.

Узкая, всего метра три в ширину, трещина тонула в багряных сумерках. Неровные, изломанные стены изобиловали вкраплениями: среди прослоек строительного мусора четко прослеживались пласты культурного слоя. Фрагментарные остатки старых зданий, истлевшие деревянные мостовые, сложенные из плит известняка фундаменты – взгляду открывался натуральный срез эпох, куда чудовищная сила Катастрофы вкрапила оплавленные предметы из пластика, композита, металлов.

Как попали они на такую глубину?

Олег поймал себя на мысли, что, глядя на стены узкого разлома, поневоле начнешь верить в существование таинственного Узла – материнской аномалии, для которой Пятизонье – всего лишь проекция, отражение, исказившее гравитационное поле Земли и вызвавшее такие явления, что не приснятся ни одному ученому, находящемуся в здравом уме.

Говорят, что в момент образования Пятизонья земная кора вокруг эпицентров катастроф на несколько секунд стала мягкой, как нагретый пластилин. Целые здания «тонули», исчезая в недрах, миллионы предметов были перенесены за тысячи километров, внедрены один в другой, образуя фантасмагорические сочетания и формы.

Шелест коснулся рукой мягких, оплывших форм ближайшего выступа.

Трудно сказать, какой именно предмет был вкраплен сюда во время катастрофы. От него остались лишь бесформенное пятно почерневшего пластика да пара металлических включений в виде покрытых окалиной и уже побитых ржавчиной комьев.

Коммуникатор шлема щелкнул, переключаясь на чип мью-фона. Этот тип связи использовался только в аномальных пространствах.

Почти сразу вернулся затерявшийся в треске помех голос проводника:

– Не отставай.

– Иду. – Шелест ступил на неровную тропу. Внезапно наступившая тишина лишь усугубила неприятные, давящие на психику ощущения. Из глубин разлома сочился багряный свет, оттуда тянуло жаром, и Олег, поддавшись секундному замешательству, сам взялся поддержать диалог: – Так что ты там говорил об аномальных пространствах?

Ответ пришел не сразу. Сухостой уже успел пройти с десяток метров и теперь остановился в небольшом расширении, у первого поворота трещины, что-то высматривая впереди.

– Я говорил, что Пятизонье – смертельно опасно. И подумал, кто ты на самом деле, Шелест? Просто дурак или трепло? На дурака не похож, больно уж спокоен, – продолжал рассуждать Славка, возобновив движение. – Дело у тебя в Зоне, понятно. На туриста ты не смахиваешь. Торговцев питерских знаешь. На ствол и гранату вышел спокойно.

– Ну, и к чему ты клонишь?

– Придумай себе какую-нибудь легенду, чемоданчик свой спрячь, а то внимания много привлекаешь. Тебя первый же встреченный сталкер попытается прибить!

Олег призадумался.

– Слушай, Славка, давай я буду богатым туристом. Поверь, это не так уж и далеко от истины. – Шелест вышел в расширение трещины, увидел мятущиеся по стенам багряные отсветы, глянул под ноги и молча стиснул зубы: здесь пересекались два разлома, первый вел прямо, второй уходил в глубь земной коры, метров на сто, не меньше. Жар и зловещее зарево поднимались снизу. Олег наклонился, камеры защитного шлема взяли максимальное увеличение, и он отчетливо разглядел, как на дне расселины пузырится вязкая, тягучая, красновато-желтая магматическая масса.

– Ну, что встал? – недовольно буркнул Монгол, едва не ткнувшись в спину Шелесту. – Пошли, еще насмотришься, впереди целые озера этого добра будут.

– А почему не извергается? – спросил Олег, перешагивая расселину.

– Здесь – не знаю, – пожал плечами Монгол. – А дальше гравитация в границах Барьера начинает расти. Не вытолкнуться магме наружу. Дымит себе потихоньку.

– А скорги в пределах Барьера есть?

– Попадаются, – вновь непринужденно вступил в разговор Славка. – Только вялые они тут. Носители не захватывают, прорастают кое-где металлокустарниками, да и то чахлые, ломкие.

Шелеста заинтересовала тема, и он решил ее поддержать:

– Я слышал, что в Пустоши кроме металлокустарников еще какие-то новые формы автонов появились? – произнес он, перешагивая через дышащий жаром разлом.

– Сам не видел, врать не буду, – отозвался Сухостой. – Но от сталкеров слышал, что в Пустоши деревья высоченные металлические за последние месяцы выросли…

– Деревья? – с сомнением переспросил Шелест.

– Ну, типа… – поправился Славка. – Похожи они на деревья. Только листьев нет. Металлические ветви корявые, все серебристой паутиной заплетены. А еще у техноса архитектура появилась. Это я от ученых слышал, водил тут месяц назад одну группу, так они все между собой болтали о каких-то городищах, что скорги начали строить. Я так понял – это укрепления какие-то.

– Послушай, Сухостой, а вот ты о сталтехах мне говорил. А сам-то ты их видел?

– Видел однажды. Даже вспоминать не хочется. Жуть…

– Ну, а если подробнее?

– Мертвые они. Техносом захваченные. Одно слово – нежить. – В голосе Сухостоя прорвались нотки мистического ужаса.

– То есть, если кого из сталкеров убили, его технос захватывает? – продолжал допытываться Олег.

– Ну, это как повезет. Смотря что за вживленные устройства у этого сталкера. Если главный метаболический имплант содержит сильную колонию скоргофагов, техносу такой сталкер уже не по зубам.

– Скоргофаги? А что это такое? – полюбопытствовал Шелест.

– Решил все же под дурака закосить? – Славка обернулся.

– Правда не знаю! – развел руками Олег.

– Ладно. Слушай. Скоргофагов создали в Ордене. Кто именно, не в курсе и врать не буду. В общем, кому-то, спустя некоторое время после Катастрофы, удалось создать колонию скоргов, которая убивает «чужие» микрочастицы, защищая своего хозяина. Без скоргофагов сталкеры просто не выжили бы. Подумай сам: любое повреждение экипировки, нарушившее защиту, *всегда* ведет к инфицированию. Дикие скорги в Пятизонье везде, они только и ждут случая, чтобы обзавестись носителем… – Славка вдруг примолк, видно, подумал о чем-то особенно страшном.

– И что, всегда помогают эти… скоргофаги? – не унимался Олег, которого действительно интересовал вопрос, связанный с защитой от микроскопических обитателей Пятизонья.

– Нет. Не всегда. Примерно пятьдесят на пятьдесят. Случайно инфицируются дикими скоргами многие сталкеры, но это не смертельно. Главное – быстро найти хорошего мнемотехника, он стабилизирует новую колонию, ограничит ее размножение, а если есть деньги, то еще и имплант какой-нибудь полезный из них сформирует.

– Да… – Шелест, двигавшийся вслед за Сухостоем, похвалил его: – Толковый ты парень. Интересно все объясняешь. Вот только непонятно, как

в таком случае сталтехи появляются?

– Я точно не знаю… Слышал, что скоргам для размножения обязательно энергия нужна. Тут, как говорят, два варианта: существуют такие аномальные участки, где энергия Узла проникает в наше пространство. Их и называют энергополями. Многие сталкеры их используют, бойцы, к примеру, или бионики. Но каждое энергополе контролируют механоиды. Это для них как пастбища, понимаешь?

– Угу.

– Вариант первый, – продолжал пояснять Сухостой. – Если сталкера ранит или убьет неподалеку от энергетической аномалии, то дикие скорги быстро захватывают тело, реконструируют его, выращивают металлизированные мышцы, подсаживают «Сердце зверя», и, пожалуйста, – получайте сталтеха.

– Интересно… – Олега передернуло. – А второй вариант? Если энергополе далеко?

– Тогда скорги только раненых захватывают. Питаются какое-то время энергией человеческого организма, размножаются, но гораздо медленнее. Такого сталкера еще можно спасти. Вообще большинство сталтехов появилось сразу после Катастрофы. Можешь представить, сколько в руинах мегаполисов оказалось погибших, заживо погребенных, раненых? Не сосчитать. Вот из них первые сталтехи и образовались. Тогда ведь мнемотехников еще не было, да и о скоргах никто толком ничего не знал. – Голос Сухостоя звучал глухо, видно, думать о мертвых, превращенных скоргами в исчадия техноса, ему было страшно. – Таких сталтехов обычно «старыми» называют. Жуткие твари. А еще очень много людей в машинах сгорело. От них началась ветвь гибридов – механоидов, внутри которых находится сталтех. Говорят, что они и раньше-то были особо сообразительны и опасны, а теперь вроде как резко эволюционировали. И людей ненавидят.

– Прямо так и ненавидят? – засомневался Шелест.

– А скоро сам узнаешь, – зловеще усмехнулся Сухостой. – Обычным механоидам на людей наплевать, – после небольшой паузы пояснил он. – Если ты на их территорию не лезешь или стрельбу не открываешь, в большинстве случаев они тебя не тронут. Им своих забот хватает. Друг с другом грызутся, источники энергии ищут, металлокустарники перерабатывают, чтобы себе какое-нибудь новое полезное приспособление вырастить. Как говорил один сталкер из Ордена – создания техноса рациональны, для них человек так же неинтересен, как нам неинтересен камень, валяющийся не под ногами, а подле дороги.

Шелест призадумался.

Трещина постепенно начала расширятся, по бокам появились узкие расселины ответвлений. Воздух уже не годился для дыхания, он стал мутным от ядовитых испарений, сочащихся из недр земной коры, и ходоки загерметизировали шлемы.

– Не пойму, – Олег решил продолжить разговор, – а как же рассказы о постоянных стычках между механоидами и сталкерами?

Славке было лестно чувствовать себя знатоком аномальных пространств, и он отвечал охотно:

– Ну, в большинстве случаев сталкеры сами нападают на технос. Ну подумай, откуда техноартефакты берутся? «Сердце зверя», к примеру, или мью-фон на дороге не валяются, их из подбитых механоидов добывают. Потом еще егеря Ковчега – боевики группировки Хистера, те вообще войну против техноса ведут на полное уничтожение. Так что «примитивам» несладко приходится. Они бы не трогали людей, да со временем у них инстинкт выработался. Сталкеры для них – опасность. Враги.

– А гибриды? – напомнил Олег.

– Гибриды всегда на сталкеров нападали. Без видимой причины. Мне воин из Ордена рассказывал. Говорил, что в них осталось что-то от людей, заживо в машинах сгоревших. Не знаю, может, он что и придумал.

Идти стало тяжелее.

– Гравитация начинает расти, – произнес молчавший до сих пор Монгол. – Пора бы сервоусилители включать. А то еле тащимся.

Сухостой не стал возражать. Сила тяжести действительно уже выросла на треть. Они вошли в границы Барьера, и теперь экономить энергию встроенных в экипировку аккумуляторов не имело смысла.

Шелест постепенно втянулся в напряженный ритм ходьбы. Разговаривать уже не хотелось, все силы уходили на поддержание равновесия. Пару раз он демонстративно споткнулся, давая понять, что контроль работы сервоусилителей для него в новинку. Поверили проводники или нет, особого значения не имело. Если их начнут расспрашивать, пацаны обязательно вспомнят его неуклюжие движения и дадут им соответствующую оценку. Вместе с кучей наивных вопросов, заданных Олегом, это произведет достаточное впечатление, чтобы на него махнули рукой, решив, что в Пятизонье пробрался очередной богатый экстремал.

Глава 3

Пустошь. Район населенного пункта Когород

Следы, четко отпечатавшиеся в глинистой почве, вели в сторону Барьера.

По пути в поле зрения Аскета попало еще несколько построек техноса, и он задержался, исследуя их окрестности.

Отыскать однотипные цилиндрические устройства, являвшиеся маяками для наведения высокоточных типов боеприпасов, не составило для сталкера особого труда. Они даже не были замаскированы. Тот, кто устанавливал маяки, справедливо полагал, что к подножию построек техноса не рискнет приблизиться ни один из вольных старателей, промышляющих на просторах Пустоши, а от воздействия скоргов устройства, используемые при нанесении ракетно-бомбовых ударов так называемой «бесконтактной войны», были надежно защищены ультрасовременным пластиковым покрытием.

Глядя на очередной, уже пятый по счету цилиндр, внутри которого электронный таймер неслышно отсчитывал время, оставшееся до момента активации, Аскет испытывал сложные чувства.

Со стороны его действия выглядели странными. Он то устремлялся по следам, шагая с угрюмой целеустремленностью, машинально обходя ловушки, закрываясь вуалью искажений реальности при появлении механоидов, то надолго останавливался, впадая в апатичное состояние, словно у него внезапно заканчивались силы.

На самом деле в душе и рассудке сталкера шла отчаянная внутренняя борьба.

За несколько месяцев, которые он прожил, как зверь, исключительно на рефлексах и инстинктах, память о прошлом, оказывается, никуда не исчезла. Подсознание, хранящее истинную сущность Аскета, лишь ждало удобного момента, чтобы, получив толчок внешнего раздражителя, отыскав лазейку в глухой схеме выстроенной сталкером самозащиты, болезненно напомнить о себе.

Это должно было случиться, раньше или позже.

– Задолбал уже… – невнятно выругался Дитрих, наблюдая, как сталкер в очередной раз остановился, присев на корточки под сенью огромного металлического дерева. Ствол мощного металлорастения покрывала легкая, почти невесомая паутина серебрящихся нитей.

Невиданные в других регионах Пятизонья, мелкие, похожие на металлических насекомых скорги сновали по ветвям, обволакивая их тончайшим плетением ртутно поблескивающего кружева, кое-где воздух змеился мутным маревом ядовитых испарений, а внизу, там, где ствол металлорастения уходил в почву, пузырилось несколько зеленоватых лужиц «фрича».

Места совершенно дикие.

Куда ни плюнь – попадешь в скорга или в техноартефакт.

Егерь чувствовал себя не просто неуютно – его состояние было близко к панике. Подчиненные тоже нервничали, но пока помалкивали, не желая нарываться на грубость. Каждый сам боролся с ужасом, который невольно внушали эти дикие места, – Дитрих готов был поклясться чем угодно, что тут уже несколько месяцев не ступала нога человека.

На фоне неисчислимых опасностей, исходящих от механоидов, скоргов, металлорастений, различного рода ловушек и аномальных физических явлений, поведение Аскета выглядело абсолютно необъяснимым, даже безумным.

Анализ данных со сканеров показывал, что поблизости от металлического дерева проходит граница энергетического поля. Саму энергию приборы зафиксировать не могли, но контур аномального участка местности легко определялся по небывалой плотности микроскопических исчадий техноса, да и видимые невооруженным глазом сполохи мертвенного зеленоватого сияния, порождающие искажение реальности, проигнорировать было попросту невозможно, однако Аскет как будто не замечал происходящее вокруг, сидел себе, о чем-то глубоко задумавшись, периодически обмакивая указательный палец правой руки в лужицу «фрича», глядя, как вязкая субстанция ползет по коже, обволакивая кисть, формируя «перчатку».

Снующие поблизости от него скорги сторонились пузырящихся лужиц, а сталкер, будто издеваясь над долготерпением Дитриха, безрассудно охотился на них, быстрыми движениями прикасаясь к пробегающим мимо микроскопическим созданиям эволюционировавшего техноса, и те, замороженные «фричем», беспомощно замирали…

Аскет пока не подозревал, что за ним из укрытия следят трое боевиков Ковчега.

Набрав полтора десятка обездвиженных скоргов, он ссыпал их в специальный контейнер, закрепленный на поясе, и, небрежно стряхнув с руки аномальную субстанцию, встал.

Очередная волна искажений в этот миг прошла совсем близко,

зацепив некоторые ветви металлического дерева, пробежав по ним мелкой рябью деформаций, стряхнув на землю шелестящий дождь из превратившихся в бесформенные комки металла механоидов…

Аскет, выйдя из состояния глубокой задумчивости, резко повернул голову.

«Ну наконец-то… Давай, убирайся отсюда!» – мысленно подстегнул его Дитрих.

Как будто вняв паническому состоянию егеря, сталкер, отыскав взглядом только ему известные ориентиры, развернулся и энергично зашагал в сторону Когорода.

* * *

Населенный пункт, к которому Аскет вышел спустя четверть часа, значился лишь на старых картах. На самом деле от него осталось лишь несколько полуподвальных помещений, переоборудованных бродягами Пустоши под временное пристанище.

Местность вокруг выглядела пустынной. Постройки техноса исчезли в дымке вездесущего марева, лишь кое-где серебрились обычные, не внушающие панического трепета заросли металлокустарников.

Фрагмент старой потрескавшейся асфальтированной дороги привел Аскета и следовавших за ним боевиков Ковчега к невысоким пригоркам, выступающим всего на метр над поверхностью земли.

Между ними высились уже тронутые ржавчиной корпуса подбитых и наполовину разобранных механоидов, валялись фрагменты потрескавшейся от воздействия «фрича» серебристой обшивки, на полотнище плотной, как брезент, ткани были небрежно свалены в кучу демонтированные с различных техномонстров системы вооружений.

Двое сталкеров сидели у разведенного в углублении костерка, еще один сортировал оружие, вынимая из общей груды предметов и откладывая в сторону годные для ремонта и последующей продажи армганы.

Особое внимание привлекал к себе четвертый из находящихся в лагере вольных старателей. Высокий, худой, длиннорукий, как-то непропорционально сложённый, он двигался мелкими приставными шагами, боком подкрадываясь к раптору – небольшому механоиду семейства примитивов. В одной руке сталкер держал энергетическую плеть, в другой был зажат кодировщик – широко распространенный среди мнемотехников прибор, способный своим излучением воздействовать на колонии скоргов.

Аскет остановился, кивком поздоровался с бродягами и замер, с

интересом наблюдая за смертельно опасным танцем сталкера и механоида.

– Тварь безмозглая… – бормотал мнемотехник, не глядя, на ощупь касаясь сенсоров на миниатюрной панели прибора. Механоид, реагируя на волны кодирующего излучения, двигался рывками, вспарывая широкими ребристыми колесами тонкий слой промерзшей за ночь почвы. Комья грязи летели во все стороны, гул электроприводов то затихал, то вновь усиливался. Раптор явно пытался вырваться из-под воздействия сталкера, то сдавая назад, то устремляясь вперед, постоянно следя за своим мучителем, рывками доворачивая в его сторону оружейную надстройку, но мнемотехник был упрям и бесстрашен – он держал наготове энергетическую плеть, постоянно смещаясь вбок, не давая механоиду прицелиться.

Наконец примитивное создание техноса не выдержало: оставив попытки навести на человека оружие, механоид вдруг с места рванулся вперед, норовя раздавить мнемотехника.

Отскочить тот явно не успевал, последовал резкий взмах рукой, и из рукоятки плети вырвалась похожая на веревку энергетическая нить, хлестнувшая по корпусу раптора.

Щедро во все стороны сыпанули искры, механоида внезапно занесло, что-то надрывно заскрежетало внутри, и он, пропахав глубокую борозду в мерзлой почве, опрокинулся на бок, налетев на вросший в пригорок ржавый остов своего менее удачливого собрата.

Мнемотехник, весь обляпанный грязью, чудом избежавший гибели, дезактивировал плеть и, ругаясь, начал отряхиваться.

«Ну и развлечения у них… – с содроганием подумал Дитрих. – Отморозки, один другого хлеще…»

– Привет, Корень! – Аскет подошел к мнемотехнику, протянул руку. – Все механоидов мучаешь?

– Здорово, Аскет. – Корень пожал руку сталкера. – Да, вот, кодировщик что-то глючит, – пожаловался он. – Никак разобраться не могу, уже третьего раптора угробил. Не хотят, чугунки проклятые, подчиняться.

– Упражняешься или задумал что? – поинтересовался Аскет, заметивший, что неподалеку припарковано несколько достаточно странных конструкций, собранных из деталей механоидов и гибких побегов металлокустарников.

– Да вот с мужиками хотим делянку возделать. Типа, автоны выращивать редких видов.

– А рапторы тут при чем? – удивился Аскет.

– Так кто ж за металлорастениями ухаживать будет? – Корень

рассмеялся. – Я, что ли? Вот и дрессирую помаленьку.

– Понятно. – Сталкер кивнул. – А я тебе новую головоломку притащил. – Он отцепил от пояса контейнер, открыл его, показав Корню мелких механоидов, наловленных подле металлического дерева.

– Ну, Аскет, ты даешь! – Корень с немым благоговением уставился на представителей эволюционировавшего техноса. – Ты что, серьезно *мне* их принес?!

– Тебе. Ты же вроде мнемотехник, вот и разбирайся.

– Нет, погоди, ты хоть представляешь, сколько за одного такого скорга на Обочине дадут?

– Надо будет, еще наловлю, – пожал плечами Аскет.

Корень не нашелся, что ответить.

– Ну, раз так, возьму, конечно. Может, тебе надо чего? Патронов, жратвы?

– Перекусить не откажусь. Да и поговорить хотелось бы. Наедине.

– Во, славно, я тоже с утра голодный, запарился с этим уродом. – Корень покосился в сторону опрокинувшегося набок раптора. – Придется нового ловить, – тяжело вздохнув, посетовал он. – Ладно, пошли в землянку, там и потолкуем.

* * *

Терпение Дитриха все же лопнуло.

«Сколько можно волочиться по Пустоши за сумасшедшим сталкером? Нет, хватит, пора брать ситуацию под контроль. Так мы до Выгребной Слободы никогда не доберемся».

– Клаус, маскировку! – приказал он метаморфу группы. – Зигмунд, снимаешь сталкера, что возится с запчастями. Я разберусь с теми двоими, у костерка.

Дитрих подстегнул не только наступивший цейтнот. Времени с самого начала было в обрез, но егерь все тянул, до последней минуты надеясь, что сталкер вернется на тропу, ведущую к Выгребной Слободе. Однако, понаблюдав за Аскетом, он понял, что логики в его действиях – ноль. Да и к заданию, полученному от Митрофана, тот отнесся как к чему-то необязательному.

Надо было брать его раньше.

Дитрих ни за что не желал признаться себе, что в глубине души побаивается Аскета. Нападать на него среди неузнаваемо изменившихся, кишащих новыми типами скоргов пространств он так и не решился. Зато сейчас, оказавшись в знакомой обстановке, почувствовал себя уверенно.

Пятизонье сильно меняет человека. Изменения физические зачастую видны невооруженным глазом, а вот деформации образа мышления скрыты. Жестокая реальность постоянно давит прессом неисчислимых опасностей, неумолимо искажая душу и разум, подменяя одни моральные ценности другими. Попадая в отчужденные пространства, любой из начинающих сталкеров становится перед выбором: принять ли мотивацию поступков, навязанных Пятизоньем, или же воспротивиться ей в отчаянной попытке остаться самим собой?

Почти все, кто пытался сопротивляться, безнадежно проигрывали в самом начале.

Здесь человеческая жизнь – ничто. Любая «цивилизованность» облетает как шелуха, зачастую действия новоиспеченных сталкеров наглядно демонстрируют, что титул «Homo Sapiens» звучит слишком фальшиво. Когда спадают оковы цивилизации, снимаются все запреты и условности, исчезает страх перед законами, а окружающий мир постоянно предлагает удобные оправдания для любых поступков, немногие выдерживают это страшное испытание.

Дитрих, продвигаясь от укрытия к укрытию, не задумывался, зачем ему убивать сталкеров, греющихся у костерка. Для егеря, впитавшего истеричную идеологию Ковчега, они являлись легкоустранимой помехой. Он был сильнее, находился в более выгодной позиции, так зачем рисковать, выходя на открытое место, пытаясь договориться, а затем встречаться лицом к лицу с Аскетом, объясняясь на равных? Проще убить их, затем ворваться в полуподвал, застать Аскета врасплох, силой оружия убедить его вернуться на тропу и выполнить задание, полученное от торговца.

Кем бы ни был Дитрих в прошлой жизни, здесь он превратился даже не в зверя, а в кого-то похуже, ведь хищник не убивает своих жертв без острой необходимости…

…В полуподвальном помещении горел неяркий свет.

Спартанская обстановка сталкерского убежища свидетельствовала о нелегкой жизни его обитателей.

– Ну, и о чем ты хочешь потолковать? – произнес Корень, продолжая начатый еще на улице разговор. – Все мы кем-то были раньше. Все что-то теряли. – Он взглянул на Аскета, но не выдержал его пристального, пронизывающего холодом взгляда, отвернулся, гремя нехитрым скарбом, выставляя на стол пластиковые миски и несколько саморазогревающихся пакетов из рациона выживания. – Ну да, служил я когда-то в десанте. Ты толком объясни, чего хочешь? Зачем в душу-то лезть, ворошить прошлое?

Аскет молча уселся на перевернутый ящик, раздумывая: действовать

самому или довериться Корню?

– Вот что скажу, – Корень достал электрический чайник, к которому было приделано «Сердце зверя», громоздкое, мощное, снятое с крупного техномонстра. – Ты сталкер толковый, но видно, что в Зоне недавно. Внешний мир для нас потерян, это я тебе точно говорю. Так и вспоминать о нем незачем. Хоть потоп там, хоть конец света, мне все равно, ясно? А то начинаешь – служил, не служил, где да когда? Тебе-то есть разница?

– В принципе, пожалуй, нет. – Голос Аскета глухим эхом метнулся по помещению, отражаясь от потемневших фундаментных блоков давно разрушенного здания. – Взгляни сюда. – Он расстегнул один из клапанов потрепанной разгрузки, надетой поверх кевларового бронежилета, достал цилиндрическое устройство, запаянное в оболочку из темного пластика. – Ты мнемотехник. Отсканируй.

– Что это? – Корень заинтересовался. – На изделие техноса не похоже… Слушай, Аскет, а ты часом сам не мнемотехник?

– Возможно… Я много чего могу. Только в своих способностях еще до конца не разобрался.

– Вот я и смотрю, имплантов в тебя напичкано будь здоров, а с такими плевыми вопросами обращаешься. Ну, давай взгляну.

Он взял из рук сталкера темный цилиндр, прикрыл глаза, сканируя заключенное внутри устройство.

– Маяк, – уверенно определил Корень. – Аппаратура устаревшая, не российского производства, но надежная в эксплуатации, – со знанием дела заключил он. – Откуда взял?

– Нашел.

– Не понял? С каких это пор устройства точного наведения просто так на земле валяются? – Корень с недобрым подозрением покосился на Аскета, наливая в кружки кипяток из чайника.

– Вот и я себя о том же спрашиваю. Ты, Корень, на меня не косись. Действительно нашел. И не один, – Аскет достал еще четыре аналогичных устройства. – У построек техноса были заложены. Недалеко отсюда, вдоль ближайшего разлома. Топтался там кто-то. Наследили конкретно. Обувь армейская, западного образца. Это всё, что знаю. Может, ты теперь что-нибудь добавишь?

Корень призадумался. Внешний Мир его действительно не волновал, а вот все, что касалось Пятизонья, не могло не затрагивать жизненных интересов опытного, бывалого сталкера.

– Проходили тут накануне одни… – Он вздохнул в ответ каким-то своим мыслям. – Мы их трогать не стали. Залетные. Одеты под копирку,

экипировка новенькая, лиц не видел, так что европейцы они, японцы, чукчи или афроамериканцы, сказать не могу. Да и какая разница? – Он неприязненно взглянул на пять залитых в пластик цилиндров.

– Как вели себя? – с внезапной сухостью лаконично осведомился Аскет. Прорвалось в нотках его голоса что-то приказное, заставившее Корня ответить так же четко и сухо:

– Передвигались пешком, действовали уверенно, по сторонам не шарахались. Либо карта у них очень подробная с собой была, либо с местностью хорошо знакомы. Двое шли в охранении, трое группой.

– Профи?

– Ну, явно не новички. – Корень как будто очнулся от секундного наваждения, тряхнул головой и продолжил уже обычным тоном: – И что делали? Думаешь, по Пустоши с воздуха долбануть собрались?

– Ну, маяки без причин не устанавливают, сам должен понимать. А вот по всей Пустоши или только по нескольким конкретным объектам техноса, понятия не имею.

– Да, дела… Если плазменными ракетами шарахнут, мало никому не покажется…

Аскет взял кружку, отхлебнул заваренного из пакетика чая, затем надорвал упаковку разогревшегося пищевого брикета, надкусил и задумался, машинально пережевывая пищу.

– Одно из двух, Корень, – наконец произнес он, – либо тотальная зачистка, либо точечная операция.

– А как нам узнать?

– Только если по Пустоши пробежаться, под стенами городищ посмотреть, нет ли там чего похожего?

– Не вариант, – хмуро ответил Корень. – Таймер устройств через тридцать минут сработает, – неожиданно сообщил он.

– Обезвредить эти маяки сможешь? – Аскет даже не вздрогнул, услышав про скудный лимит времени, оставшийся до удара.

Сталкер в ответ лишь усмехнулся.

– А чего их обезвреживать? Только мозги да импланты напрягать. Снесу в ближайший овражек, да и рвану гранатой. Мне подарки с неба ни к чему.

– У тебя свои каналы информации за Барьером есть?

– Конечно. В основном, правда, через Обочину.

– Свяжись с кем нужно. Попробуй выяснить, что к чему. Мне, как понимаешь, не удастся, нет у меня надежных людей, к кому обратиться.

– Да не вопрос. Сделаю. Ты у нас пока останешься?

– Нет. Дальше пойду. Митрофан поручил тропу до рынка проверить.

– Дался тебе этот урод! – возмутился Корень. – Аскет, ты вроде мужик нормальный, временами, конечно, на тебя находит, видел, но зачем на торговца-то горбатишься? Жил бы себе вольным или к нам перебирайся. Здесь никто тобой помыкать не будет.

– Об этом потом поговорим. – Аскет прожевал пищевой рацион, большими глотками допил чай. – Сам я вызвался. Заодно, если скорым шагом, то у стен ближайшего городища гляну, нет ли там сюрпризов. С тобой свяжусь, но и ты, если что узнаешь, сообщи.

– Да уж непременно, – кивнул Корень и добавил: – Какой-то ты странный сегодня, Аскет. Разговорчивый очень.

– Сам себе удивляюсь. Как будто проснулся… – пробормотал сталкер. – Ладно. Пойду.

В этот миг на улице сухо щелкнуло несколько одиночных выстрелов, и тут же в ответ заработало импульсное орудие небольшого калибра.

– Вот, блин! Раптор недобитый очнулся! – воскликнул Корень, хватая оружие. – Я же ему питание пушки вырубил!

* * *

Дитрих не спешил, выбирая позицию. Под прикрытием метаморфа, защищающего от обнаружения, он мог действовать методично и уверенно.

Одного не учел егерь – механоид, получивший удар энергетической плетью, понемногу приходил в себя, восстанавливая функциональность основных систем. Воздействие редкой разновидности энергетического оружия не разрушило его, а лишь на некоторое время приостановило все процессы, протекающие на атомарном уровне. Заряд в плети был не очень мощным, и колонии скоргов, управляющие «носителем», пережили энергетическую пощечину практически без последствий.

Перезагрузившись, раптор начал с последней приоритетной задачи – уничтожить биологический объект. Покрытый серебристыми потеками, местами залатанный автомобиль, бывший когда-то престижной моделью «BMW», сильно пострадал во время катастрофы, но был захвачен, восстановлен и даже улучшен скоргами. Сейчас он лежал, опрокинувшись набок, боевая надстройка, проросшая наружу через люк в крыше, медленно поворачивалась в поисках цели, короткий хоботок мелкокалиберного импульсного орудия подергивался, вновь получив энергию от внутренних источников.

Цель была обнаружена метрах в ста от небольшого пригорка. Единственный человек, попавший в прицел сканирующих систем раптора,

являлся не кем иным, как метаморфом боевой группы Ковчега.

Стылую тишину внезапно разорвала короткая, рычащая очередь, Клаус, сосредоточившийся на обеспечении маскировки Дитриха и Зигмунда, пропустил момент реактивации механоида, поплатившись за это жизнью.

Сталкеры, гревшиеся у костра, не вскочили в испуге – изображать из себя ростовые мишени дураков не было. Они метнулись в стороны, успев схватить оружие, и вжались в землю за невысоким бруствером давней, уже порядком оплывшей воронки, так что одиночные выстрелы, произведенные Дитрихом, только выбили султанчики смерзшейся грязи.

В ответ часто и отрывисто ударил «ИПК». Очередь не достала егеря, он успел отползти назад, ниже по склону, а вот Зигмунду не повезло, нервы не выдержали, он вскочил и тут же рухнул, подрубленный еще одной очередью из «карташа».

Механоид, натужно и бесполезно завывавший двигателем, внезапно зацепился одной из покрышек, армированной тонкими нитями серебристого металла, за склон, рывком подался вперед и вдруг перевернулся, вставая на колеса.

Следующая очередь импульсного орудия раптора буквально взорвала небольшой холмик, за которым прятался егерь.

Сталкеры мгновенно перенесли огонь на новую цель – раптор показался им намного опаснее, чем затаившийся где-то поблизости снайпер, и Дитрих, пользуясь моментом, вскочил, инстинктивно приняв решение бежать.

Он сейчас не думал ни о гибели подчиненных, ни о том, как бездарно он провалил возложенную на него миссию, в голове билась только одна мысль: прочь отсюда, пока сталкеры заняты механоидом.

Он побежал, практически не разбирая дороги, думая лишь о спасении собственной шкуры.

* * *

Стрельба, взъярившаяся на улице, стихла за секунду до того, как Аскет и Корень выскочили из полуподвала.

– Ну, и какого хрена, Корень? – Один из сталкеров привстал, внимательно осматриваясь, затем сплюнул и грязно выругался. – Ты механоидов когда наконец вырубать научишься?!

– Погоди, – оборвал его Аскет. – Корень, прикрой!

Он короткой перебежкой метнулся к укрытию, поравнялся с изрешеченным из «ИПК» механоидом, отметив, что у раптора по-прежнему

работают почти все управляющие подсистемы. Если бы очередями из «карташа» не снесло оружейную надстройку и не изувечило пулями электродвигатель, катался бы сейчас механоид по бивуаку вольных сталкеров, постреливая из импульсного орудия…

Метрах в двадцати от обезвреженного «чугунка» распласталось тело в экипировке Ковчега.

«Мертвый», – безошибочно определил Аскет, затем перевел взгляд дальше, туда, где почва еще дымилась от попаданий тридцатимиллиметровых снарядов. Еще один труп…

– Уж не по твою ли душу они приходили? – раздался за спиной голос Корня. – Мужики говорят, был еще третий, да сбежал. В сторону восточных руин припустил. Знаешь это место?

Аскет лишь молча кивнул.

– Что киваешь? Может, это они маяков понатыкали?

– Вряд ли… – Сталкер покачал головой. – Обратный отсчет тикает. Не рискнули бы здесь ошиваться. Скорее ты прав, они за мной шли.

– И что теперь?

– Делом займись, – напомнил ему Аскет. – А я егеря догоню.

– Ты про таймер не забыл? – мрачно осведомился Корень. – Что, если по всей Пустоши шарахнет?

– Разберусь. Я время засек. Успею найти укрытие. Ты сам не плошай, – с этими словами Аскет припустил бегом, быстро скрывшись за полоской ближайших металлокустарников.

Корень лишь покачал головой, глядя ему вслед.

Штаб объединенной группировки изоляционных сил

Стылый ноябрьский вечер мутными сумерками расползался над руинами мегаполиса.

Город за окном, с высоты одного из немногих уцелевших сверхнебоскребов напоминал гигантский амфитеатр. Огромную воронку, тридцати километров в диаметре, скрывало характерное помутнение воздуха. Периметр исполинского «пузыря», окольцовывала полоса тотальных разрушений. На добрый десяток километров от внешней границы Барьера простирались лишь отвалы спрессованного строительного мусора, уже порядком оплывшие под воздействием погодных факторов. Кое-где среди пологих холмов, состоящих в основном из бетонного щебня, виднелись расчищенные площадки. Свет мощных прожекторов заливал военные городки, где не утихала жизнь: взлетали и садились боевые вертолеты, перемещалась бронетехника, периодически появлялись группы

людей в тяжелой экипировке.

Если направить взгляд от границы Барьера к окраине мегаполиса, то можно различить, как двигалась кольцевая ударная волна: километрах в пятнадцати от мутного волдыря, накрывшего отчужденное пространство, появлялись первые руины. Сначала огрызки зданий едва виднелись над поверхностью земли, затем, по мере удаления от эпицентра Катастрофы, они становились выше, начинали ветвиться улицами, постепенно поднимаясь каскадами этажей. Среди восстановленных кварталов виднелись огни – там постепенно возрождалась жизнь огромного города…

Генерал Шепетов – командующий объединенной группировкой войск, блокирующей периметры трех отчужденных пространств, отвернулся от окна.

– Ну, что ответили по дипломатическим каналам? – хмуро спросил он, продолжая прерванный разговор.

Одна из голографических фигур, спроецированных в пространстве личного кабинета командующего, повернула голову.

«Ох уж эти технологии… – с нотками консервативной неприязни подумал Шепетов. – Вроде и эффект присутствия есть, а докладчика или собеседника не чувствуешь, словно с пустым местом общаешься…»

– Официальный ответ мы не получили. Посол Евросоюза ссылается на план учений, якобы согласованный с нашей стороной еще в прошлом месяце.

– Якобы?

– Мы не нашли искомых документов. Идет проверка.

– Бардак! – Генерал сел в кресло. – Дробашев, докладывай. Что по линии разведки?

– Второй флот ВМС Европейского Союза сейчас находится в нейтральных водах. На кораблях идет подготовка к ракетным запускам. На авианесущем крейсере «Брюссель» замечены дополнительные вертолеты, размещенные на взлетной палубе. С базы Раммштайн в воздух поднялись стратегические бомбардировщики. Взяли курс на Пустошь.

Генерал глубоко задумался.

«Действительно учения, как утверждают «западные партнеры»? Или провокация? Истерия, нагнетаемая в средствах массовой информации по поводу построек техноса, возникших в Пустоши, несомненно, играет на руку военным и политикам из Европейского Союза. Обстановка накаляется с каждым днем, но как определить, с чем мы имеем дело в настоящий момент? – напряженно размышлял Шепетов. – Обыкновенная демонстрация сил, поигрывание мускулами, которое закончится ворохом

нот протеста, или серьезная попытка отыграть сценарий вторжения в аномальные пространства?»

Все началось внезапно, без видимой подготовки, без предварительных согласований на дипломатическом уровне.

Что-то подсказывало – добром эти «учения» не завершатся.

Шепетов злился, но ничего не мог поделать. Пока не нарушены границы территориальных вод или воздушного пространства России, он был бессилен предпринимать какие-либо радикальные шаги.

Оставалось лишь наблюдать со стороны за развитием событий да в экстренном порядке усиливать сводную бригаду специального назначения, дислоцированную в Сосновом Бору…

Пустошь…

Дитрих бежал, пока путь ему не преградил широкий огнедышащий разлом.

Остановившись, он огляделся.

Над головой клубились тяжелые тучи, температура воздуха заметно повысилась, не успевшая толком промерзнуть земля стремительно оттаивала, превращаясь в грязь. Судя по далеким, беззвучным пока зарницам, приближалась гроза – явление нередкое в любое из времен года, но чрезвычайно опасное.

Нужно искать укрытие.

Пару раз ему приходилось попадать под настоящий грозовой шквал во время разведывательных вылазок на территорию Ордена, в Казантипе. Вспомнив о сплошной стене молний, выжигающей все на своем пути, он заторопился с поиском надежного убежища.

Пока сканеры экипировки исследовали местность, он мысленно переключился на импланты, в попытке определить, нет ли за ним погони?

Поведение сталкеров Пустоши трудно предугадать. Здесь нет единой группировки, каждый действует либо сам по себе, либо в составе мелких, стихийно возникающих групп. Как отреагируют бродяги на внезапное нападение – непонятно.

Погони Дитрих не заметил. Это радовало.

«Может, еще и задание выполню», – подумал егерь, направляясь к неприметным, покрытым жиденькой порослью металлорастений руинам, обнаруженным сканерами в сотне метров от огнедышащей трещины.

Вдалеке несколько раз полыхнуло, затем небеса ответили глухим ворчанием. Гроза приближалась.

По мере удаления от огнедышащего разлома температура воздуха

вновь стала падать, на элементах экипировки тут же образовывалась наледь.

Дитрих спешил. Ураганный порывистый ветер стремительно гнал в его сторону тяжелые, напитанные влагой облака, с небес сначала пошел мокрый снег, затем начался дождь.

Руины, обнаруженные при помощи сканеров, выглядели заброшенными, необжитыми, что само по себе – большая редкость в Пустоши, где всегда ощущалась острая нехватка надежных убежищ.

Обойдя стороной подножие небольшой возвышенности, егерь понял, почему сталкеры до сих пор не облюбовали это место в качестве постоянного или временного лагеря: фундамент и частично разрушенный первый этаж небольшого строения до последнего времени были погребены под тоннами праха, и лишь недавно произошедший оползень открыл к ним доступ.

Остатки здания, выполненного по технологии монолитного строительства, когда-то были одиноко стоящим частным домом. Второй этаж снесло во время пульсации Узла, искривленные, смещенные стены, в одних местах плавно изогнутые, в других – накрененные под немыслимыми углами, немо свидетельствовали: тут прошла волна искажений. Перекрытие первого этажа и несколько хозяйственных пристроек уцелели, вот к ним и направился Дитрих.

Укрывшись от непогоды, он даже немного повеселел.

* * *

Проливной дождь с мокрым снегом, сопровождаемый ветвистыми разрядами молний и оглушительными раскатами грома, длился недолго. Сегодня внезапный удар стихии, в сочетании с порывистым ледяным ветром, спровоцировал возникновение коварных, часто соседствующих природных явлений: там, где вода сталкивалась с жарким дыханием земных недр, на склонах конических сопок, в глубоких извилистых ущельях вскипали клубы пара. В зонах резких перепадов температур каменные глыбы и бетонные обломки зданий взрывались шрапнельным разлетом дымящегося щебня, и тут же, неподалеку, искрилась толстая наледь, образующаяся на ветвях металлических деревьев и кустарников.

Дитрих наблюдал за скоротечным буйством стихии, решая, что же делать дальше?

Аскет, наверное, остался в лагере вольных сталкеров. Сейчас переждет непогоду и пойдет дальше, вот только вопрос: направится он по своим делам или все же вспомнит о задании, полученном от Митрофана?

Поглядывая на небо, егерь еще не подозревал, что волею коварной судьбы он уже находится в эпицентре неумолимо близящихся событий, по сравнению с которыми бушующую непогоду и все треволнения последних часов даже неприятностями не назовешь…

Почва под ногами внезапно содрогнулась.

У Дитриха все обмерло внутри.

«Неужели пульсация?!» – Он вскочил на ноги, бросившись к пролому, чтобы выглянуть наружу, и… обомлел от неожиданности. Прямо на глазах в основание ближайшей постройки техноса ударила ракета с плазменной боеголовкой. Неистовая вспышка расширяющегося по сфере пламени за доли секунд испарила основание сплетенной из металлокустарников конструкции, и масса огромного строения вдруг начала рушиться, оседая в озеро вязкого металла…

Дитрих отпрянул, прижавшись спиной к огрызку стены, взглянул на небо через пролом в перекрытии и вдруг ощутил, как от внезапного ужаса ноги становятся ватными…

Небеса кипели.

Разрывая полог низкой свинцовой облачности, закручивая облака исполинскими воронками, оставляя зримые инверсионные полосы, сотни реактивных снарядов, преодолевших Барьер, вдруг резко меняли траектории, устремляясь к постройкам техноса.

Еще одна серия тяжких ударов потрясла Пустошь.

Услышав за спиной грохот разрывов, Дитрих в ужасе оглянулся.

Расположенная метрах в трехстах от его укрытия многотонная конструкция, бывшая секунду назад загадочной постройкой техноса, рушилась, лишившись большинства опор. Несколько особо мощных стволов металлических деревьев не сгорели, но размягчились от температуры плазменной вспышки – их гнуло и скручивало, оглушительный скрежет бил по нервам, терзая слух, а внезапно усилившийся дождь хлестал по раскаленному озеру металла, мгновенно испаряясь, погружая окрестности в плотные клубы пара…

Дитрих, совершенно деморализованный внезапным зрелищем, метнулся в глубь полуразрушенного строения, но тут же остановился, осознав, что огрызки бетонных перекрытий, защитившие его от грозы, не послужат надежным укрытием от ракетных ударов, а скорее станут смертельной ловушкой. Задействовав импланты, егерь попытался определить оптимальный маршрут отхода к тамбуру. О выполнении полученного задания он уже не помышлял, волна внезапных событий, захлестнувших отчужденное пространство, предполагала только один вид

адекватной реакции – бегство.

Напрямую двигаться нельзя. От монументальных сооружений атомной электростанции, подле которой вращался мутный вихрь портала, Дитриха отделяла сеть глубоких тектонических трещин, обрамленных по краям густыми зарослями металлокустарников. Поросль диких колоний скоргов не избежала общей участи, попав под воздействие загадочной силы, взявшейся в последнее время управлять техносом: во многих местах автоны постепенно принимали упорядоченный вид, формируя нечто, похожее на транспортную инфраструктуру. Вместо непроходимых зарослей по краям истекающих подземным жаром трещин выросли решетчатые опоры, молодые побеги металлокустарников стелились по ним, многократно переплетаясь между собой, создавая отрезки своеобразного дорожного полотна, приподнятого на пятиметровую высоту. Через сеть расселин, соединяя множество островков, медленно, но верно вырастали ажурные мосты.

«Нет, туда мне путь заказан. Видимо, изменения, происходящие с техносом, так сильно напугали население Внешнего Мира, что военные решились нанести превентивный удар, рассчитывая задушить в зародыше начавшиеся в Пустоши процессы самоорганизации механоидов и скоргов. Десятком плазменных ракет дело явно не завершится…»

Дитрих испытывал в эти секунды злобу и страх. Встречаться лицом к лицу с отдельными опасностями Пятизонья он не боялся, но события глобальные, сравнимые с ударом стихии, превращающие человека в щепку, уносимую фатальным потоком, его откровенно пугали, зачастую лишая воли.

«Путь один, – сориентировавшись по показаниям имплантов, мысленно решил он. – Через огненные сопки, в обход поля разломов. Там минимум строений техноса, а значит, меньше риска попасть под точечный удар».

Покинув руины, он бегом, не маскируясь, ринулся в избранном направлении.

* * *

Участок Пустоши, получивший у сталкеров название «Горячие сопки», на самом деле представлял собой огромное поле застывшей лавы, сплошь покрытое невысокими коническими кратерами, изнутри которых прорывалось зловещее красноватое сияние раскаленных магматических пород. Катастрофа пятьдесят первого года породила в отчужденных пространствах множество подобных явлений, лавовые поля встречались в

любых регионах Пятизонья, но, несмотря на явные деформации структуры земной коры и обилие трещин, по которым магма поднималась к поверхности, вторичные извержения были редкостью.

Сопки, как правило, дымили, источали зловещее сияние и периодически выбрасывали в атмосферу тонны праха, смешанного с ядовитыми испарениями, но на этом дело и заканчивалось. Лавовое поле простиралось почти до зоны тамбура, постепенно сужаясь и сходя на нет в районе построек АЭС и высящегося невдалеке городища Припять – одного из наиболее крупных сооружений техноса.

Металлокустарники тут росли редкими полосами, не образуя непроходимых зарослей, но зато в изобилии водились различные механоиды, падкие до любых источников энергии, в том числе и тепловой. Частенько на просторах лавовых полей можно было наткнуться на сталтехов или случайно выскочить на лежбище «Дракона» – модифицированной техносом «вертушки».

Сейчас из двух зол пришлось выбирать меньшее, и Дитрих устремился напрямик, через лавовое поле, надеясь проскочить мимо городища, изрядно поврежденного попаданиями плазменных ракет, когда в небе над Пустошью появились новые объекты.

Дитрих резко остановился.

Импланты уже транслировали в рассудок поток информации, и егерь грязно выругался от внезапного чувства обреченного бессилия. Стремительно приближающиеся к земле боеголовки несли заряды объемного взрыва!

Вот что значит оказаться не в то время и не в том месте…

Найти укрытие – практически невозможно. Дитрих со смертельной тоской во взгляде проследил, как, сталкиваясь с препятствиями, разрушаются достигшие земли боезаряды, рассеивая летучие взрывчатые вещества, которые, смешиваясь с атмосферой, тут же образовывали аэрозольные облака, проникая внутрь построек техноса, просачиваясь в трещины и разломы земной коры…

Он понял – через пару секунд сработают детонаторы, и тогда все – смерть.

Дитрих машинально рухнул навзничь, в слабой надежде, что бронекостюм выдержит адскую температуру и воздействие избыточного давления воздушной ударной волны.

В следующий миг мир лопнул, и дождливые сумерки вдруг превратились в жаркий, ослепительный полдень.

На командном пункте адмирал Хейнц напряженно следил, как в объеме голографических стереомониторов над унылыми, испятнанными язвами плазменных попаданий ландшафтами Пустоши среди бесчисленных построек техноса внезапно содрогнулся воздух, взъярилось ослепительное пламя и титаническая сила ударной волны объемных взрывов взломала землю, сминая нечеловеческие сооружения, отрывая от них исполинские фрагменты…

Через несколько секунд облака пепла, дыма, сажи и мельчайшей пыли, взметнувшиеся над истерзанной землей, заслонили панораму отчужденного пространства.

Некоторое время адмирал, потрясенный масштабами нанесенного удара, молча продолжал наблюдать, как дымопылевые выбросы смешиваются с облачностью, а затем, будто очнувшись, резко произнес:

– Группам зачистки, доложить статус!

– На подлете!

– Разрешаю преодоление Барьера!

Дитрих очнулся среди грохота и воя.

Вокруг царила чернильная тьма, он не сразу сообразил, что датчики бронекостюма отказали, импланты ушли в сбой, а проекционное забрало боевого шлема покрывает густой слой смешанного с водой и сажей пепла.

Прошло несколько минут, прежде чем ему удалось мысленным усилием задействовать сканеры.

Действительность возникла в сознании схематичными контурами пологой осыпи, состоящей из обломков камня и бетона различного размера, начиная от угловатых глыб весом в несколько центнеров и заканчивая крупным щебнем. Сцементированные липкой грязью из смеси влажной глины, пепла, сажи и мелкой каменной крошки, они образовывали пологий склон, в котором оказался замурованным Дитрих.

Он попытался пошевелиться, но тут же пожалел о необдуманной попытке освобождения – одна из каменных глыб внезапно начала проседать, грозя раздавить его.

Неимоверным усилием, задействовав всю мощь механических мускулов, он отчаянно начал смещаться вбок, и это удалось, давление на ноги и грудь внезапно ослабело, затем он ощутил, что сползает по зыбкому склону, образованному ударами множественных взрывных волн.

Скольжение остановилось. Сердце билось так часто, что в висках начала пульсировать боль. Вокруг по-прежнему неистовствовали титанические силы – почва содрогалась от мощных ударов, что-то с

тяжкими судорогами рушилось, воздух сотрясали ударные волны и ураганные порывы ветра.

С трудом привстав, он дотянулся до забрала боевого шлема, стер с него липкую грязь, и тут же взгляду открылась дикая картина: оплавленный, местами смятый фрагмент исполинской постройки техноса, вырванный очередной серией разрывов из стены городища, расположенного всего в нескольких километрах отсюда, медленно вращаясь, падал прямо на него…

Не в силах вынести помрачающего разум зрелища, Дитрих хрипло закричал, но огромный обломок деформированной решетчатой конструкции пронесся над его головой и врезался в истекающую дымом коническую сопку.

Покрытое трещинами жерло, похожее на исполинскую трубу теплоэлектростанции, содрогнулось, принимая удар, часть возвышенности начала проваливаться внутрь, увлекая за собой и фрагмент постройки техноса, который медленно размягчался, погружаясь в небольшой кратер, как в горнило.

Окружающий ландшафт неузнаваемо изменился, мир погрузился во власть багряных сумерек, большинство конических сопок обвалилось, перекрыв массивными обломками кратеры, через которые ранее выходил жар подземных источников и периодически выбрасывало тучи пепла.

Ударные волны объемных взрывов сместили огромные пласты почвы, вырвали тонны камня, выворотили на поверхность желтоватые от времени обломки старых железобетонных конструкций, плотно спрессовав все это с уничтоженными постройками техноса, покрыв лавовую равнину пологими отвалами истекающей паром грязи.

Внезапно сбоку от него что-то ослепительно сверкнуло.

Дитрих, дезориентированный и подавленный, медленно повернул голову, словно все это происходило не с ним. Мысли в голове ворочались тяжело, сквозь пепельный сумрак трудно было разглядеть что-то конкретное, лишь мятущиеся отсветы плясали вокруг, словно маленькие багряные бесы…

Из состояния оцепенения его вывел угрожающий рокот.

Оглянувшись на громоподобный звук, Дитрих с ужасом заметил, как расположенная неподалеку сопка на глазах покрывается трещинами, сквозь которые пробивается багряный свет. Видимо, обломки породы, рухнувшие в кратер после ракетного удара, перекрыли каналы для свободного истечения магмы и выделяемых ею газов, давление внутри трещиноватых холмов постоянно росло, и вдруг…

Оглушительный грохот, сопровождаемый слепящим выбросом раскаленной добела породы, ударил в какой-то полусотне метров от перепуганного насмерть Дитриха, за первой сопкой взорвалась вторая, третья, и окружающее пространство вдруг превратилось в библейский ад.

С небес крупными хлопьями, кружа, будто снег, падал пепел.

Зловещие отсветы извержений озарили окрестности. Шлаковые бомбы, вырываясь из жерл небольших вулканов, взмывали ввысь, прочерчивая небеса, роняя окалину, падая по баллистическим траекториям: некоторые тонули в липкой грязи, выпуская облака пара, иные попадали в устоявшие под ракетными ударами постройки техноса, проламывая чудом уцелевшие, обугленные конструкции и взрываясь при соударении с землей.

Многочисленные извержения набирали силу и мощь. Дитриха охватила паника – прилагая неимоверные усилия, он пытался встать, чтобы бежать прочь, но каждый раз оскальзывался, теряя равновесие и сползая все ниже по зыбкому и коварному грязевому склону.

Казалось, ему уже не выкарабкаться. Сервоусилители с монотонного гула перешли на визгливый скрежет, неподалеку с глухими ударами упало несколько раскаленных шлаковых бомб, между мятущимися багряными сполохами промелькнули чьи-то тени, и ужас мгновенно сжал горло – столь стремительно в Пустоши передвигались лишь сталтехи.

В течение одной минуты произошло столько жутких по своей разрушительной силе событий, что психика сталкера едва выдерживала безумный напор неодолимых обстоятельств. Титанические силы стихии, так самонадеянно разбуженные людьми, вырвались на волю, как разъяренные демоны, вознамерившиеся уничтожить все вокруг, оставить после себя лишь пустыню, лишенную даже намека на биологическую либо механическую жизнь.

Внезапно в грохот извержений вплелись иные звуки, ритмичные, монотонные, доносящиеся из поднебесья, сливающиеся в утробный вой, затем уцелевшие аудиодатчики бронекостюма зафиксировали свист рассекаемого вертолетными лопастями воздуха, а подсистема коммуникатора, переключившись с частоты мью-фонов на обычные каналы связи, внезапно поймала обрывок переговоров:

– Дельта-семь, я над заданным квадратом. Сканеры фиксируют две уцелевшие постройки техноса. На границе зоны ответственности замечена группа из семи сталтехов, три механоида и, похоже, один сталкер.

Хрипло просипели помехи, затем несущая частота донесла голос:

– Уничтожать всех! Зачистка территорий перед высадкой десанта стопроцентная!

– Дельта-семь, вас понял, открываю огонь!

Клубы стелящейся вдоль земли дымопылевой завесы уже сминались вертолетными лопастями. Три машины, идущие на снижение, внезапно разделились, и в багряной мгле засверкали частые вспышки выстрелов из автоматических импульсных орудий.

Шквал снарядов обрушился на ближайшую из уцелевших при ракетном ударе построек техноса.

Стволы особенно крупных металлорастений перерубало, как щепки, вертолетные пушки работали, не смолкая, куски сплетенных из автонов конструкций испаряло, гнуло, они с глухим лязгом разлетались во все стороны, ударяясь о выбитые из земли пожелтевшие бетонные глыбы, высекая из них снопы искр…

Импланты Дитриха заработали в форсированном режиме – это колонии скоргов отреагировали на внезапный всплеск метаболических реакций человеческого организма, и он, несмотря на обилие различных помех, явственно различил приближающиеся с разных сторон зловещие контуры сталтехов и нескольких механоидов гибридного типа.

«Всё… Мне конец…»

Оружие утонуло в липкой грязи, сервомоторы бронекостюма едва работали, смешанная с бетонной пылью и вулканическим пеплом масса проникла сквозь разорванные уплотнители и теперь действовала, как абразивная паста, грозя замуровать охваченного ужасом человека в его же броне…

Первым в поле зрения появился один из сталтехов.

Дитрих в отчаянном усилии привстал на одно колено, выхватив импульсный «Страйк», но половина магазина, выпущенная очередью, была потрачена впустую – пули лишь оцарапали оплетенный серебристыми металлизированными мышцами эндоостов нежити.

Сталтех вскинул оружие. В руках человекоподобного механоида были накрепко зажаты два «ИПК». Оба ствола смотрели в грудь Дитриха, и того вдруг обдало ледяным ознобом, он уже практически не осознавал происходящего, что-то горячее брызнуло по ногам, сознание поплыло, он инстинктивно отшатнулся, понимая, что через доли секунды умрет…

– Действительно сдохнешь в своей скорлупе! – Неожиданная фраза, транслированная через мью-фон, прозвучала одновременно с оглушительным треском энергетического разряда.

Голову и плечи сталтеха разнесло в мелкие брызги расплава.

Дитрих, потеряв равновесие, опрокинулся на спину. Взгляд егеря от запредельного, уже нечеловеческого морального напряжения на миг

прояснился, и он отчетливо различил фигуру сталкера в порядком потрепанной, местами прожженной, болтающейся обгорелыми лохмотьями одежде, поверх которой был надет рассеченный в нескольких местах кевларовый бронежилет.

– Аскет!.. – изумленно выдохнул Дитрих.

– Откуда ты меня знаешь? – Сталкер с болезненной гримасой отнял ладонь левой руки от правого предплечья.

Не нужно быть мнемотехником или провидцем, чтобы понять – на ладони и в районе плеча у него расположены сконфигурированные в боевые импланты металлизированные пятна серебристой проказы. Удар, снесший сталтеху голову и верхнюю часть туловища, был избыточно мощным, но Аскет выглядел бодрым, злым, на его осунувшемся лице не читалось и тени того упадка сил, что обычно наступает после использования боевых имплантов.

Впрочем, егерю сейчас было не до логических выкладок.

– Помоги!.. – прохрипел Дитрих.

– Сюда идут военные. Живые сталкеры им не нужны. – С этими словами Аскет достал из закрепленных на предплечье ножен мономолекулярный клинок. Дитрих видел такие в арсенальном бункере Ковчега, но никогда не держал в руках. Холодное оружие, выращиваемое мнемотехниками из особого вида автонов, ценилось очень дорого, и обладать им могли лишь немногие.

«Живые сталкеры им не нужны…» – эхом отдалась в голове егеря последняя фраза.

– Не убивай!.. – взмолился Дитрих.

– А что, пригодишься? – Сталкера, похоже, мало взволновали чудовищные события, творящиеся вокруг. По крайней мере, клинком он действовал хладнокровно. – Мне лишние грехи не нужны, – проворчал Аскет, вскрывая броню егеря точными взмахами, идущими вдоль соединительных уплотнений бронекостюма. – Вылазь, – коротко обронил он, потеряв на время интерес к освобожденному боевику Ковчега.

Пока Дитрих барахтался в грязи, срывая с себя элементы экипировки, Аскет, отойдя на пару шагов, отыскал фрагмент руки сталтеха с зажатым в металлизированных пальцах импульсным пулеметом. Аккуратно резанув ножом по фалангам, он освободил пистолетную рукоять «ИПК» и завладел оружием.

– Ну, долго еще? – Он обернулся.

Дитрих, стоя на коленях, стаскивал с головы боевой шлем.

– Быстрее! Шевелись! Уходить надо!

Егерь и без того старался. Он не понимал, из каких побуждений Аскет спас его, однако возродившаяся воля к жизни добавила злости и упрямства, руки тряслись, но он, преодолевая сопротивление заклинивших сервомоторов, выламывая пальцы, все же сумел приподнять забрало, добрался до нужного фиксатора и сорвал его, разделив шлем на две половинки.

Фрагменты бесполезной, омертвевшей брони с глухим звуком упали в грязь.

– Оружие есть?

– Только «Страйк».

Аскет хищно оскалился.

– Чему вас в Ковчеге учат? – В его голосе впервые прозвучали эмоции. – Уж не выживанию, точно! – холодно и презрительно констатировал он. – Ты кто по специализации?

Дитрих, немного придя в себя, вскинул голову, дерзко поймал взгляд Аскета, но тут же отвел глаза. В холодных зрачках сталкера читалось вовсе не презрение – в них мерцал какой-то бешеный огонек, а может, это свет пожарищ отражался в радужной оболочке?..

– В общем, как знаешь… – неожиданно буркнул Аскет, разворачиваясь, чтобы уйти.

Дитрих затравленно огляделся по сторонам.

Вой вертолетных движков, грохот автоматических орудий, брызги расплавленного металла, дымящимися шариками тонущие в грязи, отсветы сотен пожаров и извержений – бурлящий огненный ад, в котором человек – лишь пылинка…

Что-то надломилось внутри. Все поблекло. Стало несущественным. Он стоял, по щиколотки утонув в истекающей паром, быстро сохнущей, покрывающейся трещинами глинистой грязи, остро, на уровне инстинктов, осознавая: всё тщета. Есть только этот миг, а за ним может наступить абсолютное *ничто*. Минуту назад он уже заглянул за грань бытия…

– Погоди! Я с тобой! – Дитрих что есть сил рванул вслед за Аскетом.

– Нам не по пути, – не останавливаясь, буркнул сталкер.

– Почему?! – в отчаянии взвыл егерь.

– Цели у тебя нет, – загадкой ответил Аскет, все же обернувшись.

– Можно подумать, у тебя она есть!.. – просипел Дитрих, подбирая фрагмент руки сталтеха со вторым «ИПК». – Нам надо выжить! Чем не цель?!

– Быстро учишься. – Аскет протянул ему нож. – Пальцы ему разрежь. А то стрелять будет неудобно.

* * *

Пустошь тонула в огне…

Пламя, рвущееся из земных недр, пожиравшее постройки техноса и тела людей, являлось чистой стихией. Но возникал вопрос: кто воззвал к ней, кто и зачем бросил вызов всем силам Пятизонья?

Аскет и Дитрих некоторое время двигались вдоль края широкой трещины, из которой рвался жар, играя голубоватыми, зелеными, желтыми язычками огня, выпуская клубы удушливого, ядовитого дыма, от которого едва спасали фильтрующие дыхательные маски, прихваченные егерем из НЗ брошенного бронекостюма.

Выбирать маршрут не представлялось возможным. С одной стороны извергались конические сопки, с другой – ветвился проклятый разлом, и сталкерам приходилось лишь надеяться, что они отыщут какой-то путь через покрывшееся вязкими реками магмы поле или сумеют перебраться на другую сторону расселины.

Странно, что в такие минуты Дитриху не давали покоя вопросы, напрямую никак не связанные с сиюсекундным выживанием. Наверное, под страшным прессом обстоятельств в душе очнулось что-то глубоко спрятанное, задавленное, затоптанное…

– Аскет!

– Ну? – односложно ответил сталкер, пользуясь невольной заминкой, чтобы внимательно окинуть взглядом окрестности.

– Почему ты меня спас?

– Под руку пришлось, – честно ответил сталкер. – Мешал мне тот сталтех.

Дитриха такой ответ не устроил. Втайне он ожидал услышать иное объяснение, но ошибся.

– Ладно. – Он вытер крупные капли пота со лба. Жар становился невыносимым, одежда липла к телу. – Куда мы идем? – Голос Дитриха, доносящийся из-под дыхательной маски, звучал глухо.

– К атомной станции, – лаконично ответил Аскет.

– Зачем? Не лучше ли к Барьеру?

– Для тебя лучше, – согласился сталкер. – А мне нужно в центр.

– Зачем, объясни?!

– Не буду я тебе ничего объяснять. Долго, да и не поймешь. Рассуждаешь ты правильно – подле Барьера спокойнее. Механоиды и скорги туда сейчас не полезут, у них главный противник тут, в районе городищ. Да и военные окраину Пустоши не тронули. Они тоже к центру

рвутся.

– Слушай, ты же согласился, нам нужно выжить! – Дитрих уже совершенно отчаялся что-либо понять в окружающем хаосе, а поведение Аскета с самого начала казалось ему, мягко говоря, неадекватным. Вот и сейчас, зачем он собирается лезть в самое пекло?!

Аскет обернулся, словно прочел мысли егеря, посмотрел на него пристально, как на редкий экземпляр какого-то существа, неизвестного науке, а затем в его взгляде что-то неуловимо изменилось, там промелькнуло выражение растерянности, словно он очнулся от некоего наваждения… и Дитриху вдруг стало не по себе. Сказать, что этот сталкер *странный*, значит, не сказать ничего. Походя спасает, походя убивает, рвется в самое пекло, тут же с уверенностью заявляя, что знает, где в данный момент безопаснее всего.

Из трещины внезапно вырвался сгусток пламени, рванул ввысь, гудя, набирая мощь, и тут же угас, оставив замысловатые завитки едкого дыма. Неподалеку, за пепельно-серым выбросом, прижатым к земле порывами ветра, раскатисто, ритмично и звонко били вертолетные пушки, с громоподобным рыком вспарывая снарядными трассами очередную засеку, за которой держали оборону «изделия техноса».

– Откуда ты знаешь, где сейчас безопасно?! – Дитрих больше не мог контролировать эмоции. Привычный мир Пятизонья рухнул, вокруг творилось нечто, не поддающееся осмыслению, каждая секунда грозила смертью, и равнодушие Аскета, его молчаливость, загадочность били по нервам.

На самом деле никаких мистических способностей для выяснения обстановки не требовалось.

– У тебя крыша от страха поехала? – Аскет с презрением глянул на егеря. – Включись в мью-фонную сеть, сам все узнаешь.

Дитрих мысленным усилием переключился на частоту сталкерской сети, но голосовой портал не работал, все тонуло в помехах. Хорошо – захватил нанокомп, успел выдрать его из экипировки, пока напичканная электроникой броня не потонула в грязи.

Активировав «наладонник», Дитрих взглянул на небольшой дисплей, где почти сразу появились обрывочные строки сообщений:

Аргус всем: Они не тронули окраину Пустоши…

Клык: Подтверждаю. Это не полноценная зачистка… У Барьера бомбардировки не было.

Северная хозяйка: Обочину не тронули… Кто-нибудь может сообщить, что происходит в центре?

Секундная пауза.

Дитрих думал, что из центра отчужденных пространств не ответит никто, но на связь внезапно вышел сталкер с позывным «Леший», и на экране вновь появились скупые строки сообщений:

Тут полный абзац… Появились «вертушки»… Они уничтожают технос… высадили десант.

Ему ответил некто из фанатиков Пламенного Креста, подписавшийся слишком громко – «Дьякон»: Кто хочет жить, уходите к трущобам. Здание еще держится.

В обмен мнениями вступил один из наемников, оказавшихся в Пустоши.

Дикий Гусь: Вижу «вертушки» и десант. Достаточно близко. Зачищают местность. Планомерно.

Северная хозяйка: Гусь, это Барьерники?

Дикий Гусь: Нет. Барьерной армией тут и не пахнет. Техника и экипировка ударных подразделений Евросоюза…

Леший: Подтверждаю. Наших военных тут нет. Сплошное западло. Они ищут что-то. С «вертушек» высадили тяжелобронированные группы с техникой. Взрывы взломали какую-то систему подземных коммуникаций. Группы идут вниз!.. Я ничего не понимаю…

Дьякон: Антихристы. Мы им сейчас устроим Судный день! Бесы забарьерные!

Карач: По городищу Припять вакуумной бомбой саданули. Половину муравейника на хрен снесло! Скорги начали латать дыры!

Бобер: Болотное городище пока держится. А те, что помельче были, в пыль.

Дитрих сел, обхватив голову руками.

Дураку понятно – отсюда теперь не выберешься. Да и думать надо было, когда в Пустошь отправлялся. Все ведь к конкретному взрыву шло. Технос в последние месяцы наступал, вольные сталкеры постепенно зверели, весь мир как будто замер в томительном ожидании непонятного, но явно близящегося события… Вот оно и грянуло. Не выдержали у кого-то нервы во Внешнем Мире. Какая теперь разница, Евросоюз или «свои» вояки, – факт, что зачистка идет, кольцо, судя по сообщениям, сжимается от периферии Пустоши к центру, и вырваться из него вряд ли удастся – всех участников просят выйти на сцену, наступает последний акт местного апокалипсиса…

Дитрих едва не взвыл в ответ на собственные мысли.

Бежать некуда. Конечно, сталкеров, выживших под ракетно-

бомбовыми ударами, намного больше, чем показывает нанокомп, не все имеют возможность и желание принимать участие в обсуждении, многие, как и он, жадно ловят появляющиеся строки, соображая, как и куда теперь выбираться?

– Аскет, может, попробуем к трущобам прорваться? У Митрофана народа достаточно, чтобы через кольцо зачистки с боем пройти!

– Нет, – скупо ответил сталкер. – Путь только один – к центру.

– Ну, какого хрена ты тогда меня спасал?! – Дитрих в ярости сжал кулаки. Положение хуже некуда. Пробираться куда-то одному – жутко. Идти вслед за потерявшим рассудок сталкером в самое пекло – глупо. – Аскет, ну очнись же, наконец! – Дитрих предпринял последнюю попытку достучаться до уснувшего, как ему казалось, здравого смысла невольного напарника. – Ты, блин, сидишь и бредишь, лучше вокруг посмотри! Бежать отсюда надо, выбираться!

– Беги. – Аскет встал, все с тем же безразличием к словам Дитриха и происходящему вокруг, но его настроение внезапно вновь неуловимо изменилось: сталкер вдруг рванулся в сторону, успев толкнуть плечом оробевшего егеря, сбить его с ног, прижать к земле.

В следующий миг из-за густой завесы дыма и пыли, нарезая лопастями удушливый воздух, вырвалось звено «Кондоров». Боевые машины стремительно неслись вдоль земли, прижимаясь к складкам рельефа, следом показался военно-транспортный вертолет «UN-90», роняющий через открытую рампу закованные в бронескафандры фигурки людей и какие-то едва различимые издали машины, а через пару секунд на сцене событий появилась новая сила.

Два российских «Ка-85», когда-то сбитые над Пустошью, захваченные и модифицированные техносом, внезапно вырвались в свободную от дыма и пыли прореху, тут же начав атаку.

Аскет словно предугадал начавшиеся события. Как будто чувствовал их неумолимое приближение.

– К земле плотнее прижмись! Не вздумай дергаться! – приказал он Дитриху.

Два «Дракона» с ходу атаковали «UN-90». В борт военно-транспортного вертолета вонзилось с десяток лазерных разрядов, и многотонная машина, задымив, вдруг начала падать, войдя в неуправляемое вращение.

Через открытую рампу успели выпрыгнуть еще несколько человек, затем лопасти вертолета задели одну из конических сопок, разлетаясь свистящими осколками, изнутри машины рвануло пламя, мгновенно

превратив ее в падающий огненный шар, который пронесся над истекающим жаром разломом и взорвался.

Две «Пустельги» тем временем продолжили атаку, маневрируя между извергающими лаву кратерами. Их бортовые комплексы вооружений, существенно модернизированные скоргами, работали, не умолкая. Лазерные разряды и снарядные трассы неслись вслед машинам пришельцев, настигая их. Одного из «Кондоров», пилот которого не успел адекватно отреагировать на атаку, развалило на куски прямо в воздухе, вторая машина взорвалась, попав под выброс магмы, третья, лавируя между сопками, все же развернулась, огрызнувшись в ответ из орудийно-ракетных комплексов.

Туманные стрелы прочертили воздух. Траектории ракетного залпа сошлись на головной «Пустельге», и созданный техносом «Дракон», лишившись винтов и хвоста, с развороченной несколькими попаданиями кабиной, рухнул на склон покрытого трещинами холма, разбрасывая раскаленные фрагменты обшивки и механизмов.

«Кондор», продолжая маневрировать, сбросил ложные цели, затем отстрелил тепловые и сигнатурные ловушки, но обычные приемы защиты не работали в Пятизонье, – уцелевшая «Пустельга» игнорировала любые ухищрения, – «Дракон» по-прежнему фиксировал противника, ведя ураганный огонь в режиме прямого визуального контакта.

Снаряды, ракеты, лазерные лучи, казалось, перекрещиваются в воздухе, скоротечная дуэль между двумя машинами, маневрирующими у самой земли, завершилась так же быстро, как началась, – «Кондор», получив серьезные повреждения, оставляя густой дымный шлейф, пошел на вынужденную посадку. «Пустельга», добив ему вслед остаток оперативного боекомплекта, задела днищем край возвышенности, оставив на выступе скал рваные куски серебристого металла, и, неуверенно покачиваясь, скрылась в дымопылевом облаке.

Здесь, в принципе, не могло быть победителей.

Даже перепахав всю Пустошь, уничтожив все строения техноса и всех сталкеров, невозможно было изменить суть аномального пространства.

Уцелей хотя бы одна колония скоргов, и все возродится вновь, а если даже и нет, то очередная пульсация Узла неизбежно засеет отчужденное пространство спорами механической жизни, восстанавливая утраченное.

Дитрих приподнял голову, осмотрелся.

Ситуация лишь усложнилась. Лавовые реки наступали, ленивое течение вязкой магмы было неумолимо, обломки военно-транспортного вертолета, врезавшегося в склон ближайшей сопки, уже плавились,

активный пластик внешнего слоя бронепокрытия пузырился, стекая по смятым, изрешеченным бортам уродливыми потеками.

Вязкая, покрытая коростой растрескавшихся шлаков магма в некоторых местах доползла до края расселины, изливаясь вниз, вызывая взрывы в глубинах земных недр. Почва вдруг начала ощутимо сотрясаться – путь назад теперь был окончательно отрезан, а впереди вновь взъярились отзвуки боя.

Аскет, оценив обстановку, указал на фрагмент зарослей автонов, образующих подобие ажурного моста, перекинутого через огнедышащий разлом. Постройки техноса, ранее располагавшиеся по обе стороны трещины земной коры, валялись поодаль, превращенные в бесформенные, оплывшие груды размягченного металла, метрах в ста пятидесяти за ними, на гребне небольшой возвышенности, уже появилась цепь из полутора десятков фигур, облаченных в бронекостюмы. Группу зачистки, успевшую высадиться незадолго до крушения военно-транспортного вертолета, сопровождали шесть небольших, похожих на квадроциклы роботов.

– У нас с тобой только один шанс, – негромко произнес Аскет. – По мостику на ту сторону.

– Он же ни на чем не держится! – запротестовал Дитрих, вжимаясь в землю.

– Без вариантов. – Аскет привстал. – Через пару минут и этот путь отрежут. Давай, ты первый, я прикрою!

Дитрих хотел возразить, снова начать бессмысленный спор, но горло как будто сжала невидимая рука.

Он панически обернулся, встретил тяжелый, недобрый взгляд сталкера, с ужасом осознав, что именно Аскет является источником силы, стиснувшей горло, – давление ощущалось как раз в тех местах, где у егеря располагались два штатных (по стандарту Ковчега) метаболических импланта, проступающих сквозь кожу округлыми серебристыми пятнами размером с крупную монету.

В первый миг он подумал, что сталкер просто решил его задушить, но все оказалось намного сложнее и хуже. Митрофан ни словом не обмолвился о мнемотехнических способностях Аскета, а они у него были, причем неслабые. Удушающий спазм, стиснувший горло Дитриха, являлся лишь побочным эффектом от внезапного воздействия на его метаболические импланты, принимавшие непосредственное участие в обмене веществ, позволявшие егерю дышать отравленным воздухом, подолгу обходиться без воды, переносить некоторые дозы радиации, выдерживать физические нагрузки, непосильные для обычного человека.

Последней из перечисленных возможностей и воспользовался Аскет.

Он воздействовал на скоргов, чьи колонии являлись основой любого импланта, работающего в Пятизонье.

Егерь, пару секунд назад вжимавшийся в землю, неожиданно привстал, вскидывая «ИПК». Его мышцы дрожали, но разум оставался чист. Вперед, к шаткому мостику, нависшему над огнедышащей бездной, Дитриха толкнула не злонамеренная воля, управляющая рассудком, и не слабое давление на горло, а всплеск активности скоргов, ускоривших обмен веществ. Когда тело внезапно переполнилось жизненной энергией, лежать на земле, проклиная судьбу, созерцая, как к тебе приближается смерть, стало невозможно, – мышцы напряглись, требуя действия, и он поддался рефлекторному порыву, побежал, удерживая тяжелый импульсный пулемет на уровне груди, готовый в любую секунду открыть огонь.

– Не останавливайся! – хлестнул вдогонку приказ Аскета. – Прикроешь меня с той стороны!

Дитрих ничего не ответил.

Стиснув зубы, он несся вперед, с ходу преодолевая невысокие препятствия, попадающиеся на пути, словно легкоатлет, выкладывающийся на дистанции под воздействием сильнейшего допинга. Если в мире спорта это повлекло бы дисквалификацию, то тут мерилом целесообразности каждого действия являлись жизнь и смерть – судьи куда более строгие и беспощадные, но щедрые на призы.

Аскет, оставшийся на позиции, за забегом Дитриха не следил. Он прекрасно знал, какие шокирующие ощущения испытывает сейчас егерь. Сам вкушал их в полной мере практически каждый день. Однажды с его главным метаболическим имплантом проделали то же самое, вот только обстоятельства сложились трагическим образом – мнемотехник, проводивший вмешательство, погиб, а он выжил и был вынужден скитаться по отчужденным пространствам, без сна и покоя, испытывая постоянный голод, пока методом мучительных проб и ошибок не научился подавлять в себе излишнюю активность колонии скоргов.

О том времени и о событиях, предшествовавших варварскому вмешательству, он старался не вспоминать. Быть бы ему сталтехом, законной добычей взбесившихся скоргов, если б не очнувшаяся вместе с ускорившимся метаболизмом воля к жизни, жгучая боль самопознания, сводящая с ума, но заставившая сопротивляться, двигаться, избегать опасностей, с каждым новым шагом, с каждой стычкой, болезненно постигая новые возможности, дарованные, но не раскрытые после множественных единовременных имплантаций…

Затаившись под прикрытием груды камней, он поудобнее пристроил ствол крупнокалиберного импульсного пулемета между двумя валунами.

Аскет не носил брони. Несколько месяцев он выживал в Пустоши, словно зверь, подчиняясь инстинктам, и за это время познал собственные возможности глубже и болезненнее большинства сталкеров. Если аномальные пространства отметили тебя, сделав частью окружающего мира, дав возможность выжить среди ядовитых испарений металлокустарников, в таких чащобах, куда не забредали и сталтехи, если энергия таинственного, непостижимого для разума Узла переполняет организм, пульсирует в жилах, напитывая импланты, к чему обременять себя центнерами металла?

Зрительный имплант взял увеличение. Цепь солдат приближалась, чуть впереди, навострив сенсоры, двигались шесть боевых кибернетических механизмов на колесных шасси. Небольших размеров, они, тем не менее, несли внушительную огневую мощь, являясь грозными противниками.

«Одна беда – скоро станут механоидами на службе у техноса», – подумал Аскет. На увеличении он прекрасно видел, что боевые механизмы подготовлены наспех. Их легкобронированные корпуса покрывал тонкий слой нанесенного специально для данной операции пластика, призванного предохранить машины от воздействия скоргов. Защита слабая и сомнительная. Для работы в условиях Пятизонья существовали специально разработанные виды техники. Их окунали в жидкий пластик целиком, и не один раз, а несколько, по мере сборки основных узлов и агрегатов, затем прогоняли через дефектоскопы, давали нагрузки на испытательных стендах и снова проверяли, отбраковывая до пятидесяти процентов продукции, а эти, так, одна пародия на защиту…

…Дитрих пробежал три четверти расстояния и уже находился подле шаткого, потерявшего надежные опоры мостика, сплетенного из металлорастений, когда цепь солдат остановилась. Они заметили бегущего сталкера, но не попытались остановить его окриком, а сразу открыли огонь на поражение, будто в тире.

Аскет повел стволом «ИПК». Злоба и горечь всколыхнулись в душе – он еще помнил, что значит быть на «той стороне», глядя через прицел на «имплантированных нелюдей», но чувство чиркнуло, как пуля на излете, уже бессильное, несущественное, раздавленное прессом новой реальности.

Сместив прицел, он дал короткую очередь.

Цилиндрические пули крупнокалиберного импульсного пулемета, способные на расстоянии полукилометра выжечь десятисантиметровые

дыры в бетонном блоке, отшвырнули одного из роботов, разорвав легкую машину на несколько уродливых фрагментов.

Десяток бойцов отреагировали мгновенно, рассыпавшись по склону, занимая любые доступные укрытия. Расстрел бегущего сталкера тут же прекратился, даруя Дитриху драгоценные секунды на преодоление шаткого мостика.

Аскет дал еще одну, длинную очередь с расчетом, чтобы султаны разрывов хорошенько вспахали склон, не давая противнику огрызнуться огнем, затем перекатом сместился вбок, меняя позицию, выхватил из потрепанной разгрузки магазин для «карташа», который всегда носил при себе, вставил его в «ИПК», переведя оружие в снайперский режим огня.

В Пятизонье нельзя уповать на удачу. Мир аномальных пространств настолько чужд человеку, что любое действие здесь проходит на грани жизни и смерти. Из десяти попавших в гибельные пространства сталкеров выживает от силы один. Спора нет, у границ Барьеров в тонкой прослойке между зонами повышенной гравитации и по-настоящему опасными территориями обретается множество народа. Торговцы, мастера бионики и мнемотехники, вербовщики различных группировок, военные, ремесленники, освоившие некоторые приемы манипуляций с колониями скоргов, – все они именуют себя сталкерами, но лишь единицы отваживаются проникать в глубь отчужденных пространств, встречаться один на один с превратностями Пятизонья, вступать в схватки с техносом, добывая артефакты, н-капсулы, исследуя руины, подвергаясь ежесекундному риску.

Психология настоящих сталкеров-одиночек необратимо меняется. Им не на кого уповать, кроме как на самих себя, любой полученный опыт неизбежно оплачивается кровью, невыносимыми муками спорадических изменений, они учатся у техноса, а технос, в свою очередь, начинает копировать некоторые приемы, используемые людьми.

Аскет прошел адскую школу выживания по ускоренному курсу. Дважды он находился за чертой смерти, и оба раза судьба дарила еще один шанс, не спрашивая человека, желает ли он такой «милости», пронося его, будто щепку, через водовороты событий.

Выжив, обретя власть над сосуществующими в симбиозе с его организмом скоргами, сталкер поклялся себе, что больше не станет игрушкой судьбы. Аскет сильно изменился, временами он ненавидел окружающую реальность, в минуты слабости сожалея о потерянной жизни, обо всем, что осталось за чертой Барьеров, об утраченных либо глубоко деформированных понятиях добра и зла, которые были так кристально

ясны в недалеком прошлом…

Теперь и он скалил зубы в ответ на усмешки судьбы, наблюдавшей свысока – а как ты выкрутишься в этот раз?..

…Минуло секунд пять после того, как отгремела длинная очередь, оставившая на склоне возвышенности цепочку дымящихся конических воронок.

Аскет медленно повел стволом оружия, сопровождая движение боевого механизма, открывшего огонь по его позиции. Посаженный на колесное шасси легкобронированный «Скаут», вооруженный скорострельной импульсной пушкой и фронтовым лазером, был избран сталкером в качестве объекта психологического воздействия на группу противника.

Магазин «ИПК», перезаряженный Аскетом, содержал не стандартный цилиндрический боеприпас, он был снаряжен особым видом н-капсул, подходящих по форме и прочностным характеристикам для стрельбы из импульсного оружия.

Каждый серебристый цилиндрик содержал внутри хищную, уже созревшую для размножения колонию скоргов. В Пустоши, где обитало множество сталтехов, а также крупных, тяжело бронированных, отлично вооруженных механоидов, без подобных боеприпасов во многих ситуациях попросту не выжить. Отыскать н-капсулы с нужными характеристиками чрезвычайно трудно, на сталкерских рынках они стоят дороже, чем самые продвинутые образцы защитной экипировки, их хранение и эксплуатация всегда связаны с определенным риском, но результат применения такого специфического боезаряда оправдывает любые затраты и несомненный риск при использовании.

В момент прохождения через электромагнитные ускорители скорги получают дополнительный импульс энергетической накачки, и когда капсула, соударяясь с препятствием, разрушается, выплескивая содержимое, они тут же начинают стремительный процесс проникновения в носитель, стремясь размножиться и перехватить управление.

В случае с механоидами конфликт двух колоний скоргов – исконной, управляющей носителем, и вторгшейся – приводит к временному параличу техномонстра, если н-капсулой поражен сталкер, это ведет к серьезному ранению, инфицированию, а дальше уж как повезет… Если скоргофаги главного метаболического импланта сильны, то они справятся и с ранением, и с чужеродной колонией скоргов, ну а если нет, тогда нужно срочно искать мастера-мнемотехника, иначе – мучительная агония и превращение в сталтеха гарантированы.

Применять н-капсулы против чистых, не зараженных скоргами механизмов Аскету еще не доводилось, он понимал, что преподносит сейчас негаданый подарок техносу, даруя тому нового механоида, но иного выхода сталкер не видел. Плодить сталтехов Аскет не хотел, вступать в затяжной огневой контакт с противником не было ни времени, ни желания – группа зачистки находилась на более выгодной позиции, большинство бойцов уже успели отползти назад, к гребню небольшого холма, где изобиловали укрытия в виде многотонных обломков строений и фрагментов скал внушительных размеров. Весь этот мусор, принесенный в Пустошь пульсациями Узла, служил хорошим укрытием, и выбивать оттуда пришельцев – занятие долгое.

Аскет выстрелил.

Механизм, резво спускавшийся по склону, поливая огнем из автоматического орудия покинутую сталкером позицию, в первый миг никак не отреагировал на попадание, но уже через пару секунд небольшое серебристое пятнышко, растекшееся по броне в районе незащищенного активным пластиком соединения, внезапно начало расти, пронзая сплав брони тончайшими нитями, внедряясь внутрь механизма.

«Скаут» по инерции проехал еще пару метров, затем его занесло, и механизм остановился, едва не перевернувшись.

Ответный огонь, взъярившийся было после снайперского выстрела, неожиданно стих.

Бортовые компьютеры четырех неповрежденных боевых машин зафиксировали стремительные и необратимые изменения, происходящие в структуре их собрата, и автоматически начали атаку на новую, более близкую и опасную цель.

В этот миг с фланга по укрытию Аскета полоснула длинная очередь из «ИПК».

Он едва успел отреагировать на первые попадания, прыгнул, переметнувшись на другую сторону нагромождения валунов, вскользь подумав, что егеря все же придется прибить…

Повторной очереди не последовало, зато с вершины холма по разрушенным постройкам техноса, расположенным на другой стороне огнедышащего разлома, разрядилось пять или шесть армганов.

Неожиданное обострение ситуации сыграло Аскету на руку – пока противник был занят подавлением обнаружившей себя огневой точки, а боевые механизмы поливали из импульсных орудий своего инфицированного скоргами собрата, он спокойно произвел серию снайперских выстрелов, поразив н-капсулами оставшиеся машины.

* * *

…Дитрих, пробежав по мосту, огромным прыжком преодолел воронку, оставшуюся от попадания плазменной ракеты, и, пытаясь унять участившееся дыхание, присел, затаившись за обломками уничтоженной постройки техноса.

Адская температура плазмы выжгла скоргов, как обитавших в сплетенной из автонов конструкции, так и тех, кто ее составлял. Гибкие переплетенные между собой металлорастения оплавились, покрылись коростой окалины, кое-где среди бесформенных лужиц уже успевшего отвердеть расплава виднелись пористые вкрапления шлаков, но теперь это был просто металл, уже не серебрящийся, а потемневший, неспособный нанести вред.

Кое-как отдышавшись, Дитрих взглянул на проделанный путь.

«Сука… – Злобная мысль, адресованная Аскету, всколыхнула ярость и страх. Дитрих ощущал себя *изнасилованным*. – Тварь… Он влез в мои импланты… Он…» Вспомнив про оружие, егерь нервным движением вскинул «ИПК», чувствуя, что мышцы пронзает мелкая дрожь, каждое усилие получалось чрезмерным, в этом запредельном состоянии он, наверное, был способен голыми руками сломать позвоночник сталтеху, но долго ли продлится необычный, лихорадочный прилив сил и каковы будут его последствия?

Первым, едва ли осознанным порывом стало неистовое желание всадить очередь в проклятого сталкера, а затем уходить к тамбуру.

Ствол «ИПК» дернулся, перед глазами Дитриха сквозь красноватый туман медленно проступили очертания реальности. Он увидел позицию Аскета, отсюда, с фланга, она лежала как на ладони, и, повинуясь идущему из глубин звериному порыву, Дитрих судорожно коснулся сенсора, выпустив длинную, неэкономную очередь.

Пули щедро осыпали укрытие Аскета, выбивая фонтаны крошки из нагромождения камней. Из-за взметнувшейся пыли Дитрих не видел, попал ли он, а в следующий миг внимание егеря поневоле переключилось на иные проблемы: с гребня возвышенности по нему разрядилось несколько армганов. В напитанном частицами гари воздухе лазерные лучи выглядели, как темно-вишневые огненные шнуры, взрезающие покалеченные металлоконструкции.

Он пригнулся, ощущая жар, что-то заскрежетало над головой, а затем половина искалеченной постройки техноса вдруг потеряла опору и с надрывным скрежетом начала оседать вниз.

Дитрих инстинктивно отпрянул назад, рывком уходя из-под удара. Его взгляд, затравленно мечущийся по сторонам, цепко фиксировал подробности происходящего.

Многочисленные извержения конических сопок понемногу пошли на убыль. Магматические породы, вырвавшиеся из десятков кратеров, образовали несколько неумолимо расширяющихся лавовых озер. Их поверхность претерпевала мгновенные метаморфозы: на багряно-красной, вязкой массе вдруг появлялись пятна ослепительного, беловато-желтого, пронзительного сияния, затем следовал выброс магмы, все озеро вспыхивало нестерпимым свечением и вдруг стремительно начинало темнеть, становилось почти черным, с невероятной скоростью остывая, покрываясь коркой шлаков…

Картины извержений потрясали, но они служили лишь фоном к восприятию. Обострившееся зрение фиксировало и другие подробности. Пока истерзанный ужасом рассудок Дитриха в суицидальном упоении ловил взглядом зловеще-красивые пейзажи, другая, прагматичная частица сознания сосредоточилась на явлениях более конкретных в плане сиюминутных, практических последствий.

Подсознательно Дитрих полагал, что весь технос в радиусе нескольких километров уничтожен либо обезврежен, хотя бы на время. Удары плазменных ракет, объемные взрывы и густо засеянные по площади генераторы электромагнитного импульса нанесли скоргам тяжелейший удар, открыв группам зачистки свободный доступ в опаснейшее из аномальных пространств Пятизонья.

Осматриваясь, он внезапно увидел Аскета. Сталкера не задела его пулеметная очередь. Укрывшись по другую сторону нагромождения камней, обезопасив себя от флангового огня, он снайперским огнем выводил из строя боевые машины.

«Н-капсулами стреляет!..» – догадался Дитрих.

Один из «Скаутов», опрокинувшийся, изрешеченный снарядами, скатился по склону и чадно дымил у основания возвышенности, четыре его собрата, только что расстрелявшие инфицированную машину, тупо подставились под снайперский огонь, получив по н-капсуле в уязвимые места, не полностью прикрытые активным пластиком.

Один за другим они остановились. Сложные роботизированные комплексы не получили видимых повреждений, и бойцы группы зачистки не сумели правильно истолковать факт их внезапной остановки. Дитрих перевел взгляд на подбитого, дымящегося «Скаута» и похолодел.

Из множества пробоин с тихим, неслышным из-за грохота

извержений треском выпрастывались длинные, жадно шарящие по броне серебристые усики. Еще секунда – и под слоем активного пластика, отшелушивая его, пробежали замысловатые металлизированные узоры, похожие на разводы инея.

Все замерло.

Бойцы группы зачистки оцепенели, на миг растерявшись, а секундой позже длинная очередь из «ИПК» хлестнула по гребню возвышенности, щедро засеивая его н-капсулами.

Скорги, давно ждущие своего шанса на размножение, не теряли ни мгновения. Из ртутных брызг прямо на глазах оцепеневших спецназовцев внезапно начали появляться серебристые ростки, они сплетались между собой в тонкое, невесомое, стелящееся вдоль обугленной земли кружево, расширяясь симметричными пятнами округлой формы.

Командир группы первым пришел в себя. Замешательство длилось не более нескольких секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы стремительно растущие паутинки, цепляющиеся за каждую неровность почвы, почти дотянулись до его ноги.

Нервы офицера не выдержали.

Одно дело просматривать видеоматериалы, сидя в комфортабельном информатории, и совершенно иное – наблюдать, как серебристая проказа тянется к тебе, ощущать глухие удары сердца, чувствовать, как кровь приливает к лицу от мгновенных мысленных ассоциаций – словно призраки всех виденных на записях сталтехов сейчас собрались вокруг, заглядывая в полные ужаса глаза командира спецгруппы, пялясь на него через полупрозрачное забрало, усмехаясь, шепча: «Еще секунда – и ты наш!..»

Рассудком он понимал, что броня, защищенная слоем активного пластика, должна выдержать прикосновение тонких, будто волос, побегов нарождающихся металлорастений, но разум уже утратил власть над поступками – офицера охватила паника, сталкер, импульсный пулемет которого был снаряжен н-капсулами, казался демоном, исчадием отчужденных пространств, вступать в схватку с которым означало бы подписать себе смертный приговор.

Вырвав из подсумка плазменную гранату, офицер метнул ее в серебрящееся кружево, одновременно выкрикнув:

– Все назад! Отходим!

* * *

Когда гребень возвышенности поглотила вспышка плазменного

разрыва, Аскет, мысленно отсчитав несколько секунд, достаточных, чтобы над головой пронесся жаркий, упругий вал ударной волны, вскочил на ноги и побежал к ненадежному, шаткому мостику, перекинутому через огнедышащий разлом.

Он действовал стремительно и целеустремленно.

Удар, нанесенный по Пустоши, многое поставил на свои места, наглядно и болезненно показав большинству сталкеров, что они уже отделены от понятия «цивилизация» и являются частью отчужденных пространств.

Возврата к прошлому нет. Их мир находится здесь. Без вариантов. И жить, и погибать они будут рука об руку с техносом.

«Вот только исчадия скоргов об этом не осведомлены…» – подумал Аскет, боковым зрением уловив, как на злополучной возвышенности, у края остекленевшей, истекающей жаром воронки вновь появились фигуры солдат.

Они отступали, ведя беспорядочный огонь, затем один споткнулся, взмахнув руками, упал, покатившись по склону, остальные залегли, отстреливаясь, и сталкер остановился, но не затем, чтобы понаблюдать за боем между группой зачистки и крупным бронезавром. Мью-фон Аскета внезапно уловил сигналы обмена данными между коммуникационными устройствами солдат и спутниками, находящимися над Пустошью.

На ходу меняя магазин «ИПК», он короткими перебежками устремился назад, туда, где у подножия возвышенности застыли опутанные металлическими побегами «Скауты».

Труп, скатившийся по склону, являлся законной добычей техноса, к нему сквозь наслоения горячего пепла уже тянулись жадные серебристые усики, но сталкер оказался проворнее. Активировав боевые импланты, он нанес упреждающий удар, остановивший жадное стремление одной из колоний диких скоргов завладеть очередным носителем.

Узконаправленный поток излучения, резанувший по молодым побегам, не сжег их, но заставил отпрянуть, извиваясь, словно они были способны испытывать некий эквивалент боли.

Удар, нанесенный сталкером, дал ему лишь небольшую фору.

Добежав до застывшего в безвольной позе тела, Аскет с усилием перевернул его и, игнорируя огромную рану в груди солдата, бегло осмотрел его экипировку.

«Ага… Есть…» Он быстрыми движениями отсоединил от бронекостюма несколько универсальных, легко заменяемых блоков и, ни секунды не медля, ринулся назад.

Бой у возвышенности разгорелся с новой силой, видимо, бронезавр получил серьезные повреждения ходовой части и теперь отстреливался из башенного орудия, пока скорги восстанавливали его двигатели.

Аскет, на которого никто больше не обращал внимания, стремительно преодолел шаткий мостик и, обернувшись, дал очередь из «ИПК», обрушив ненадежную конструкцию в истекающий жаром разлом.

– Дитрих! – негромко произнес он. – Вылезай. Заставишь искать – будет хуже.

Никто не отозвался на угрожающий призыв, и Аскет, памятуя об очереди, которую выпустил по нему егерь, мысленно пожал плечами – вольному воля. Найду – убью, как и обещал.

* * *

Дитриха он обнаружил за грудой обломков различных металлоконструкций, сметенных взрывными волнами к невысокому, торчащему из праха скальному выступу.

Намерение прибить егеря и тем самым покончить хоть с этой проблемой не нашло немедленного выхода.

Аскету помешали два обстоятельства. Во-первых, Дитрих валялся без сознания, совершенно беспомощный, а во-вторых, в небе над Пустошью внезапно появились мерцающие полосы зеленоватого света, похожие на сполохи полярного сияния – верный признак грядущей пульсации Узла.

Принимать решение в подобных ситуациях следовало немедленно.

Предвестники очередного катаклизма никогда не лгали, но определить, сколько времени осталось до спорадического возмущения гипертоннелей, связывающих отчужденные пространства, было практически невозможно.

Сталкер, замешкавшийся на поверхности, не отреагировавший на признаки близящегося катаклизма, рисковал навек исчезнуть из нашего мира либо быть выброшенным пульсацией в иные регионы Пятизонья.

Аскета ни один из вариантов не устраивал. Укрыться от пульсации можно только под землей. Почему так – доподлинно неизвестно, но доказано практикой.

Несколько секунд Аскет смотрел на безвольное тело Дитриха, затем, прекратив внутренний спор, закинул «ИПК» за спину и, взвалив на себя егеря, быстрым шагом направился к разрушенной опоре моста, подле которой сила объемного взрыва вытолкнула наружу фрагмент перекрытия, открывая доступ в подземную часть уничтоженной постройки техноса.

Для чего скорги выстроили подземные этажи, насколько там

безопасно, Аскет понятия не имел, но зеленоватое мерцание уже охватило половину обозримого небосвода, и выбора, по большому счету, у него все равно не было.

Глава 4

Объединенный штаб группировки изоляционных сил.

Кабинет генерала Шепетова

– Они ударили по техносу!

Шепетов, мрачно наблюдавший за картиной, транслируемой со спутников, промолчал.

Какой смысл отвечать на реплики, когда и так все видно?

Вопрос в том, что делать?

Центр молчит. Они там ослепли, оглохли или…

Словно в ответ на злые мысли генерала, заработал защищенный канал связи.

Воздух сгустился, формируя голографическое изображение.

– Иван Андреевич, докладывай.

Шепетов взглянул на президента. Вид у того был такой же – усталый, злой.

– Силами армии Евросоюза нанесен ракетно-бомбовый удар по постройкам техноса в Пустоши. В данный момент боевые вертолеты с группами спецназа на борту преодолели Барьер и начали зачистку аномального пространства. По некоторым признакам, грядет пульсация. Я считаю, что вмешательство бесполезно.

– Мы должны отреагировать.

– Не вижу смысла губить личный состав. Пульсация – не шутка. Максимум через час в Пустоши не останется ни одного человека из состава групп зачистки!

– Иван Андреевич, тебе придется отдать приказ.

– Мне?

– Да, именно тебе. Пустошь – формально не наша территория.

– Плевать. Аномальные пространства связаны между собой. Пульсация разбросает солдат Евросоюза по всему Пятизонью, а затем недобитый технос, озверев, пойдет в атаку! Они *показали* скоргам и механоидам, кто их истинный враг. Но технос не знает, что такое государственные границы!

– Ситуация сложная, – согласился Верховный. – Если приказ о вводе наших сил будет исходить от меня, политические последствия непредсказуемы. В научном мире официально не признано, что между

отчужденными пространствами существуют каналы мгновенной транспортировки, и любые действия будут истолкованы как вторжение, вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Шепетов побагровел.

Чушь полная. Тут мир на глазах рушится!..

– Поэтому приказ о вводе войск отдашь ты, Иван Андреевич, действуя на свой страх и риск. Мы тебя снимем за это с должности. С повышением. Людей губить я не хочу. Но после того, как завершится пульсация, бери Пустошь под контроль. И все остальные пространства – тоже. Ни один выживший боец Евросоюза не должен бесконтрольно шататься по Новосибирску, Москве или Питеру. Ты меня понял?

– Так точно! – Шепетов наконец почувствовал некоторое облегчение. Слава богу, ему развязали руки. Теперь главная задача – вовремя ввести силы, действуя через Сосновый Бор, взять под контроль отчужденные пространства, отразить вероятную атаку недобитого ракетными ударами техноса, не допустить войну группировок и наступление хаоса… – Я все понял. Ситуацию удержу.

Голографическое изображение погасло.

Пустошь

Саид и Апостол, покинув трущобы, направились к Припяти, но не прошли и километра, как по сети внезапно прошло предупреждение о готовящемся ударе по техносу.

Отправитель сообщения подписался коротко «Аскет».

Мью-фоны адептов Ордена были оснащены дополнительными устройствами, пеленгующими все источники сигналов сталкерской связи, и вычислить примерное местоположение, откуда осуществлялся выход в сеть, не составило труда.

– Когород, – произнес Саид, сверившись с электронной картой. – Это в стороне от маршрута, обозначенного Митрофаном. Похоже на провокацию.

– Бегом, к ближайшему укрытию, – принял решение Апостол.

Саид спорить не стал.

Когда земля содрогнулась от первых попаданий плазменных ракет, они сидели в надежном убежище. У Ордена в любом регионе Пятизонья имелись укрепленные схроны, о которых знали лишь адепты и командиры боевых групп.

– Жаль, Титановой Лозы с нами нет… – Когда отгремели последние взрывы, Апостол с трудом открыл массивный люк и выбрался наружу.

– Сами справимся, – буркнул Саид, осматриваясь.

Панораму Пустоши застилали многочисленные дымопылевые выбросы, сквозь завесу мутного воздуха отовсюду пробивался багряный свет. Заросли металлокустарников, в чаще которых находился вход в тайное убежище, сгорели, и лишь видоизменившиеся за последнее время автоны, выросшие до невероятных размеров, выстояли. Покрытые шелушащейся окалиной, накрененные в сторону от эпицентров наиболее мощных взрывов, они высились над почерневшей Пустошью, словно одинокие, уцелевшие в буйстве лесного пожара деревья.

Апостол, осмотревшись, не узнал местность.

Подняв взгляд к небу, он некоторое время вглядывался в понятные лишь ему признаки, затем коротко обронил:

– Двигаемся в темпе. Будет пульсация.

Они припустили бегом. Подошвы тяжелых бронекостюмов тонули в золе и расплаве, каждый шаг вздымал искры и облачка пепла. На местности, лишившейся вследствие удара большинства естественных укрытий, их продвижение было хорошо заметно с земли и воздуха, но Саид, используя навыки метаморфа, поддерживал искажение реальности – со стороны все выглядело так, будто разгулявшийся ветер гонит клубы праха над истекающей дымами землей.

К лагерю сталкеров они вышли спустя десять минут.

К четверым обитателям полуподвальных помещений за это время присоединились еще человек десять, в основном одиночки, услышавшие предупреждение Аскета и нашедшие тут временное пристанище.

Сейчас большинство из них уже покинули полуподвал и сооружали нечто вроде баррикады, сдвигая тронутые коррозией остовы разобранных механоидов.

Апостол, остановившись, поднял руку, привлекая внимание. Пользоваться связью он не хотел, кто его знает, прослушиваются частоты мью-фонов или нет?

Заметив появление бойца Ордена, вольные сталкеры мгновенно рассыпались по позициям, но Апостол не шелохнулся, терпеливо дождавшись, пока те опомнятся от паники. Нервозность сталкеров можно понять. Не каждый день на Пустошь обрушиваются ракетно-бомбовые удары.

Наконец из-за недостроенной баррикады вышел рослый, худой мнемотехник.

– Что надо? Убежище ищешь? – обратился он к адепту Ордена.

Апостол включил аудиосистему бронекостюма, и его голос,

искаженный, усиленный, прозвучал, как рык:

– Назовись!

– Корень меня зовут. А ты не рычи, не таких обламывали.

– Ближе подойди. Поговорим.

– Ну? – Корень без страха сделал несколько шагов, остановился и повторил вопрос: – Что надо?

Апостол поднял забрало:

– Узнаешь?

– Ну, здорово!.. – Колючий взгляд мнемотехника потеплел. – А Саид небось на прицеле нас держит, да?

– Угадал.

– Ладно, Апостол, дел много. Давай коротко.

– Я Аскета ищу.

– Ушел Аскет. Жив ли – не знаю. С головой у него проблемы. Вечно в пекло лезет.

– Это он об ударе предупредил?

– Да.

– Откуда узнал?

– Да маяки он нашел. Их у построек техноса накануне залетные наемники установили. Жаль, я вовремя не сообразил проверить, за какой надобностью они тут шатаются.

– Куда ушел Аскет?

– В сторону городища Припять.

– Спасибо, Корень. Мы за ним. А ты своих предупреди – пульсация будет.

Корень взглянул на небо, покачал головой.

– Откуда знаешь?

– Говорю – будет, значит, верь. Все. Бывай.

Корень прищурился:

– Ты Аскета выручать идешь или он враг Ордену?

– Выручать.

– Другое дело. Много он жизней сегодня спас. Удачи, Апостол. С тобой не напрашиваюсь, все равно ведь не возьмешь?

– Не возьму.

Сосновый Бор

Через зону повышенной гравитации шли долго.

Тектоническая трещина петляла, то плавно изгибаясь, то изламываясь под разными углами. Путь от этого удлинялся на километры, но

прорываться по поверхности было бы еще сложнее. Там десятки блокпостов, минные поля, автоматические огневые точки…

Оба проводника двигались ровным, размеренным шагом, привычно экономя силы, а вот Шелесту приходилось туго, несмотря на поддержку сервомускулатуры бронескафандра.

Разговоры давно стихли, зрелище бездонных, озаренных багрянцем разломов уже не пугало и не выглядело таким впечатляющим.

– Славка, далеко еще? – не выдержав, с трудом проговорил Олег.

– По прямой – метров семьсот. – Сухостой взглянул на приборы. – Гравитация уже слабеет. Полтора «g». Пик прошли.

– Ты бы нормально ответил, я же по-человечески спрашиваю… – Дыхание Шелеста было прерывистым. – Мы ведь постоянно поворачиваем…

– Ты чего? Выдохся? – обеспокоенно спросил Монгол.

– Пока нет… Сердце пошаливает…

– Давай кейс понесу. Тяжелый небось?

– Нет. Спасибо. Сам. – Шелест примолк.

После очередного поворота трещина в земной коре внезапно начала расширяться, одновременно узкий скальный выступ, по которому проходила тропа, принял положительный уклон.

– Уже близко. – Славка узнал знакомые места. Монгол молчаливо кивнул, соглашаясь, и пошел вперед, держа оружие наготове.

Гравитация действительно быстро понижалась, возвращаясь к нормальным значениям.

Разлом постепенно превратился в мрачную пещеру с низким, давящим сводом, лишь далеко впереди виднелось смутно различимое пятно света.

– Там выход на поверхность? – спросил Олег.

– Овраг, заросший металлокустарниками, – подтвердил его догадку Сухостой. – Монгол сейчас разведает что к чему. Военные про этот выход знают, но опасаются зарослей автонов. Иногда, бывает, минируют, реже – засады оставляют.

Метров через сто они остановились.

– Монгола ждем, – скупо пояснил Славка.

Шелест молча присел на плоский выступ каменной породы.

В ушах гудело, перед глазами мельтешили разноцветные искорки.

«Ничего… Выдержу… – мысленно говорил себе Олег, чувствуя, как неровно бьется сердце. – Уже немного осталось. А там либо полная свобода, либо…»

О вероятном роковом исходе своего рискованного предприятия он предпочитал не думать, полагаясь на судьбу. В конце концов, в его положении толика фатализма не помешает…

Из сумрака внезапно возникла фигура проводника.

Он двигался бесшумно и быстро.

– Ну, что там? – спросил Славка.

Монгол присел на корточки.

– Непонятно… – ответил он. – Тамбур оцеплен. С бугорка хорошо видно: технику выгнали в «поле», вокруг дополнительные блокпосты установлены. В воздухе постоянно три «вертушки» барражируют.

– Выяснить что-нибудь смог?

– Связался с нашим прапором. Он говорит, по тревоге гарнизон подняли. Как всегда – никто ничего не знает. Но приказ у них – открывать огонь на поражение при попытке прорыва в зону тамбура.

– Значит, у нас проблемы? – спросил Шелест, внимательно прислушивавшийся к их разговору.

– Если тебя время не поджимает, то, в принципе, нет, – пожал плечами Сухостой. – Мы спокойно можем уйти в руины Соснового Бора и переждать там.

– Сколько ждать? – допытывался Шелест.

– А я откуда знаю? – искренне возмутился Славка. – Ну, не на оцепление же лезть!

Шелест был вынужден кивнуть, согласившись.

– Ладно, пацаны. Вам лучше знать. Время у меня пока терпит. Но только уговор – при первой же возможности вы проведете меня к тамбуру.

– Да не проблема. – В голосе Славки прозвучало явное облегчение. Шелест, видать, нормальный мужик. А бывают такие клиенты – упрутся и ни в какую, расшибись, но сделай, что обещал, немедленно.

– Ладно, значит, у выхода все чисто?

– Проверил, не в первый раз, – обиженно буркнул Монгол. – Куда пойдем? К Упырю?

– Да ну его… – Славка поморщился. – Псих.

– А кто такой Упырь? – поинтересовался Шелест, вставая.

– Да торговец местный. Обычно мы с Монголом у него в случае непредвиденных обстоятельств отсиживались, но только в последнее время он совсем плохой стал. Крыша у него поехала, после того как бункер «вертушки» раскурочили.

– Какой бункер? – не понял Олег.

– Да его, где магазин. Тут несколько месяцев назад серьезная заваруха

была. Я же говорил – технос за одним из сталкеров охотился. Ну и попал Упырь под общую раздачу. Здание, под которым в подвале был его магазин, в пыль разнесло, да еще в нескольких местах через трещины в бункер металлорастения прорвались. Он те помещения замуровал, да теперь все ходит, ноет, мол, сколько товара загублено… В общем, лучше где-нибудь в руинах переждать.

– Ну, это уж вам виднее. Ведите.

* * *

До выхода добирались минут пятнадцать. Шли осторожно, не торопясь, в пещере, по мере приближения к поверхности, появились металлорастения, несколько раз Шелесту слышался лязг и чудились тени, но проводники вели себя спокойно, и он лишь крепче прижимал к груди драгоценный кейс, стараясь не выглядеть паникером.

Наконец показался выход на поверхность. Узкая щель осыпавшейся земли, обрамленная причудливо изогнутыми побегами металлорастений.

– Эти автоны не опасны. Просто металл. Мы с Монголом их периодически «фричем» прижигаем.

Первым наружу выбрался Славка, за ним последовал Шелест, замыкающим – Монгол.

Сухостой взбежал на бугорок по заметной, утоптанной тропинке и вдруг озадаченно спросил:

– Ну, и где твои блокпосты?

Монгол осмотрелся.

– Ничего не понимаю… И «вертушки» куда-то исчезли… – Он поднял взгляд к небу и вдруг похолодел.

Над головой переливались уже набравшие силу зловещих красок яркие, мерцающие полосы мертвенного, изумрудного сияния.

– Пульсация! – не своим голосом заорал Монгол. – Назад! В пещеру!..

Никто не успел сдвинуться с места.

В следующий миг все вокруг затопила бледная вспышка, несущая волну искажений.

Изменение реальности длилось считаные секунды, но и этого хватило, чтобы три фигуры в бронескафандрах внезапно стали похожими на призраков, а затем и вовсе исчезли, будто растворились в зловещем, роковом сиянии…

* * *

В первый миг после пульсации внутри у Славки все обмерло.

Ощущение падения с огромной высоты сопровождалось чувством щекотливого зависания внутренностей, острого пугающего холода, возникшего в животе и груди.

Затем последовал сокрушительный, ошеломляющий удар.

Сухостой заорал, ужас, поглотивший сознание, был столь силен, что глушил все остальные чувства, даже боль не сразу пробилась в рассудок.

Он лежал на спине, раскинув руки, и, силясь вдохнуть, широко открывал рот, словно огромная рыбина, выброшенная прибоем на берег.

Боль в ушибленной спине прорвалась, наконец, яркой вспышкой, а с ней вернулись и другие ощущения. Славка все же сумел сделать неглубокий, болезненный вдох, тут же закашлялся, порывисто сел, преодолевая сопротивление отключившихся приводов защитной экипировки, и сквозь дымчатый бронепластик забрала разглядел тусклое красноватое сияние, окружившее его со всех сторон.

«Во влип!..» – пришла чужая, отрешенная мысль.

Он ошалело повернул голову, стараясь рассмотреть, что происходит вокруг, и ему тут же захотелось зажмуриться, сжаться в комок, не шевелиться, отчаянно надеясь, что увиденное – всего лишь глюк…

Не тут-то было.

Треск, скрежет, надрывные скрипы, передаваемые внешними аудиодатчиками экипировки, вгрызались в рассудок, взламывая спасительную темноту. От реальности не спрячешься, закрыв глаза, шепча побелевшими губами: *это не со мной…*

Подсистемы бронескафандра включались одна за другой, передавая все больше данных, прорисовывая на проекционном забрале шлема ужасающие подробности: реальность Соснового Бора, где известны каждая тропка, овраг, здание, попросту исчезла. От одной мысли, что пульсация загадочного Узла вышвырнула его в иной регион Пятизонья, накатывал липкий ужас, к горлу подступала тошнота.

«Где же я оказался?»

Шоковые ощущения понемногу отступали. Все же за два года, что Сухостой водил сталкеров и переправлял грузы через Барьер, он пережил немало опасностей, и опыт жестокой борьбы, приобретенный сначала в руинах Питера, а затем при вылазках в Сосновый Бор, никуда не исчез…

Если сжаться, зажмурив глаза, то смерть сама тебя отыщет. Обязательно.

Было страшно, но он заставил себя осмотреться, четко, без иллюзий определив, что действительно находится в абсолютно незнакомом месте, хуже того: опора под ним зыбкая, никак не похожая на почву, а вокруг, куда

ни посмотри, взгляд натыкается на сюрреалистическое сплетение плавно изогнутых, почерневших, покрытых окалиной ветвей.

Может, просто отшвырнуло в заросли металлокустарников? – вернулась робкая надежда, но и она тут же угасла.

В Сосновом Бору не отыщешь металлорастений с ветвями толщиной в руку.

«Куда же меня забросило милостью пульсации? Хорошо, если в Казантип – там Цитадель неподалеку от тамбура… Узловики мне помогут… Они всем помогают, кто против Ордена не идет…»

Он осторожно привстал. Основные системы бронескафандра уже перезагрузились, и заработавшие сервомускулы позволили совершить движение, ухватиться рукой за изогнутую, скрученную в виде конической спирали металлическую ветвь, покрытую шелушащейся коростой окалины.

Оружие исчезло. Наверное, упало вниз. Славка уже догадался, что пульсация выбросила его высоко над землей, и только ветви автонов, принявшие на себя вес человеческого тела, не позволили ему разбиться, спружинили, но не пронзили, остановив падение.

Повезло? Это как посмотреть. Будь он настоящим сталкером, то, не задумываясь, ответил бы: да, повезло. Теперь осмотреться, отыскать оружие, может, по ходу дела прихватить пару артефактов – и уматывать отсюда к обжитым местам, где можно продать найденное… да вот беда, ни Сухостой, ни Монгол сталкерами не были. Мечтали ими стать, но отчаянно страшились неизбежного процесса имплантации.

Мысль о напарнике вызвала в душе секундную горечь. Привык Сухостой к Монголу, как к братишке. Теперь судьба, видать, развела их надолго, быть может, навсегда. Где сейчас Монгол, жив ли, бесполезно гадать. Мью-фон молчит, на частотах связи только треск помех, словно в окрестностях нет ни одного сталкера…

Из плена мрачных размышлений Славку вырвал зловещий скрежет.

Сплетение невиданных по толщине металлорастений внезапно содрогнулось и начало проседать, опасно кренясь.

Сухостой запаниковал, отчаянно вцепившись в спиральную ветвь, страшась, как бы металлические побеги, торчащие из сложного сплетения таких же ветвей, не проткнули экипировку. Если такое случится – все, склеивай ласты.

Наконец тряска прекратилась.

Багряное свечение, исходящее со всех сторон, стало ярче. Между ветвями автонов то и дело возникали дуговые разряды, рассыпающие снопы искр. Взгляд вниз не принес ничего нового, там, уходя на неведомую

глубину, прорисовывались смутные контуры переплетенных между собой металлорастений, но Славка уже принял решение. Нужно спускаться. Иного выхода не было.

Превозмогая вернувшийся страх, он начал осторожно перебираться с одной узловатой металлической ветви на другую, предварительно пробуя их ногой на прочность.

Спуск показался ему бесконечным. Было жутко. По мере продвижения взгляду открывались такие подробности, что не пригрезятся и в кошмарных снах. Спустившись на три-четыре метра, он внезапно заметил, как справа от него сплетение оплавленных, а местами еще раскаленных, источающих вишневое сияние металлических ветвей образует что-то вроде глубокой ниши или даже искусственной пещеры.

Сколько раз их с Монголом подводило юношеское любопытство, но и тут не удержался, решил взглянуть, рассудив, что хуже уже не станет, и снова ошибся, вскоре пожалев о содеянном. Лучше бы ему спускаться дальше и не видеть того, что пряталось в сумраке углубления.

Судя по показаниям сканеров, ниша в созданной плетением автонов стене была протяженной. Она уходила вглубь на десять-пятнадцать метров, в ней царила таинственная мгла ядовитых для человека испарений. Славка ощущал себя ничтожной пылинкой посреди чуждого, таинственного, не сулящего ничего доброго пространства, но, тем не менее, пользуясь мертвой хваткой механических приспособлений бронескафандра, перелезал с ветки на ветку, приближаясь к загадочному углублению. Наконец, почувствовав под ногами твердую опору, он выпрямился, давая отдых напряженным мышцам, огляделся, затем включил фонарик и посветил в глубь искусственной пещеры.

Увиденное настолько поразило его, что, невольно попятившись, Сухостой едва не сорвался вниз, лишь в последний момент он сумел ухватиться за покрытые окалиной ветви, сохранив равновесие на самом краю бездонного провала.

«Может, померещилось?» Он снова набрался храбрости и посветил фонариком.

В глубине искусственной пещеры, там, где стены постепенно сужались, стоял… наполовину собранный механоид!

Ледяной пот крупными градинами катился по спине.

Славка перепугался до дрожи. Рука машинально отпустила ветвь, скользнула к подсумку, выхватывая склянку с «фричем» – так называемую «фрич-гранату», – единственное его оружие на данный момент, но что-то удержало от броска.

Механоид не двигался. От сплошной стены металлорастений к нему тянулись тонкие, похожие на лианы, плавно изогнутые либо натянутые в струну ветви. Прикрепленные к лишенному брони каркасу, фактически – остову механизма, они удерживали его в определенном положении.

Сухостой чуть сместил фонарик, освещая «пол» сужающейся пещеры.

Вздрогнув, он понял, что не ошибся в жутковатом предчувствии: там валялись сотни небольших механизмов, похожих на металлических насекомых.

Тут Славку окончательно проняло. Сообразительный, шустрый, по-своему бесстрашный, он быстро понял, куда занесла его пульсация.

«Я в Пустоши… В городище скоргов…»

Догадка, столь же справедливая, сколь и страшная. О городищах он знал лишь по рассказам сталкеров, но где в них вымысел, а где правда, определить было фактически невозможно. Говорили, что в последнее время технос Пятизонья преобразился, на просторах Пустоши неведомая сила начала формировать из обыкновенных зарослей металлорастений какие-то жуткие, загадочные постройки, кишащие неизвестными ранее видами мелких, похожих на механических насекомых скоргов, которые производили более крупных представителей видоизменившегося техноса.

Славка был близок к тому, чтобы сломя голову ринуться прочь, спускаться не разбирая дороги, лишь бы найти выход, ускользнуть из страшного места, пока его обитатели по неизвестной причине отключились и не представляли явной угрозы.

«А где я найду выход? – промелькнула мысль. – Чем защищаться, если они вдруг «оживут»? – Он в смятении взглянул на хрусткий ковер металлических насекомых, опаленных, как и всё вокруг, пламенем какой-то неистовой вспышки. – Может, у них какая авария случилась?»

Сухостой осторожно шагнул в сумрак углубления. Любой сталкер на его месте давно бы бежал, но где там… Битые Зоной, прошедшие огонь и воду вольные бродяги давно утратили юношеское безрассудство, им был неведом губительный азарт исследователя, когда внутри все стынет от ужаса, но что-то неподвластное пониманию толкает вперед, заставляя безрассудно рисковать.

Подойдя еще ближе, с содроганием присмотревшись к невиданному «изделию», выращенному скоргами в ядовитом сумраке искусственной пещеры, юный проводник наконец догадался, что именно тревожило, возмущало взгляд… и мир в его понимании вдруг преобразился, стал неизмеримо сложнее, чем думалось раньше.

За четыре с лишним года существования Пятизонья в отчужденных

Катастрофой пространствах установился определенный, казавшийся незыблемым порядок вещей. Скорги – колонии микроскопических наномашин, как правило, прорастали в виде металлорастений, размножались, образуя н-капсулы, да еще – захватывали различные носители, в основном используя старую, брошенную, уже никуда не годную технику. Они реставрировали машины, превращая их в механоидов. Так скорги обретали мобильность, получали возможность перемещаться по Пятизонью, собирать металлы, мигрировать и размножаться в тех местах, где существовали энергополя. Эволюционное развитие пережившей Катастрофу техносферы происходило стремительно, но не сильно отличалось от борьбы, которую на протяжении миллионов лет вели между собой представители биологических видов, населявших нашу планету. Славка неплохо учился в начальной школе, был сообразителен и достаточно логичен для своих лет, чтобы понять: механизм, застывший перед ним, – это нечто совершенно новое, революционное, словно технос внезапно и быстро прошел этап самоорганизации, обобщил накопленный опыт и рывком поднялся на новую ступень развития, уже не захватывая, а *создавая* носители.

Мысли, промелькнувшие в голове Славки, конечно же, не были облечены в форму четких, законченных по смыслу умозаключений. Он оторопело смотрел на механоида, скользя взглядом по скупым функциональным формам ажурного, легкого, но, видимо, чрезвычайно прочного эндоостова, чем-то похожего на скелет огромного металлического насекомого. Он разглядел шесть суставчатых лап, небольшое «туловище», сквозь ребра которого виднелось хитросплетение внутренних систем, соединенное со сферическим образованием полуметрового диаметра. К ребрам жесткости, на внешней части которых впоследствии была бы закреплена броня, изнутри крепились шесть хорошо узнаваемых техноартефактов.

Сухостой много раз видел и даже держал в руках компактные источники энергии – так называемые «Сердца зверя». Обычно у механоидов был один, ну, в лучшем случае, два аккумулятора, а тут сразу шесть… Жутко подумать, какой же мощью будет обладать этот техномонстр? А оружие?

Славка еще на шаг приблизился к механоиду.

Систем вооружения он не заметил, возможно, скорги еще не успели вырастить и установить их?

«А что за коконы прикреплены к стенам пещеры?» Он обернулся. Вздутия, похожие на личинки, гроздьями выступали из покрытого

окалиной плетения автонов. Их поверхность также почернела, в некоторых местах прогорела насквозь, обнажая серебристое содержимое.

Страх вновь вернулся. «Блин, куда я лезу?..» – подумал Сухостой, с отчаянной решимостью разрывая похожую на фольгу оболочку одного из коконов».

Внутри, прикрепленное к ветке автона, растущее из нее, располагалось непонятное устройство.

Отступать теперь уже поздно. Сразу не убежал, так сам виноват. Если скорги вдруг очнутся от непонятного ступора, ему крышка, но он продолжал лихорадочно разрывать один кокон за другим, в слабой надежде отыскать оружие, ведь без него дальнейший путь через зловещее городище казался Славке худшим безумием, чем небольшая задержка в случайно обнаруженной искусственной пещере.

Ничего не отыскав, он совершенно отчаялся. Порыв, толкнувший его на исследование пещеры, иссяк, уступив место нервной дрожи, вновь охватившей все тело.

«Бежать надо… Пока не поздно…»

Далеко внизу внезапно блеснула вспышка пламени.

Славка, заметив отблески, насторожился. Под ногами отвратительно похрустывали скорги, сминаемые массивными подошвами бронескафандра.

Вспомнив о склянке с «фричем», он хотел сделать «перчатку» и попробовать взломать корпус механоида, вытащить из него хотя бы одно «Сердце зверя», но вернувшийся ужас на этот раз оказался сильнее, и он, поборов желание завладеть дорогостоящими артефактами, решил продолжить спуск вниз, в надежде отыскать выход из городища.

* * *

Структура омертвевшего механического муравейника казалась Славке совершенно непонятной. Здесь не было привычных для человека лестниц, дорожек или хотя бы похожих на пандусы пологих спусков. Архитектура техноса выглядела непостижимой и зловещей. Видимо, скорги и создаваемые ими механоиды перемещались, цепляясь конечностями за ветки автонов, образующих ажурное, прочное плетение. Собственно, городище, или, по крайней мере, та его часть, где оказался Сухостой, выглядело как одно непомерно разросшееся металлическое растение.

Прямого пути вниз здесь не существовало. Прорехи в плавно изгибающихся плетеных плоскостях попадались редко, и Славка совершенно измучился, выбился из сил, блуждая по настоящему лабиринту, то и дело натыкаясь на знакомые теперь углубления. Некоторые из них

пустовали, в других он находил механоидов в различной степени готовности. У одних только начинал формироваться «скелет», другие были частично собраны, покрыты бронепластинами, третьи вообще казались только что сошедшими с адского конвейера полностью функциональными «изделиями», но все они были мертвы, как и миллионы мелких скоргов.

Совершенно измучившись, Славка наугад свернул в огромное отверстие, проплавленное в стене. Что произошло в Пустоши перед внезапной пульсацией Узла, оставалось лишь гадать, но огромный механический муравейник сильно пострадал от удара неведомой силы. Следы воздействия высоких температур попадались на каждом шагу, если бы не дыры и деформация стен, он бы не прошел и шага…

Наконец его усилия были вознаграждены.

Пробираясь вдоль плавно изгибающейся стены переплетенных между собой автонов, Сухостой вдруг наткнулся на несколько расположенных неподалеку друг от друга вертикальных колодцев. В один из таких провалов он едва не свалился, когда увидел первого выращенного техносом механоида.

Не тратя времени, он начал спуск по отвесной стене ближайшего колодца, надеясь, что тот выведет его к поверхности земли.

Через несколько минут ему вновь стали попадаться ниши, но теперь уже меньшие по размерам.

Он продолжал спуск с упорством обреченного. Ноги и руки дрожали от постоянного напряжения, постепенно на смену острым ощущениям приходило тупое безразличие, непомерная усталость гасила мысли, баюкала сознание, внутренний голос нашептывал: «Зря стараешься… Живым отсюда не выберешься, точно…»

Совершенно выбившись из сил, он, забравшись в одну из ниш, решил хоть немного отдохнуть.

Некоторое время Славка лежал, не в силах даже пошевелиться, затем в его сознание проник настойчивый звук, доносившийся из глубин металлической каверны.

Приподнявшись на локте, он включил фонарик и вдруг почувствовал, как горло сдавило спазмом от внезапно вернувшегося ужаса.

В сумеречной глубине ниши, у дальней стены, прикрепленный к ней несколькими прочными металлическими жгутами, конвульсивно подергивался, совершая повторяющиеся наборы движений, жуткий механоид невиданной формы.

Славка едва не умер от страха.

Огромная, длиной не меньше полутора метров металлическая

«стрекоза» рвалась к нему, часто взмахивая жесткими крыльями, пялясь на Сухостоя двумя выпуклыми, матово поблескивающими сегментами «глаз», подергивая расположенными по периметру тонкого туловища наростами, из которых торчали похожие на жала отростки.

Славке никогда в жизни не было так страшно. Он на мгновение оцепенел, а затем, едва соображая, что делает, метнул в исчадие техноса «фрич-гранату».

Раздался звон разбившегося стекла, зеленоватая вязкая жидкость, соприкоснувшись с металлом, зашипела, запузырилась, разбрызгивая капли, затем по корпусу летающего механоида вдруг побежали искрящиеся в свете фонарика пятна искажений: металл под воздействием «фрича» внезапно становился хрупким, тут же покрываясь трещинами, ломаясь, рассыпаясь на мелкие фрагменты от тех усилий, что продолжал прилагать техномонстр, пытаясь сорваться с привязи и дотянуться до человека.

Механические лапки вдруг подломились, крылья оторвались от туловища, с глухим звоном ударившись о стены, и исчадие техноса, еще раз дернувшись, застыло.

Славка, оцепенев, смотрел на поверженного механоида, не ощущая торжества победы, лишь звенящая пустота жесточайшего стресса захлестывала рассудок, оглушая, словно беспощадный удар контузии…

Через пару минут он нашел в себе силы пошевелиться.

«Пронесло…» – бухнула в голове сиротливая мысль.

Он все еще с ужасом косился на поверженную тварь, сомневаясь, а вдруг оживет?

Дальнейший спуск в глубины городища казался ему теперь предприятием совершенно безнадежным. А что, если там скорги и механоиды не пострадали от загадочного удара, вырубившего технос?

Оружие… Без него никак… «Фрича» больше нет, да и что делать, если вдруг скопом навалятся скорги?

Привстав, Славка ударился головой о низкий потолок «пещеры», вынужденно присел и, двигаясь на четвереньках, осторожно приблизился к поверженному монстру.

Конечно, сходство с огромной стрекозой было условным. В первые секунды, находясь в плену шоковых ощущений, он инстинктивно нашел близкий и понятный аналог формы, заимствованный из живой природы. На самом деле то, что казалось двумя выпуклыми глазами насекомого, являлось лишь полусферическими наплывами брони, за которыми наверняка прятались какие-то хрупкие, уязвимые подсистемы, возможно, сканеры. Выросты, что он со страха принял за жвала, оказались выступами

блока курсовых орудий, наплывы на длинном, вытянутом теле были бронированными кожухами четырех лазерных излучателей, а вот лапки и крылья действительно походили на стрекозиные.

«Фрич», испятнавший и разрушивший броню, обнажил внутренние механизмы, соединенные в сложную структуру сервомоторного узла. Там, где находилась «голова» твари, под защитой корпуса располагался полуметровый шар, видимо, в нем обреталась управляющая колония скоргов, но сейчас Сухостоя волновали не шокирующие открытия, а исключительно практическая сторона одержанной победы: ему было необходимо оружие, и он решил во что бы то ни стало завладеть им.

«Фрич» уже прекратил активное действие, теперь прикосновения к поврежденным участкам брони механоида не могли повредить его собственную экипировку, и Славка действовал решительно. Раскрошив ударами кулака ставшее хрупким бронепокрытие одного из выступов, он обнаружил внутри армган!

Лазерный излучатель с двумя подключенными к нему артефактами выглядел более длинным и изящным, чем армейские образцы. Было совершенно непонятно, как производить выстрел: кроме креплений к корпусу и специальных гнезд, в которые «вросли» компактные энергоблоки, на поверхности оружия он не увидел ни дополнительных выступов, ни каких-либо панелей управления, но Сухостой решил раньше времени не отчаиваться.

Несколько минут ему потребовалось, чтобы отделить необычный армган от корпуса механоида. Когда это наконец удалось, он заметил, что кроме креплений к оружию подсоединен тонкий серебристый кабель, похожий на гибкий побег металлокустарника.

Славка облегченно вздохнул.

Демонтировать оружие с «изделий техноса» ему приходилось и раньше. Насколько он знал, три четверти энергетических вооружений, используемых сталкерами, были трофейными образцами, снятыми с подбитых механоидов. Обнаруженный тонкий серебристый жгут являлся аналогом компьютерного шлейфа, через который оружию передается управляющий импульс.

Любая экипировка, предназначенная для эксплуатации в условиях Пятизонья, обязательно включала в комплект оборудования специальный адаптер. Конечно, мастера-мнемотехники способны управлять трофейными вооружениями одной лишь силой мысленного приказа, переданного через имплант, но для рядовых сталкеров адаптеры являлись незаменимым, часто используемым устройством.

Сухостой отыскал соответствующее гнездо на своей броне, подключил к нему вырванный из механоида кабель, и спустя некоторое время в оперативном окне операционной системы, выведенном в правый нижний угол проекционного забрала, появилась надпись:

«Обнаружен неизвестный тип лазерного излучателя. Идет анализ оборудования. Ждите».

Дальнейшее продвижение по механическому муравейнику сулило неисчислимые опасности, и Сухостой предпочел потерять время, терпеливо дождавшись тестовой проверки оружия.

Когда системе бронескафандра наконец удалось проанализировать схему управления лазерным излучателем, он снова продолжил путь. К этому времени Славка успел немного успокоиться, справиться с недавним потрясением, к тому же ему здорово повезло: напротив злополучной ниши он заметил внушительных размеров тоннель, что само по себе выглядело необычно, исходя из опыта его блужданий по постройке техноса.

Он долго не раздумывал, как поступить. Спуск вниз был сопряжен с огромным риском, теперь он знал, что по периметру колодца располагаются ниши, в которых скорги выращивают летающих механических монстров.

Лучше поискать другой путь.

Перебравшись на противоположную сторону вертикальной шахты, он ступил в тоннель.

Обнаружить его помогло несколько багряных отсветов, замеченных Славкой еще из злополучной ниши.

Он продвигался быстро, но осторожно. Армган, демонтированный со «Стрека» (так он мысленно окрестил убитую тварь), Сухостой поставил на максимальную мощность, не зная, какие еще противники встанут на его пути.

Испив свою чашу ужаса, Славка уже не дрожал всем телом. «Если выживу – уйду в сталкеры», – со внезапной угрюмой решительностью подумал он.

Действительно, хватит уже подрабатывать доставкой мелких грузов. Теперь он запоздало жалел, что не прихватил с собой парочку артефактов из коконов. Ну да ладно. Зато теперь я знаю, где их добыть.

Багряный свет тем временем становился все ярче.

Никто не мешал его продвижению по тоннелю, и Сухостой понемногу начал верить, что все-таки ему удастся выбраться живым из логова скоргов.

Широкий тоннель постепенно видоизменялся, его стены раздались в стороны, потолок, наоборот, стал ниже, как будто сетчатую трубу

сплющили.

Славка уже устал гадать о предназначении тех или иных коммуникаций, структура городища была просто непостижима. За время блужданий по исполинской постройке техноса он поневоле увидел и узнал о ней больше, чем все сталкеры Пустоши, вместе взятые, но все равно не мог представить ни истинных размеров сооружения, ни принципов его организации.

Да и какая разница, что и как тут устроено? Для Сухостоя главным было выжить, выбраться из жуткой постройки, а обо всем остальном можно будет подумать на досуге, в безопасном месте.

Он шел, нервно озираясь, в постоянном ожидании «сюрпризов», но сегодня капризная фортуна отчужденных пространств явно улыбалась ему: стены тоннеля внезапно раздались в стороны, и он, замирая от неожиданного головокружительного восторга, понял, что перед ним простирается сетчатая плоскость, выступающая за пределы стены городища на добрый десяток метров.

Сотни новых ощущений обрушились на него.

Он увидел низкое, давящее небо, клубящиеся, подсвеченные багрянцем облака и невольно остановился, глядя по сторонам.

Приплюснутое овальное отверстие, откуда он только что вышел, казалось лишь маленькой щелью на фоне исполинской стены городища скоргов. Выступ нависал над бездной, внизу клубились дымопылевые выбросы, под ними в прорехах виднелись реки огня, истекающие багряным жаром трещины в земной коре, прямо, в нескольких километрах от городища, высились сумеречные постройки атомной станции, справа извергались конические сопки, слева все скрывали тучи пепла, над изуродованным ландшафтом Пустоши то и дело били ветвистые молнии, далекими отсветами мельтешили частые вспышки схваток между людьми и техносом.

Дух захватывало.

Росчерки очередей, выпущенных из импульсного оружия, стелились вдоль изувеченной земли раскаленными пунктирами, рикошетили, бессильными светлячками взмывали в небо, тонули в седых облаках, лазерные лучи вспыхивали и гасли, прорисовывая огненную сетку, выбивая ввысь фонтаны горящей земли, оставляя на поверхности укрытий крохотные светящиеся язвы, маленькими, ослепительными волдырями, кажущимися безобидными с такой высоты, неожиданно возникали вспышки плазменных ударов – все это сливалось в масштабную панораму непонятных, но чудовищных событий. Огненно-черная пустошь

распласталась перед ним, истекая тысячью дымов, ближайшие постройки техноса светились, источая темно-вишневое сияние, аудиодатчики транслировали рокот извержений, надсаженный гул вертолетных двигателей, отдаленные хлопки особенно мощных взрывов…

Вдалеке, на фоне клубящегося горизонта, там, где багряное небо сливалось с черной землей, высились контуры трех крупных городищ.

Даже с такого расстояния, несмотря на множество помех, препятствующих взгляду, Славка сумел разглядеть, что структура построек техноса подверглась беспощадному уничтожению: они светились от адской температуры, концентрические окружности стен оплывали потоками расплавленного металла, центральные конические сооружения, вздымающиеся на сотни метров, рушились, постепенно оседая, роняя отдельные раскаленные фрагменты.

Гибельный, лихорадочный, неуместный восторг истончился, словно с просторов черной, опаленной Пустоши дохнуло в лицо обжигающим ветром, – Славка, конечно, не мог ощущать его порыва, – это была субъективная нервная реакция на апокалипсическое зрелище, дополненная фантомными ощущениями жара, но он вздрогнул, почувствовав, как пылают щеки, кровь прилила к лицу, шум в ушах стал ритмичной болезненной пульсацией…

Что же делать? Как выбираться отсюда, и главное – куда идти?

Он растерялся, но отчужденные пространства уже все решили за него. Необратимые события, захлестнувшие Пустошь, продолжали развиваться стремительно, неумолимо – со стороны трех погибающих городищ внезапно появились длинные струйки черного, местами отблескивающего багряными бликами дыма, но уже через пару секунд стало ясно – это не продукты горения, а полчища скоргов и механоидов, покидающих титанические постройки, гибнущие под ударами неведомой Славке силы.

Глянцевито-черные выбросы, высачиваясь из множества отверстий, сливались друг с другом, образуя тучи, – так сбиваются в огромные стаи миллионы перелетных птиц, так саранча уничтожает поля, так мигрируют полчища термитов, оставляя после себя пустынные, лишенные жизни пространства…

Все увиденное находило отклик на уровне шоковых ощущений, мгновенных мысленных ассоциаций.

Жуткие события происходили не только в небе над Пустошью. В багряном свете множества извержений Сухостой видел, как по земле, сливаясь друг с другом, образуя шевелящиеся потоки, ползут миллионы скоргов, сотни механоидов.

Их неумолимое движение было устремлено сюда, к городищу Припять – единственной устоявшей под титаническими ударами постройке техноса. В стенах городища зияли дыры, километровые участки защитных сооружений растеклись по земле озерами расплавленного и уже остывающего металла, но второе кольцо стен и центральная коническая постройка, вздымавшиеся за спиной Славки, пострадали лишь частично.

Кровь стыла в жилах.

Он не представлял, что именно произойдет, когда скорги и механоиды достигнут нового убежища.

Для человека не было укрытия ни на земле, ни на высоте исполинских построек. Если по обожженной поверхности пустоши глянцевитые языки шевелящейся массы механоидов и скоргов текли медленно, огибая трещины, увязая в лавовых полях, срываясь шелестящими водопадами в огнедышащие разломы земной коры, то в небе все происходило намного стремительнее…

Оказывается, среди исчадий техноса не было единства.

Полчища механических форм, стремясь захватить единственное уцелевшее на территории Пустоши сооружение, внезапно сошлись в непримиримой схватке: три грозовые тучи столкнулись в нескольких километрах от городища Припять. Механоиды атаковали друг друга с яростью обреченных, небо полыхнуло зарницами от горизонта до горизонта, такого зрелища еще не видел ни один человек, его невозможно вообразить, придумать: десятки тысяч лазерных лучей вспыхивали и гасли, между скоплениями способных к полету скоргов и механоидов ветвились энергетические разряды чудовищной мощи, громовые раскаты не просто сотрясали воздух, они рвали саму ткань реальности, удары воздушных волн сминали облака, закручивали исполинские смерчи из пепла, пыли и продолжающих сражаться скоргов – все катастрофическое, что происходило до этого момента, оказалось лишь прелюдией, бледной тенью *настоящего удара*, потрясшего отчужденное пространство Пустоши.

Исчадия техноса, стремясь овладеть беззащитным городищем, истребляли друг друга, сражаясь до последнего скорга: с небес на истерзанную землю падал огненный дождь из частичек расплава, вниз рушились фрагменты тысяч сгорающих под энергетическими ударами механизмов, сражение распадалось на отдельные схватки, жуткие, издающие монотонный шелест глянцевитые массы то ударялись оземь, растекаясь вдоль складок рельефа, то опять устремлялись ввысь, чтобы снова столкнуться, взвихриться в ореоле крошащих небеса взаимных ударов…

Славка уже не знал, остался ли у него хотя бы мизерный шанс выжить.

Когда сонмища механизмов только устремились навстречу друг другу, он каждым нервом почувствовал опасность и предпринял единственную попытку хоть как-то обезопасить себя: резким, заученным до автоматизма движением он потянул от пояса карабины двух тросов – основного и страховочного, пристегнул их к толстым ветвям автонов, образующих площадку, и лег, схватившись руками за узловатые побеги металлорастений.

Начавшуюся схватку он видел лишь фрагментарно. Исполинскую постройку техноса, вросшую в землю на огромную глубину, шатало и гнуло, датчики бронескафандра один за другим выходили из строя, волны жара накатывались со стороны Пустоши, бесноватый танец высокоэнергетических разрядов хлестал по стенам городища, высекая снопы искр, пробивая в сплетении автонов огромные оплавленные дыры, адский грохот сотрясал небо и землю, сверху на площадку сыпались раскаленные обломки металлических конструкций…

Славка практически впал в кому.

Беснующиеся вокруг силы были способны миллион раз испепелить крохотную человеческую фигурку, судорожно вцепившуюся руками и механическими приспособлениями в размягчившееся от жара плетение автонов, битва, разыгравшаяся в небе, а затем и на земле, не поддавалась осмыслению, и ему не оставалось ничего другого, кроме как зажмуриться в ожидании неизбежной развязки…

…Он пришел в себя от необычной, звонкой тишины.

Грохот, заставивший автоматически выключиться датчики внешней аудиосистемы, внезапно стих.

Славка приподнял голову.

В темном небе догорали очаги многочисленных схваток, но сонмища скоргов уже не выглядели как исполинские тучи, их осталось не так уж и много.

«Неужели я жив?» Мысль билась в рассудке, возрождая надежду.

Он пошевелился. Что-то захрустело, с треском отлетая от брони.

Шлак. Все, что осталось от слоя активного пластика, защищавшего бронескафандр от вероятных атак скоргов.

Резервные подсистемы экипировки уже загрузились, но Сухостой не обращал внимания на сообщения в оперативном окне, не до отчетов сейчас… Он весь превратился в зрение и слух, инстинктивно отвергая возможности сканеров, доверяя лишь тому, что видел и слышал.

Вой ветра…

Надсадный скрежет наполовину оторванной от стены городища металлической конструкции…

Монотонный звук, похожий на царапанье когтей в металлическую дверь…

Интуитивно догадавшись, откуда исходит звук, он взглянул в сторону тоннеля, по которому недавно вышел на площадку внешней стены городища.

Тоннель деформировался, оплыл, его устье потеряло четкость геометрически правильной формы, но механоидам, что рвались наружу, это не мешало. Сотни механических стрекоз, семеня лапками, выкарабкивались из глубин городища Припять. Достигнув оплавленной, наполовину оторванной от стены площадки, они, не обращая внимания на неподвижно распластанную человеческую фигурку, брали короткий разбег, взмывая в воздух и тут же устремляясь на пришлых механоидов, уже карабкающихся по шелушащимся окалиной стенам.

Городище оживало.

Славка чувствовал это, будто между ним и исполинской постройкой техноса возникла невероятная ментальная связь.

Среди погнутых опаленных конструкций, там, где автоны плавно изгибались, образуя ажурные полусферические выступы, реактивировались какие-то энергетические системы. Сухостой, вжимаясь в материал площадки, следил, как по проекционному забралу скользят вычерченные системой распознавания целей силуэты механических стрекоз, некоторые из них, не добежав до края площадки, пытались экстренно взлететь, но падали, разваливаясь на фрагменты под внезапными ударами – это «бездомные» механоиды из разрушенных городищ, вскарабкавшись на достаточную высоту, вели огонь по очнувшимся от ступора исконным обитателям огромного сооружения.

Площадка, за которую зацепился Славка, угрожающе кренилась, грозя вовсе оторваться от стены.

Судя по показаниям датчиков, до земли оставалось еще около пятидесяти метров. Там, куда предстояло спускаться, бой уже утих, а вот наверху все только начиналось, реактивировавшиеся оборонительные системы городища одна за другой атаковали захватчиков, окружающее пространство вновь кипело от буйства энергий – это вкрапленные в стены лазерные излучатели, генераторы электромагнитного импульса и СВЧ-установки наносили удары по пришлым скоргам, выжигая их сотнями.

«Терять-то нечего…» – отчаянно подумал Славка.

Длины тросов должно хватить до земли. «Главное – не привлекать внимания, ни в кого не стрелять… – лихорадочно думал он, отползая к краю накренившейся площадки. – Пока скорги и механоиды бьются друг с другом, меня они не тронут, я для них так, букашка, опасности не представляю…»

Утешать себя можно сколько угодно. Все равно существовала вероятность попасть под случайный удар, но пластаться по ненадежной опоре на пятидесятиметровой высоте среди схватки механизмов уже не осталось ни выдержки, ни сил.

Уж лучше рискнуть.

С этой мыслью он соскользнул вниз.

Поначалу спуск проходил быстро. У Славки не нашлось ни одной причины для задержки, вокруг по-прежнему бушевала схватка между механоидами и скоргами из разных городищ, да еще внезапно заработал мью-фон, поймав сигнал на частоте военных.

Некоторое время он слышал лишь помехи, затем включившийся фильтр отсеял шумы, транслируя обрывки выловленных из эфира фраз:

– Силы вторжения разбиты… Пульсация… Скорги… Механоиды неизвестных типов…

– Девятый, доложить обстановку!

– Мы вошли в сектор Пустоши… Она… Черная…

– Девятый, докладывай по существу! Что на сканерах? Почему нет телеметрии данных?!

– Сильные помехи… Энергетические поля… Беспилотные аппараты сбиты… Тут полный хаос… Кругом механоиды и скорги… Девяносто процентов построек техноса уничтожены… Держится только городище Припять.

– Точнее, Девятый! Какие повреждения? Что происходит в районе постройки?

– Южная часть городища разрушена. Наблюдаю бой в воздухе и на земле. Система анализа целей не выдает классификации объектов!

– Девятый, понял вас, информацию принял. Продолжать сбор данных! Приказываю детально сканировать структуру городища Припять. Штурмовые группы уже на подлете к Барьеру. Мы берем ситуацию под контроль. Уничтожать всех, подавлять любое сопротивление!

Пока коммуникатор транслировал обрывки переговоров, Славка успел спуститься метров на тридцать и уже находился у основания исполинской постройки.

«Уничтожать всех…»

Сейчас начнут долбить с воздуха. Он остановил скольжение по тросам, огляделся.

Внизу громоздились обломки. У основания стен городища все было завалено фрагментами оплавленных конструкций различной величины. Их шаткое равновесие постоянно нарушалось, нагретый металл проседал, издавая протяжный, надрывный скрежет, и Сухостой снова занервничал, не понимая, как ему преодолеть этот опасный участок спуска?

Озираясь, он заметил, что удары, очевидно, нанесенные еще до пульсации Узла, взломали земную кору, во многих местах не только преобразив ландшафт, но и вскрыв непонятные коммуникации. С высоты двадцати метров ему были отчетливо видны тоннели с обрушенными сводами. Они брали начало под основанием городища и вели от него в разные стороны. Некоторые явно уходили на глубину, другие, наиболее пострадавшие, залегали неглубоко. Сквозь проломы на оголившихся участках виднелись своеобразные решетчатые каркасы, созданные плетением вездесущих автонов. Возникало впечатление, что тоннели проложены техносом, а их стены укреплены прочной сетью выращенных специально для этой цели металлокустарников.

Славка все еще не потерял надежду найти какой-то безопасный для себя выход из отчаянного положения. Бросив взгляд в сторону мрачных построек атомной станции, он заметил, что большая часть видимых с высоты полуразрушенных подземных коммуникаций ведет в ту сторону, к зоне тамбура.

Вот бы попасть туда… Если сейчас начнется окончательный этап зачистки, то лучшего укрытия, чем под землей, не найдешь. А тоннель, ведущий в сторону тамбура, – вообще находка!.. Эх, был бы у него маркер Соснового Бора…

Еще раз глянув вниз, Славка мысленно продолжил линии интересующих его тоннелей и заметил: в некоторых местах обломки построек техноса просели, образуя пологие углубления, словно нагромождения металлоконструкций осели ниже уровня земли.

Одна из таких воронок располагалась очень близко. Если спуститься еще немного, затем раскачать трос, вполне можно допрыгнуть.

Падать в скопление металлических обломков было страшно, но болтаться на двадцатиметровой высоте под самой стеной городища еще опаснее – если скорги с механоидами не прибьют, так штурмовые группы военных точно прикончат…

Он решил рискнуть.

Раскачивая тросы, Сухостой начал постепенно спускаться, метр за

метром приближаясь к грудам выбитого из стен городища металла.

Амплитуда раскачивания росла, в крайних точках на мгновение захватывало дух, проносящиеся под ногами обломки в большинстве были оплавлены и не имели острых, иззубренных краев.

Славка сжался. Обстановка вокруг городища постепенно вновь накалялась, в воздухе появились боевые вертолеты Барьерной армии. Машины, созданные на основе российских «К-85», специально адаптированные для ведения боевых действий в условиях Пятизонья, вобравшие в своей конструкции весь накопленный за четыре года опыт полетов над отчужденными пространствами, не уступали по защите и вооруженности самым крупным и наиболее опасным механоидам. Их пилоты (а некоторых Славка знал по Сосновому Бору) с исчадиями техноса не церемонились, да и сталкеров недолюбливали.

«Они даже разбираться не станут, сталтех болтается на тросах или человек. Прибьют, пикнуть не успею…»

Славка дал системе команду на отстрел тросов.

Его дернуло, две тугие металлические нити, получив неожиданную свободу, свиваясь кольцами, ударили вверх, хлестнув по стене огромной постройки, а он, зажмурившись, полетел вниз.

Пологий скат огромной воронки встретил его хрустким ударом. Потерявшие прочность автоны с треском проломились, и Славка вдруг понял, что застрял.

На миг разум захлестнула волна панического ужаса. Защитный слой активного пластика сгорел, и теперь любое повреждение экипировки грозило фатальными последствиями.

Он замер, подсознательно ожидая заполошного визга аларм-системы, оповещающей о потере герметичности, но на этот раз пронесло, броня выдержала.

Шумно и облегченно выдохнув, он осторожно пошевелился. Со всех сторон его плотно сжимали обломки металлических конструкций. Ничего… Как-нибудь выберусь. Главное, что армган не выронил…

…Снаружи доносился отчетливый ритмичный грохот – это штурмовые группы приблизились к городищу и начали методично истреблять механоидов, в воронку с лязгом обрушилось несколько крупных обломков, и Сухостой поневоле зашевелился, начиная действовать. Изловчившись, он перевернулся на живот, одной рукой, прилагая немалые усилия, освободил небольшое пространство, отогнув в стороны безобразные, бесформенные наплывы потемневшего металла, затем пристроил армган в нужном положении и выстрелил серией импульсов,

стараясь совершить круговое движение стволом.

Получилось, но не сразу. Заряд накопителя сполз сначала до половины индикационной шкалы, затем ушел в желтую зону, все вокруг затянуло сизым дымом, в котором пятнами светились раскаленные участки разрезанных металлоконструкций, а пробить проход вниз не удавалось. То ли он взял неверное направление, то ли сетчатое строение обломков не давало им провалиться вниз, но ожидаемого эффекта Славка не получил.

Оценив количество оставшейся энергии, он решил попробовать иначе: изменив апертуру излучения, Сухостой перевел армган на максимальную мощность и, прицелившись в уже частично подрезанные, местами раскаленные обломки, снова дал команду на выстрел.

В первый миг ничего не произошло, никаких видимых эффектов воздействия, лишь индикатор заряда постепенно сползал все ниже и ниже, затем неожиданно начало появляться свечение – масса расположенных ниже обломков стала раскаляться расширяющимся конусом, так продолжалось секунд десять, а затем Славка вдруг ощутил, как его потянуло вниз, увлекая в обвал.

Если бы не прочнейшая композитная броня, он бы погиб. Падение, а вернее – скольжение среди раскаленных лазерным излучением, размягчившихся и теперь медленно деформирующихся фрагментов городища, оседающих в расположенную под землей полость, продолжалось несколько минут: раскаленные части металлических конструкций то застревали одна в другой, то снова подминались, оседая все глубже и глубже, края воронки уже исчезли из вида, теперь Славку окружал лишь дышащий жаром металл, и он начал паниковать, подумав, что совершил глупость и теперь уже никогда не выберется…

Наконец вязкая масса все же пропустила его, Сухостой вдруг почувствовал, что падает, но испугаться толком не успел, лишь машинально сгруппировался в ожидании удара.

Насмерть перепуганный, взвинченный до предела, он вскочил, даже не ощущая тупой боли в ушибленной спине.

Багряный сумрак царил и тут. Компьютерные подсистемы вычерчивали на проекционном забрале боевого шлема черно-белые контуры окружающих предметов, в основном все тех же обломков, рухнувших в широкий тоннель, стены которого были укреплены ажурным плетением металлокустарников.

Среди источников энергии, выявленных сканерами, преобладали термальные всплески, механоидов или скоргов приборы не фиксировали, и Славка, вскинувший было армган, вдруг ощутил, как вместе с облегчением

наваливается непомерная усталость.

«Прорвался…» Он отступил к стене и присел, привалившись к ней спиной.

Перед глазами все плыло. Еще бы… Не каждый сталкер, напичканный имплантами, проделает путь, который прошел Славка. Нервное напряжение накатывало волнами, он дрожал, не в силах унять непроизвольное сокращение мышц, липкий пот неприятной испариной холодил спину, щеки пылали.

Сколько времени он провел, сидя у стены тоннеля, Сухостой не помнил. Непомерное нервное напряжение и обморочная усталость отпускали медленно, он тупо следил, как через проломы в ажурном перекрытии прорывается багряный свет, играя причудливыми бликами на образующих стены тоннеля металлорастениях.

«Вообще-то, жуткое место».

Мысль не вызвала особенных эмоций. Славка еще не понимал, как сильно изменился за последние несколько часов. Вся прошлая жизнь потускнела, отдалилась, теперь она казалась серой чередой безынтересных будней.

Так рождаются сталкеры.

Немногие понимают сокровенный смысл этого слова. Большинство наивно полагает, что сущность сталкера определяет количество и качество имплантированных ему устройств, но на самом деле всё намного сложнее. Имплантация сама по себе еще не означает, что человек изменился, получил способность противостоять сотням превратностей отчужденных пространств. Импланты не добавляют храбрости трусам, они лишь нивелируют губительное воздействие внешней среды.

Под сокрушительным напором ощущения постоянной опасности душа вдруг начинает плавиться, будто металл в тигле, страх и сомнения выходят из глубин шлаками, что-то рушится в сознании, и в момент наивысшего напряжения, когда кажется, что порвутся жилы, вдруг наступает перелом, кто-то не выдерживает, на всю оставшуюся жизнь зарабатывая комплекс неполноценности, сокровенное понимание, что не смог осилить страх, затаился, пересидел, дал погибнуть другу, нашел легкую тропу, ведущую в отстойник ночных кошмаров, тщательно скрываемого презрения к самому себе, а кто-то незаметно, без геройства, стиснув зубы, прорвался, ощущая, что жив, дышит, несмотря на дрожь, и находит в себе силы встать, идти дальше, в кромешный мрак неизвестности…

Так произошло со Славкой.

Отдышавшись, придя в себя, он привстал, затем выпрямился в полный рост.

Надо идти.

Шагнув в багряный сумрак тоннеля, он думал, что двигается к тамбуру в надежде встретить у мрачных руин атомной станции кого-нибудь из сталкеров, кто поможет вернуться в Сосновый Бор, но на самом деле он двигался навстречу своей судьбе.

* * *

Примерно через километр, когда звуки боя постепенно начали глохнуть в отдалении, он встретил несколько ответвлений боковых коридоров, но заглядывать в них не стал, решив держаться избранного направления.

Идти было тяжело. Энергии в накопителях защитной экипировки почти не осталось, и сервомускулы работали не на полную мощность, постепенно перекладывая на плечи и без того измученного Славки вес брони.

Тоннель, по которому он двигался, начал принимать отрицательный уклон. В него все чаще вливались боковые проходы, стволы автонов стали толще, теперь они выступали из стен, пола и потолка, словно ребра скелета фантастической твари, сдохшей на глубине.

Пройдя еще около сотни метров, Славка остановился.

Вес защитной экипировки становился непосильной ношей, но снять обгоревший, покрытый царапинами и глубокими шрамами бронекостюм было бы равносильно смерти. Сухостой с сомнением посмотрел на армган, демонтированный с механоида. Судя по показаниям боевой подсистемы, два «Сердца зверя», питающие оружие, постепенно восстанавливали заряд. Вот если бы отключить хотя бы один из техноартефактов от излучателя и запитать от него системы сервомоторов!..

Он вертел в руках оружие, соображая, как бы вынуть вросший в металлическое гнездо компактный энергоблок, когда в наступившей тишине внезапно услышал отдаленные расстоянием голоса, звук которых до этого глушило монотонное подвывание сервоусилителей.

Датчики внешних систем уловили и усилили обрывки фраз:

– Не подходи… Застрелю… – Сиплый доносящийся из бокового ответвления коридоров голос показался Сухостою смутно знакомым.

– Ты же ранен!.. – Второй из голосов слышался более четко. – Я хочу помочь тебе, понимаешь?! Если ничего не сделать, ты умрешь!

– Сказал, не подходи!..

– Да опусти ты автомат! Ну, хочешь, я попробую объяснить тебе…

Славка встрепенулся. Превозмогая усталость, он, собрав остаток сил, свернул в боковое ответвление, откуда доносились голоса.

Метров через десять коридор расширялся, принимая вид овальной пещеры.

Взрывы, выбившие наружу часть перекрытия основного тоннеля, пронеслись здесь волной жара, оплавив стены, но не разрушив свод.

Кромешный мрак пещеры был прорезан светом двух фонарей.

Их лучи скрещивались, высвечивая две человеческие фигуры. Один из сталкеров сидел в бессильной позе, привалившись спиной к закругляющейся стене, его экипировка была обильно испачкана кровью, в руках он сжимал старенький «калашников», второй сгорбился подле, на полу рядом с ним стоял уже знакомый Сухостою плоский пластиковый кейс.

Мгновенное чувство радостного узнавания промелькнуло и тут же исчезло. Оставаясь в тени, Славка поднял армган, прицелился в спину Шелеста и негромко произнес:

– А ну в сторону. И руки держи на виду!

На секунду в небольшой пещере наступила гробовая тишина, затем сиплый, почти неузнаваемый голос Монгола разбил ее:

– Славка?..

Сухостой коротко ответил, по-прежнему целясь в сгорбленную фигуру.

– Монгол, ты ранен?

– Прутом проткнуло… Когда падал… Он… хочет мне… скоргов вживить… Убей его… Славка… У него полный кейс… имплантов… И маркер… Маркер у него… был включен и настроен… на Пустошь…

Отрывистые, произнесенные с надрывным придыхом фразы многое пояснили. Вот почему пульсация выкинула их именно в это отчужденное пространство. И относительно недалеко друг от друга они оказались всё по той же причине – у Шелеста к моменту спорадического возмущения метрики Узла уже был активирован маркер, настроенный на перемещение в Пустошь.

Не будь Монгол смертельно ранен, Сухостой долго бы не размышлял, как поступить. На один выстрел заряда в армгане хватит. Ну, и что дальше?

Раньше у Славки не возникало таких далеко-идущих мыслей. Сиюсекундные проблемы и решались так же мгновенно, а все последствия скоропалительных действий обычно списывались на везение или невезение, капризы судьбы и прочие отговорки.

В первый раз он почувствовал, что от него сейчас реально зависят две жизни.

Пристрелить Шелеста – не проблема. Кто он мне? Да никто. А вот Монгол кровью на моих руках истечет, и помочь я ему ничем не смогу.

По-взрослому все получалось. Холодно и веско.

– Автомат опусти, – сказал он, обращаясь к Монголу. – И не болтай – кровь теряешь. – Сделав шаг вперед, Славка ткнул стволом армгана в затылок Шелеста. – А ты говори, только четко и понятно, зачем в Пустошь шел, откуда импланты и чем ты Монголу можешь помочь?

– Слишком долгая история. – Шелест стоял на коленях, к его затылку было приставлено оружие, но отвечал он спокойно: – Нам всем необходимо вживить импланты, – произнес он.

– Ага, и валяться тут, подыхая от изменений! Ты хоть понимаешь, что для имплантации необходим мнемотехник?! Откуда у тебя импланты? Из лабораторий Ковчега? Или от каких-нибудь «левых» мастеров?

– Эти импланты безопасны. Никаких радикальных изменений не наступит. Я их сам изготовил.

– Да ладно врать!

– Славка, ты же вроде не глуп. Не та ситуация, чтобы препираться! Говорю: сам сделал. Хочешь, себе первому вживлю!

– Ты мнемотехник, да?

– Нет. Я нанотехнолог. Специалист по созданию микромашинных комплексов.

– Нормальными словами говори! Шелест, у меня терпение сейчас закончится! Ты реально можешь помочь Монголу?

– Могу, но он не дает.

Славка на миг задумался.

Ох, как трудно стало ему в эти секунды. Оказывается, метнуть «фрич-гранату» в техномонстра или болтаться на огромной высоте, спускаясь по тросам, среди бушующей вокруг схватки механоидов, проще, чем принять решение, от которого зависит жизнь друга. Да и не только жизнь. В кого превратится Монгол после имплантации? Кем он станет? Сталкером или сталтехом? Сухостой слышал, что после вживления «левых» имплантов, купленных по дешевке, последствия наступают непредсказуемые. Тут как в русской рулетке, только шансов поменьше.

А какой смысл Шелесту врать?

Тоже аргумент, хотя слабый. Время выигрывает, на что-то надеется.

– Ты куда столько имплантов волок? На рынок?

Шелест промолчал.

– Славка… пристрели его…

Сухостой покосился на товарища.

Монголу совсем плохо. Вон кровь на губах пузырится… Да и экипировка пробита в нескольких местах, даже если рану обработать, кровь остановить, куда потом деваться? Не в тоннеле же сидеть?

– Себе первому вживишь, – наконец решился Славка.

– Он убьет нас… Какие-нибудь способности получит… Вообще к кейсу его не подпускай… – Голос Монгола становился все слабее и тише.

– Так, – Сухостой отступил на шаг и, продолжая целится в Шелеста из армгана, протянул руку. – Монгол, автомат мне отдай.

Завладев древним, но безотказным оружием, он почувствовал себя немного увереннее. Аккумуляторы излучателя почти сдохли, и неизвестно, пробьет ли разряд броню? А из старого доброго «калашникова» в башку – милое дело. Зачем Олег снял боевой шлем, оставалось только гадать или списать на его неопытность, глупость.

– И что дальше? – глухо спросил Шелест.

– Теперь быстро говори, что за импланты в кейсе. Каких специализаций? Сразу предупреждаю – боевые лучше в сторону отложи, по-честному.

– Там нет боевых имплантов. И вообще, имплантами мои устройства назвать нельзя. Это инъекции микромашинных комплексов.

– Еще раз? – насупился Славка.

– В кейсе капсулы. Типа тех, что вырастают на автонах, только искусственно созданные в лаборатории. Внутри капсул специальная жидкость, при ее введении в кровь микромашины начинают исполнять свое предназначение – по кровеносной системе они проникают в клетки организма, устраняя различные повреждения тканей, участвуют в процессах обмена веществ…

– Хрень какая-то, – пробурчал Славка. – Скорги в крови? Ты совсем рехнулся?

– Я не собираюсь с тобой спорить, – устало ответил Шелест. – Либо убей меня, либо позволь сделать инъекцию. Надоело. Ты все равно ничего не поймешь, сколько ни объясняй.

Славка был близок к тому, чтобы пристрелить Шелеста, а там будь что будет. Маркер у него отберу, как-нибудь Монгола дотащу до тамбура. Главное, чтобы не умер по дороге. А там посмотрим…

Он чуть приподнял ствол автомата.

В этот миг у поворота тоннеля возникла тень.

Сталкер, неслышно, будто кошка, подкравшийся ко входу в

металлическую пещеру, вот уже некоторое время внимательно вникал в происходящее, оставаясь вне поля зрения, но теперь, видимо, решил, что пора вмешаться, иначе события примут окончательный, удручающий оборот.

– Стрелять не спеши. – В его негромком, спокойном голосе все же слышались мягкие, угрожающие нотки, заставившие Славку вздрогнуть, резко отвести руку с армганом и почти выкрикнуть:

– Стой, где стоишь!

– Ну?

Сухостой покосился на неожиданно появившегося сталкера.

– Тебе что от нас надо? Иди, куда шел!

– Да вот разговор интересный услышал. – Сталкер скользнул взглядом по потерявшему сознание Монголу, досадливо поморщился и, не обращая внимания на армган, сделал шаг вперед, присел подле раненого проводника, приложил ладони к его вискам, на время застыл, не двигаясь, после чего сиплое дыхание Монгола вдруг стало более ровным.

– Жить будет, – произнес сталкер. – Но моей помощи недостаточно. Бионик из меня так себе. – По-прежнему не обращая внимания на оружие, нацеленное в него, он окинул недобрым, придирчивым взглядом сгорбленную фигуру Шелеста. – Нанотехнолог, говоришь? Звание, фамилия, подразделение, быстро! – Он внезапно перешел на резкий, не терпящий возражений тон, и это подействовало. Шелест машинально расправил плечи, прекратив сутулиться, затем четко ответил:

– Майор Сафронов, главное научно-исследовательское управление ВКС!

– Ладно, майор, сейчас разберемся. – Сталкер, только что находившийся под прицелом армгана, неуловимым движением сместился за спину Сухостою, и через секунду обескураженный проводник оказался безоружным.

– Ты извини. Больно резко всех судишь. – Незнакомец бросил автомат в темноту, и оттуда тут же появилась еще одна человеческая фигура в такой же истрепанной, обгорелой экипировке. Поймав оружие, второй сталкер остался у развилки коридоров, контролируя подступы к пещере.

Славке было больно и обидно. Он зверем посмотрел на странного незнакомца, и вдруг сердце екнуло…

Где он мог видеть это худое, кажущееся изможденным лицо?

– Не дергайся, и все будет нормально. – Сталкер вдруг ободряюще подмигнул Славке. – Оба не имплантированные?

Сухостой хотел промолчать, но все же выдавил:

– Мы с Монголом проводники. Из питерских.

Незнакомец кивнул.

– Сюда пульсация забросила?

– Ну да… Мы его, – Славка кивнул в сторону Шелеста, – мы его через Барьер до тамбура Соснового Бора вели.

Сталкер, оставшийся у развилки коридоров, обернулся.

– Аскет, наверху опять бой начался!

– Дитрих, ты, главное, коридоры держи и за скоргами присматривай. Если вдруг зашевелятся, дай знать. А все остальное сейчас побоку. Не наша война, поверь.

Дитрих пробурчал в ответ что-то невнятное и вновь отвернулся, сканируя багряный сумрак.

«Аскет…» Славка сколько ни напрягал память, но вспомнить сталкера с таким позывным не сумел.

Обознался, значит. Не встречались мы никогда.

Аскет тем временем присел подле кейса.

– К стене! – холодно приказал он Шелесту, назвавшемуся Сафроновым. Тот безропотно подчинился.

Открыв кейс, выполненный из ударо– и жаропрочного пластика, сталкер глянул на содержимое.

В выполненных из мягкого пористого материала углублениях были аккуратно упакованы два десятка керамических цилиндров без маркировки, действительно по форме напоминающие н-капсулы.

– Здесь, как я понимаю, колонии МНК?[5] – Он вопросительно взглянул на Сафронова. – Двадцать третий штамм или уже выше? Ты волком-то на меня, Олег, не смотри. Приговор за государственную измену не я тебе зачитывать буду.

– Откуда знаешь мое имя? Мы знакомы?

– Знакомы. Помню я капитана Сафронова, он для офицеров военно-космических сил лекции читал по теории перспективных метаболических наномашинных комплексов.

– Читал, – с неожиданной легкостью согласился Шелест. – Только когда это было. Лет пять назад?

– Без разницы.

– Да нет, разница есть. Ты тут о государственной измене упомянул? Так вот, родину я не продавал.

Аскет лишь приподнял бровь.

– А ты не усмехайся. В контейнерах не те метаболические

наномашинные комплексы, что разрабатывались для экипажей космических кораблей.

– Тогда что? Объясни мне, майор.

– Скорги.

– А ребятам говорил, что наномашинные комплексы.

– А скорги – это, по-твоему, что? – огрызнулся Сафронов. – Не колонии наномашин?

– Майор, не темни. Давай кратко и по существу.

– Я должен перед тобой отчитываться?

– Мы в Пятизонье, а не в академии ВКС, – холодно отреагировал Аскет. – Не станешь нормально разговаривать, я тебе помогу.

– Ладно… – Майор безнадежно махнул рукой. – Надеюсь, хоть ты меня сумеешь понять. Могу я сесть?

– Присаживайся. Только излагай вкратце. Пацану помощь нужна, да и нам с Дитрихом время терять нельзя. Слушаю.

Сафронов облизнул пересохшие губы. Его пальцы дрожали, лицо хранило болезненный сероватый оттенок.

– После Катастрофы многое изменилось. Управление научных исследований перепрофилировали. Если раньше мы занимались перспективными проектами, работали на обеспечение межпланетных перелетов и подготовку первой межзвездной экспедиции, то уже в октябре пятьдесят первого все прежние научные группы расформировали и создали новые. Я был включен в состав группы, работавшей с секретным материалом – если говорить русским языком, мы исследовали людей, инфицированных скоргами. Чаще приходилось иметь дело с трупами и омертвевшими колониями наномашин.

– И что?

– Я не патологоанатом. – В ответе Сафронова прозвучало отвращение. – Мы не пытались спасти людей. Мы препарировали их, охотясь за технологиями.

– Пошло вразрез с моральными принципами?

– Дело даже не в моральных принципах. – Майор поморщился. – Почти сразу стало ясно, что скорги отключаются, покидая границы Пятизонья. В непосредственной близости к Барьеру они еще функционируют, но вяло, как будто впадают в энергосберегающий режим. Я несколько раз выходил с предложением перенести исследовательские центры в приграничную с Барьером зону, но сам знаешь, как там у нас. Круглое носим, квадратное катаем. Основной центр нанотехнологий располагался в Новосибирске и был уничтожен. Строительство

сверхсекретных объектов вплотную к Барьерам посчитали недопустимым. Понимаешь? Я должен был наблюдать, как люди умирают, или даже своими руками убивать их в ходе исследований. Это нормально?!

– Короче, – хмуро произнес Аскет.

– Я уволился.

– Прямо взял и ушел? – Сталкер недоверчиво посмотрел на него.

– Нет. Сбежал, – признался Сафронов. – Просто подать рапорт и уйти невозможно. Должен понимать, если в курсе.

– Понимаю. – Аскет еще не решил, верит он Сафронову или нет. – А сюда зачем полез? Решил самостоятельно исследованиями заняться?

– Сюда я полез, потому что жизнь заставила. – Сафронов секунду помедлил, затем добавил: – Я болен. Жить осталось – несколько месяцев от силы. Единственный способ побороть болезнь – ввести себе микромашинные комплексы в кровь. Но без оборудования, уничтоженного при Катастрофе и захороненного в лабораториях Новосибирского Академгородка, создать колонию нанороботов, хотя бы упомянутого тобой двадцать третьего штамма, невозможно.

– И ты решил податься к Хистеру, в Ковчег?

– Нет. Узнав о болезни, я поступил иначе. Переселился ближе к Барьеру, в руины Питера. Купил на черном рынке несколько н-капсул и занялся исследованиями. Я всю жизнь посвятил разработке наномашин и разобраться с колониями скоргов тоже сумел. Мне было даже на руку то, что они едва реагировали на различные воздействия.

– Это результат? – Аскет взглядом указал на содержимое кейса.

– Да. Я создал на основе диких скоргов аналог метаболического наномашинного комплекса. Оставалось попасть в Пятизонье, чтобы созданные мной колонии активировались под воздействием энергий Узла.

– Складно все у тебя получается. Только одного не пойму – зачем полез в Пустошь? Чем Сосновый Бор не устроил? Там укромных мест полно. Сделал инъекцию – и живи.

– Это уже другая история.

– У нас у всех здесь одна история! – внезапно повысил голос Аскет. – История Катастрофы и ее последствий. Почему ты не пошел со своим открытием в Орден или в Ковчег, на худой конец?

– А если не отвечу?

– Твои проблемы, – насупился сталкер, захлопнув кейс. – Захочешь получить свою дозу – ответишь.

Сафронов побледнел.

За свою бытность в Питере он общался со многими сталкерами, успев

составить о них свое, далеко не лестное мнение, потому и предпочел иметь дело с подростками-проводниками, да и сам был далеко не робкого десятка, но Аскет нагонял на него откровенную жуть. Было в нем что-то неуловимое, зловещее, не позволяющее усомниться, что он поступит именно так, как сказал.

– Зачем тебе правда? Иногда от нее только тяжелее.

– Ты говори, а я уж разберусь.

– Ладно, – пожал плечами Сафронов. – По ходу исследований у меня возникло предположение, что все скорги созданы нами. Его я и хотел проверить. Раз уж решился ввести их себе, то в случае успеха мне не было смысла сидеть, как крыса в норе. Решил – потрачу жизнь на исследования. Если мои предположения подтвердятся, многое встанет на свои места.

Аскет задумчиво коснулся подбородка, затем, открыв кейс, спросил:

– Как можно определить, активизировались созданные тобой колонии или нет?

– Сбоку на контейнерах есть цветовой индикатор. Он стал зеленым почти сразу, как только мы пересекли границу Барьера.

– Хорошо. Как сделать инъекцию?

– На каждом цилиндре есть приспособление для внутривенного вливания.

– Ты первый. – Аскет протянул Шелесту одну из капсул. – После этого введешь колонии пацанам, иначе им не выжить.

Сафронов некоторое время молча смотрел на Аскета, а затем произнес:

– Спасибо. За то, что поверил.

Глава 5

Внешний Мир…

Городище Припять светилось в ночи тусклыми пятнами багрянца.

Удар плазменных ракет и попадание нескольких вакуумных бомб практически полностью уничтожили всю южную часть исполинской постройки техноса: в защитных стенах, расположенных двумя концентрическими окружностями, зияли многокилометровые бреши, центральное сооружение, похожее на конический муравейник, покосилось, оплыло, внутри периметра кольцевых стен, там, где, по данным спутникового наблюдения, до нанесения удара фиксировались скопления механоидов, сейчас застыли озера расплавленного и вновь отвердевшего металла.

Миллионы скоргов и сотни механоидов превратились в шлак, остатки «изделий техноса», поврежденные либо отключившиеся под воздействием работы сотен генераторов электромагнитного импульса, сброшенных на городище перед началом зачистки, теперь постепенно восстанавливали утраченные функции.

Битва механоидов завершилась. Большая часть единственной уцелевшей в Пустоши постройки техноса была захвачена пришлыми механоформами, которых принудило мигрировать полное разрушение их собственных городищ.

Над истерзанной, почерневшей, озаренной множеством пожаров и извержений Пустошью внезапно воцарилась относительная тишина.

Группы вторжения, посланные в отчужденное пространство для зачистки территорий, молчали.

Адмирал Хейнц угрюмо созерцал содеянное.

Его не покидало ощущение, что его руками была проделана грязная, черновая часть какой-то работы, а он никогда не узнает об истинных целях провалившейся операции.

От мрачных размышлений его отвлек вызов по защищенному информационному каналу.

На связь вышел президент Европейского Союза.

Выслушав рапорт Хейнца, он внезапно расплылся в улыбке:

– Поздравляю, адмирал! Вы блестяще справились с задачей! Уничтожен опаснейший очаг напряженности, наши ударные силы выжгли рассадник эволюционировавших механических форм. Мы будем помнить о

жертвах, которые пришлось принести…

– Прошу простить, господин президент. Я не вижу смысла в этой пирровой победе. Мы потеряли весь личный состав групп вторжения, и сейчас, по данным разведки, контроль над Пустошью вновь пытаются взять изоляционные силы русских.

– Адмирал, они не удержатся там и часа. Оставьте выяснение международных отношений дипломатам и политикам. Мы показали всему миру, кто в действительности держит руку на пульсе событий. Присутствие русских в Пустоши незаконно и будет опротестовано…

Хейнц уже не слушал его.

Он молча кивал, думая о своем, чувствуя себя обманутым.

В городище Припять среди изуродованных, дышащих жаром металлоконструкций медленно, но неотвратимо вновь вскипала жизнь механического муравейника. Генераторы электромагнитного импульса, исчерпав энергоресурс, отключались один за другим. Они еще держались на стенах исполинской постройки, вцепившись в них механическими захватами, но уже не представляли опасности для механоидов и скоргов, став не более, чем чужеродными вкраплениями.

Различные механические формы, мигрировавшие в Припять из других регионов Пустоши, где постройки техноса были полностью уничтожены, всё еще довершали дело разрушения, начатое людьми. Короткие схватки вспыхивали и угасали, но очагов столкновений становилось все меньше, затем противостояние между механоидами и скоргами вовсе прекратились, словно им удалось как-то договориться между собой, не то разделив исполинскую конструкцию на отдельные зоны, не то образовав новый анклав, но, так или иначе, к моменту появления в Пустоши сил Барьерной армии большинство представителей техноса уже занималось восстановлением городища, а не междоусобной грызней.

Урман провел эту ночь в своем особняке, в центре Лондона.

Он получил то, что хотел. Две из десяти отправленных в Пустошь групп только что доложили о возвращении. Они успешно пересекли границы Барьера. При них находилось около килограмма неизвестного вещества, добытого в недрах земной коры.

Дело сделано.

Урман наконец позволил себе расслабиться. Дальнейшее – забота ученых корпорации. Если излучение неизвестного химического элемента «оживит» скоргов, хранящихся в лабораториях «Техносистемз», или, на

худой конец, с его помощью удастся зарядить элементы питания, входящие в структуру техноартефактов, на Земле, без преувеличения, наступит новая эра.

Потеряет значение, кто и как контролирует Пятизонье. Отчужденные пространства за Барьерами станут лишь сырьевой базой да источником дармовых технологий, которые будут работать тут, во Внешнем Мире.

«Пусть технос Пятизонья теперь вкалывает на нас!» – торжествующе подумал Урман.

Назойливый писк устройства связи прервал его приятные размышления.

– Да? – Он, все еще пребывая в плену сладких иллюзий, откинулся в кресле. – Шаркер? Слушаю тебя. Наши группы в безопасности? Что с грузом?

На том конце связи некоторое время царила тишина, затем осипший от волнения голос ответил:

– Химический элемент оказался неустойчивым.

– Что?!

– Он начал разрушаться еще при подъеме групп на поверхность. Мы пытались удержать процесс мораспада, но ничего не вышло…

– Шаркер, что ты несешь, скотина?!

– Я ничего не мог сделать, господин Урман. Были предприняты все возможные усилия, но ничего не вышло. В доставленных контейнерах образовалась спекшаяся кристаллическая масса.

Урман в отчаянии выругался.

Резкий рывок из состояния блаженной эйфории, предвкушения власти над миром к осознанию полного краха был столь силен, что он, не сумев обуздать противоречивые чувства, охватившие его в одно мгновение, просто раздавил в ладони хрупкий коммуникатор.

Все пошло прахом. Миллионы евро, брошенные на подкуп политиков и чиновников, месяцы интриг, надежд и усилий – все зря…

Урман зарычал, схватившись руками за голову.

О погубленных человеческих жизнях и о последствиях удара по Пустоши он даже не вспомнил.

Пустошь. Подземелья…

В глубине проложенных техносом подземных коммуникаций Славка-Сухостой медленно пятился, отступая к стене.

– Да я лучше сдохну! – кричал он.

– Не дури! – Аскет протянул руку, забирая у Сафронова цилиндр с

колонией наномашин. – Ты же видишь, с Монголом все в порядке!

– Я не позволю ввести себе эту дрянь! – Парнишка выхватил нож – единственное оставшееся у него оружие, готовясь защищаться.

– Славка, у тебя нет выбора.

– Есть! Мой бронескафандр цел! Дай мне маркер, и я уйду! До тамбура как-нибудь доберусь!

– На руку свою посмотри, – беспощадно произнес Аскет.

Славка даже не повернул голову. «Ага, внимание отвлекает. Я на руку посмотрю, а он меня с ног собьет!..»

– Не подходи! – Его спина коснулась прочного плетения оплавленных автонов, образующих стену пещеры.

– Дурак. Я помочь тебе хочу!

Славка в ответ лишь угрожающе взмахнул ножом.

– Себе помогай! Сам справлюсь.

– Ну, как хочешь. – Аскет пожал плечами, отступив на несколько шагов.

Сухостой следил за ним цепким, обострившимся от ужаса взглядом. Его страх перед скоргами был неодолим.

– У локтя, на правой руке, – произнес Аскет, возвращая цилиндр с наномашинами Сафронову. – Если тебе интересно.

Славка, оценив расстояние, мысленно прикинул: не допрыгнет…

Медленно повернув голову, стараясь держать сталкера в поле периферийного зрения, он покосился на локоть правой руки.

Перед глазами все внезапно поплыло от ужаса.

Броня в районе локтевого соединения была похожа на покрытый сажей ноздреватый мартовский снег. Уплотнители подвижного сочленения бронепластин выкрошились, а в глубине повреждений, полученных во время прыжка в обломки металлоконструкций, влажно поблескивало несколько серебристых пятен, от которых к коже, пронзая одежду, уже протянулись тонкие серебристые нити.

Ноги вдруг стали ватными.

– Что с ним?! – Сафронов попытался поддержать безвольно оползающее по стене тело Славки, но не успел, и Сухостой, не издав ни звука, рухнул на пол пещеры.

– Сознание потерял. От страха, – пояснил Аскет, вновь забирая у Сафронова цилиндр с наномашинами. – Со всяким бывает. Я когда впервые увидел эти металлические пятна на своем теле, тоже думал – с катушек съеду. Потом ничего, прошло. – Он уверенными движениями снял со Славки поврежденные элементы бронезащиты, разорвал рукав одежды и,

прежде чем сделать инъекцию, спросил: – Олег, как твои скорги реагируют на дикие колонии наномашин?

– Теоретически они должны их уничтожить либо перепрофилировать, – ответил Сафронов. – Ручаться не могу. На практике не проверял.

– Сейчас проверим. – Аскет произвел инъекцию. – Давай-ка, помоги. Оттащим его вон туда, к Монголу.

– Странный ты, Аскет. И вспомнить тебя никак не могу, – произнес майор, беря Славку за ноги.

– Знаю, что странный. Сам себя порой не понимаю, – признался сталкер, поднимая грузное от веса экипировки тело. – Я несколько месяцев, будто зверь, прожил после имплантации, – внезапно признался он. – Вот теперь наверстываю.

– Что наверстываешь? – не понял Сафронов.

– Разумную человечность в себе восстанавливаю, – ответил Аскет. – Если мы, сталкеры, друг другу помогать не будем, к чему тогда вообще вся эта возня с выживанием?

– Говорю – странный ты. Уж я-то сталкеров много повидал. Иные за плевый артефакт глотку любому перережут и дальше пойдут.

– Бывают и такие, – согласился Аскет, осторожно опуская тело Сухостоя на пол. – Нам с тобой, видимо, разные люди на пути встречались. – Он выпрямился. – Меня вот трижды с того света вытаскивали.

– Интересно кто?

– В первый раз – вот эти двое пацанов. – Он кивком указал на Сухостоя и Монгола. – Во второй – Приор Ордена из Соснового Бора. В третий – просто трое хороших парней…

Сафронов примолк.

– Что дальше-то делать будем? – спустя некоторое время спросил он.

– Подождем, пока пацаны очнутся. Мы с Дитрихом вас до тамбура доведем. Маркеры я дам, есть несколько штук в запасе. В Пустоши вам троим не место. Погибнете.

– А куда ты нас собрался отправить?

– В Цитадель Ордена. Если ты действительно открытие сделал и хочешь отчужденные пространства изучать, там тебе помогут, не сомневайся. Да и Славку с Монголом делу обучат.

– А ты?

– Мне пока в Цитадель рано. – Аскет присел. – Тянет меня к центру Пустоши. Почему, не могу понять. Будто потерял что-то. Проверить хочу,

что там за магнит для меня приготовлен.

Наверху вновь взъярились звуки боя.

– А Дитрих у тебя кто? Телохранитель?

– Да встретились случайно, – неохотно ответил Аскет, прислушиваясь к отголоскам боя. – Он из Ковчега, ему в Орден тем более нельзя…

Завершить фразу он не успел.

Внезапно в перекрытие тоннеля что-то тяжко ударило, земля содрогнулась так, что скреплявшие стены металлорастения жалобно застонали, деформируясь, затем вниз посыпались комья почвы, и дальняя часть пещеры вместе с прилегающим к ней тоннелем вдруг начала угрожающе проседать.

Аскет и майор вскочили на ноги.

– Лови! – Сталкер бросил Сафронову автомат Монгола, сам поднял «ИПК». – Дитрих, ты живой?!

В ответ из глубин коридора донеслись частые отрывистые звуки стрельбы.

– Майор, прикрой пацанов! Держи позицию!

Сафронов поймал оружие, затравленно огляделся.

– Аскет, ты куда?

Сталкер уже исчез из вида, растворившись в сумраке подземелий.

* * *

Дитрих, оставшись охранять коридор, мысленно строил план побега. Аскет внушал ему лишь отвращение и ужас. Наплевать, что сталкер дважды спас ему жизнь, получив в ответ затаенную злобу да черную неблагодарность. Дитрих подался в аномальные пространства не в благородных рыцарей играть. Он преследовал в жизни конкретные цели, да и к Ковчегу примкнул не из идейных соображений. Не решившись на имплантацию, он пару месяцев промаялся у внутреннего периметра Барьера, в Новосибирской зоне отчуждения, среди таких же, как и он, новичков, пытался действовать в одиночку, даже успел проявить себя: как-то во время очередной вылазки среди руин погибшего мегаполиса Дитрих подстерег поврежденного примитива, долго добивал его из «Шторма», но все же завалил, загнав в тупиковый проулок и расстреляв в механоида практически весь боекомплект автомата.

Трофеев он тогда набрал прилично. Правда, оба армгана, что удалось демонтировать, оказались повреждены пулями, но зато «Сердце зверя», мью-фон, несколько замысловатых, с точки зрения человека, сервоузлов да герметичная сфера, внутри которой находилась управляющая колония

скоргов, составили хорошую добычу.

Затем произошла история, темная даже по меркам отчужденных пространств.

Еще взвинченный после схватки с механоидом, нагруженный добычей, он долго шел через руины, выбиваясь из сил под весом защитной экипировки и тяжеленного хабара. Дойти ему помогло лишь запоздалое нервное возбуждение, нахлынувшее после схватки, да радужные планы, которые он всю дорогу строил на ближайшее будущее.

Лагерь, где имелось несколько герметичных убежищ, держал торговец по кличке Грех.

Он был единственным в Новосибирской зоне отчуждения, кто давал приют неимплантированным сталкерам, на местном жаргоне – «мотылькам». Условия жизни в бункерах были жуткими, еда отвратительной, но каждый, кто обретался в «греховном пристанище», надеялся, что пробудет тут недолго. У всех без исключения была лишь одна мечта – сорвать приличный куш да убраться подальше из Пятизонья, пока не подхватил «серебристую проказу».

Дитрих, вываливая на прилавок торговцу свою добычу, пребывал в нервно-радужном расположении духа. Он уже предвкушал, как выйдет за Барьер, продаст опостылевшую экипировку и, вздохнув полной грудью, богатый, крутой, отправится навстречу новой жизни, куда-нибудь на острова, к океану, в райские уголки планеты…

Его воспаленные мечты прервал голос Греха:

– Неплохой хабар… – Торговец сгреб армганы, опасливо покосившись на потемневшую, покрытую окислами сферу со скоргами. – Еще пара таких ходок, парень, и считай, что с долгами рассчитался.

Дитрих опешил. У него на миг помутился рассудок, словно кто-то невидимый двинул кувалдой в лоб.

– Грех?! – Он угрожающе выпрямился. – Какой долг?! У тебя крыша поехала?!

– А ты не груби, молокосос! Как в убежище отсиживаться да жрать – вы все горазды! А платить кто будет? Я тебе что тут, миссионер какой-то?

– Я же заплатил, вперед, за три месяца!

Торговец впился в него мутным взглядом.

– Ты мне кредитную карточку сунул и думаешь, всё в шоколаде? На кой она мне сдалась? Ты тут хоть один банкомат видел? Вот то-то же. Верну твою поганую карточку, здесь она ничего не стоит! Хабаром расплатишься, сказал же – еще столько принесешь, и свободен!

Дитрих тогда не выдержал.

Все, чем он грезил минуту назад, вдруг обратилось в прах, в пыль под ногами, а крепкий, не старый еще торговец нагло и уверенно ухмыльнулся, убирая армганы под прилавок…

– Грех!

– Ну, чего тебе еще? Охрану позвать? – Торговец, согнувшись, возился с каким-то контейнером, бряцая железками.

– Сюда посмотри! – Усталость как рукой сняло, казалось, звенит каждый нерв, мысли были четкими, ясными, беспощадными.

Торговец выглянул, и Дитрих разрядил остаток патронов, что оставались в магазине «Шторма», прямо в физиономию ненавистной твари.

Он даже на аффект сослаться не мог. До сих пор эта сцена стоит перед глазами, такая четкая, липко-красная… а вот что происходило дальше, он уже помнил смутно. Вроде выскочил из бункера, даже двери не затворив, и ринулся бежать, но не в сторону Барьера, а в руины, по направлению плотины Обской ГЭС.

Когда очнулся, что-то менять уже было поздно. Вымотался он до предела человеческих сил, зарядов к импульсному автомату не осталось, каким чудом он избежал случайной встречи с механоидами, кишевшими в руинах, до сих пор непонятно.

Забрел в какое-то полуразрушенное здание, присел, думая: что делать теперь, куда идти?

Из состояния тяжелого оцепенения его вывел звук шагов.

Осторожно привстав и выглянув наружу через пролом в стене, он увидел патруль Ковчега – пятерых сталкеров, облаченных в одинаковую черную экипировку.

«К ним, что ли, податься? – промелькнула безысходная, тоскливая мысль. – А какие еще варианты? Мыкаться в руинах, пока «проказу зоны» не подхвачу?»

Сил, чтобы пробираться назад, в одиночку, без проводников преодолеть Барьер, у него не осталось. Да и что его ждет во Внешнем Мире, без денег? Банковская карта, о которой перед смертью упомянул торговец, содержала все его сбережения, да и та осталась в лагере «мотыльков».

Все еще сомневаясь, Дитрих долго крался вслед за группой боевиков Ковчега, но на подступах к плотине ГЭС все же решился, обогнал егерей и вышел из руин им навстречу.

Они, переговариваясь между собой, шли хорошо знакомой дорогой.

Заметив одинокую фигуру сталкера, один из них произнес:

– Я же говорил тебе, что он сам выйдет.

Второй с досадой ответил:

– Признаю, проспорил. Даже в спину не выстрелил. Одно слово – «мотылек». Два километра за нами крался, а так ни разу и не пальнул.

Третий, подойдя к Дитриху, бесцеремонно отобрал у него автомат и, обернувшись к товарищам, хохотнул:

– Да у него патронов нет!

Вспоминать те времена не хотелось.

Жил внутри у Дитриха зверь, трусоватый, но жестокий. К сталкерам он относился по-разному, четко разделяя их на две категории: этот сильнее, а этот слабее. Действовал соответственно, за редкими исключениями, вот Хистера, например, он презирал, хотя должен был бояться. Маньяк. Другим словом не назовешь.

Вообще, в последнее время крыша у Дитриха постепенно съезжала. Сыт он был аномальными пространствами по горло, но после имплантаций отсюда уже никуда не денешься. Оставался лишь один способ более или менее нормального существования – либо податься в одиночки, но теперь, после всего произошедшего в Пустоши, это уже не вариант, либо проявить себя на службе у Ковчега, да так, чтобы конкретно приподняться среди сложившейся в группировке иерархии.

«Задание мое уже нельзя считать проваленным. Все свалю на военных. Даже больному на всю голову Хистеру будет нечего возразить. А вот если я сдам ему Аскета, обладающего суперуникальными способностями, добиться которых от боевиков Ковчега не могут лучшие мнемотехники группировки, да еще этого приблудного ученого в придачу, со всеми его потрохами, тайнами и загадочным кейсом, то Хистер это оценит. – Подходящую дыру в перекрытии он заметил, еще когда они с Аскетом шли по тоннелю. До нее метров сто, не больше. – Выберусь потихоньку, а там прямиком к тамбуру, – размышлял он, углубляясь в сумрак проложенного механоидами коридора. – Пульсация завершилась, военных разбросало по всему Пятизонью, маркер Новосибирска при мне, так что же еще нужно для счастья?»

* * *

Выбраться наружу действительно удалось без особого труда. Зачем механоиды прокладывали подземные тоннели, куда они вели, Дитрих даже не пытался гадать, все равно ничего путного в голову не придет. Технос – это сплошная загадка. Хотел бы он взглянуть на сталкера или ученого, который хоть немного понимает в происходящем.

Над Пустошью наступал холодный рассвет.

Земля, изуродованная взрывами, все еще истекала струйками дыма, лениво высачивающимися из многочисленных воронок, проломов и трещин.

Казалось, что ракетно-бомбовый удар и грянувшая следом пульсация окончательно вычистили аномальное пространство, уничтожив и механическую, и биологическую жизнь. Вокруг виднелись лишь оплавленные огрызки построек техноса, кое-где на почерневшей, будто бы обуглившейся почве валялись трупы солдат, дымила покореженная бронетехника и грудами исковерканного металла высились горы обломков, оставшихся после схватки механоидов из разных городищ.

Жуткое зрелище.

У Дитриха мороз драл по коже. Он знал, пройдет совсем немного времени, и скорги, очнувшись после пульсации, вновь возьмутся за дело, и тогда зашевелятся горы металлических обломков, да и сгоревшая бронетехника не останется без внимания: теперь Пустошь для техноса – как целинное поле, только вспаши и засей, а урожай гарантирован.

О сталкерах Дитрих даже в мыслях не вспоминал. По его мнению, если кто и пережил последние несколько часов, то таких счастливчиков единицы, и сидят они сейчас в убежищах, даже носа не смея высунуть наружу…

Осмотревшись, он направился к руинам атомной станции, подле которой медленно вращался исполинский вихрь помутневшего воздуха.

– Взгляни-ка, егерь! – Саид, осматривавший окрестности в оптический прицел «ИПК», удивленно сморгнул. – Из-под земли выбрался. Потрепанный, но живой… – Его палец машинально лег на сенсор огня, но рука Апостола коснулась плеча напарника, сдержала его:

– Не стреляй.

– С каких это пор я должен боевиков Ковчега живыми из поля зрения выпускать?

– Посмотри правее, – холодно посоветовал Апостол.

Саид сместил прицел.

– Сталтехи… – едва слышно произнес он. – Но какие-то странные…

– Я их с минуту как заметил, – негромко произнес Апостол. – Не трогай егеря. Пусть приманкой послужит. Надо выяснить, на что эти жестянки способны. Никогда раньше ничего похожего не видел.

– Дело, – скупо согласился Саид.

Сталтехи действительно выглядели необычно. Во-первых, все как

один – полутора метров ростом, не выше. Во-вторых, телосложение странное. Руки и ноги тонкие, головы, напротив, непропорционально большие, форма черепа не округлая, а вытянутая к затылку, глазницы узкие, расположенные под углом, словно прорези.

Саид, рассмотрев подробности облика странных существ, заметно напрягся.

Минуту назад на вопрос «Кто такие сталтехи?» он бы, не задумываясь, ответил: люди, инфицированные скоргами. Несчастные, не получившие своевременной помощи от мнемотехников и в результате ставшие нежитью, исчадиями техноса, опасными и непредсказуемыми противниками, намного более сообразительными, чем другие механоиды.

Сейчас, глядя в прицел, он все более утверждался во мнении, что именно эти твари не имеют и никогда не имели ничего общего с людьми. Сходство заключалось лишь в строении тела: две руки, две ноги, туловище, голова, но в деталях они не были похожи ни на одного из человекоподобных техномонстров, а их Саид за четыре года скитаний по отчужденным пространствам повидал немало.

Даже если допустить, что скорги, совершенствуя захваченные биологические носители, вдруг пошли путем каких-то новых, нестандартных технологических решений, это не объясняло поистине странный облик механических тварей. Да и к чему менять уже ошлифованные миллиардами лет эволюции наработки матушки-природы? Упрочняя скелет человека, превращая его в эндоостов, оплетенный искусственными «мышцами», располагая управляющую колонию скоргов под надежной защитой металлизированной черепной коробки, технос получал прекрасные, многофункциональные носители.

«Чтобы так изменить человека, нужно затратить немало времени, энергии, ресурсов… – думал Саид, удерживая в паутине прицельной сетки одного из сталтехов. – Где же тут хваленая эргономичность техноса?..»

Егерь тем временем уже вскарабкался по скату свежей воронки и остановился, глядя в сторону сумеречных построек атомной станции.

Приближающихся сталтехов он не заметил, а вот они прекрасно видели человека и явно намеревались быстро покончить с ним: один из техномонстров внезапно остановился, вскинул непропорционально длинные, имеющие два локтевых сустава руки, сплел между собой трехпалые кисти, соединяя конечности в оружие.

– СВЧ-генератор! – мгновенно определил Апостол, сканировавший сталтехов. – Бьем их, пока отвлеклись на егеря!

Быть бы ничего не подозревающему Дитриху поджаренным, как

бройлер в микроволновке, но, видно, у судьбы имелись другие планы относительно егеря. Он еще стоял на гребне внушительной воронки, на дне которой разорванное, оплавленное плетение автонов зияло рваной дырой, ведущей в тоннель, когда неподалеку внезапно сухо и отчетливо ударил одиночный снайперский выстрел. В глубокой, стылой тишине занимающегося рассвета было слышно, как пуля «карташа» с глухим, резанувшим по нервам металлическим звуком прошибла металл, и тут же короткими отрывистыми очередями зачастил второй «ИПК».

Резко присев, Дитрих обернулся.

Взгляд цепко ухватил жуткую картину: необычного вида сталтех медленно валился на бок, в его удлиненном к затылочной части черепе зияла огромная дыра, через которую вышибло «мозг» человекоподобной твари – вязкие брызги серебристой субстанции, почему-то отмеченные красновато-серыми прожилками, испятнали остекленевший скат воронки, еще шесть или семь похожих техномонстров, мгновенно утратив интерес к оцепеневшему егерю, резко разворачивались в сторону неожиданно обнаружившего себя противника.

Дитрих, несмотря на липкую испарину, ледяным ознобом рванувшую вдоль спины, все же дал короткую очередь из «карташа», целясь в ближайшую тварь. Пули щедро хлестнули по сталтеху, сбив того с ног, но не причинив серьезного вреда.

Вступать в бой он не собирался. Дитрих выстрелил скорее от неожиданности, испуга, чем из желания помочь своим неведомым спасителям.

Взяв низкий старт, он рванулся прочь, перемещаясь короткими стремительными перебежками от одного бугорка к другому, постоянно оглядываясь, но сталтехи, попавшие под внезапный перекрестный огонь, преследовать его не собирались.

Почувствовав себя в относительной безопасности, Дитрих, уже не петляя, рванул в направлении тамбура.

За спиной разгорался нешуточный бой, но его совершенно не волновал исход схватки.

«Хватит с меня…»

У Дитриха осталось только одно, ставшее уже заветным желание – убраться прочь из Пустоши.

* * *

Сталтехи быстро пришли в себя от неожиданности. Вообще исчадий техноса сложно застать врасплох, обычно подобное понятие неприменимо

к механоидам, но эти на миг замешкались, когда снайперский выстрел Саида вышиб из управляющей колонии скоргов их лидера.

Апостол воспользовался секундным замешательством противника. Его «ИПК» ударил во фланг группе нежити, короткими очередями перерубая хрупкие на вид конечности, – пару техномонстров удалось повалить, еще одного сталтеха внезапно отшвырнуло в сторону, бросив на дно воронки, – это егерь открыл огонь из импульсного пулемета.

Саид короткой перебежкой сменил позицию, – не нравилось ему вооружение, продемонстрированное техномонстрами. Генераторы СВЧ-импульса, воздействуя на объекты, в зависимости от мощности создают «пятна» неравновесной плазмы диаметром от одного до пяти-шести метров. Оказаться жертвой такого пятна означает сгореть заживо, без вариантов. Единственный недостаток оружия – большая энергоемкость и малые дистанции эффективного применения.

Адепты Ордена прекрасно разбирались в слабых и сильных сторонах технической оснастки механоидов. Не сговариваясь, они при смене позиций постарались максимально увеличить расстояние между собой и противником, одновременно расходясь в стороны, чтобы раздробить группу, навязать нежити свою дистанцию и тактику боя, благо тяжелые импульсные пулеметы позволяли бить сталтехов издалека.

Один из техномонстров все же успел шарахнуть СВЧ-импульсом. Огромная глыба бетона, вросшая в землю в нескольких метрах от края воронки, внезапно раскалилась и тут же взорвалась, разлетаясь на тысячи угловатых шрапнельных осколков, вслед которым рванул сферический вал ударной волны.

…Саид, сделав еще один выстрел, перебегал к очередному укрытию, когда земля содрогнулась, и жесткий, оглушающий удар сбил его с ног, отшвырнув метров на десять в сторону.

Апостолу досталось не меньше, один из раскаленных бетонных осколков ударил в его плечо, едва не проломив броню.

Превозмогая боль, он волевым усилием воздействовал на свой метаболический имплант, ускоряя обмен веществ.

«Рука вроде не сломана, плечо не выбито…» Он со стоном поднялся на ноги, подобрал «ИПК» и, машинально отбежав в сторону, осмотрелся.

– Саид?

Нет ответа…

Сквозь красноватую, плавающую перед глазами муть контузии медленно проступили очертания окружающих предметов. Импланты сталкера работали сейчас на пике возможностей, позволяя оглушенному

человеку двигаться, воспринимать реальность, продолжать бой.

Сталтех, сбитый пулеметной очередью егеря на дно воронки, медленно карабкался вверх по остекленевшему скату.

Апостол, переключившись на подствольник, послал в него плазменную гранату и присел, отвернувшись, чтобы не ослепнуть от близкой вспышки.

Адское пламя рвануло вверх, будто выстрел средневековой мортиры. Воронка, оставшаяся после попадания ракеты, существенно расширилась, фрагменты сталтеха, оплавленные до полной неузнаваемости деталей, разбросало в радиусе нескольких сотен метров, земля в месте взрыва вдруг начала проседать, проваливаясь в какую-то полость, обнажая медленно деформирующийся каркас непонятных коммуникаций, сплетенных из автонов.

«Какие-то подземелья, – машинально отметил Апостол. – Ну да, егерь же выбрался из-под земли…»

Еще двое сталтехов показались справа, метрах в тридцати.

«Сколько их было? Семь или восемь?»

Треск лопающегося, разрушающегося под воздействием высокой температуры бетонного щебня, щедро усеявшего окрестности, глушил все остальные звуки, приходилось постоянно крутить головой, оборачиваться, осматриваться, чтобы не получить внезапный удар в спину.

Апостол двигался, перебегая от укрытия к укрытию. Где же Саид?

Мью-фон как будто отрубился. Еще трое сталтехов показались на левом фланге, до них метров сорок. Импульсом не достанут, факт. Он совершил еще одну перебежку, затем на миг остановился, дал прицельную очередь по группе, зашедшей в правый фланг его позиции.

«Нежить проклятая…» Он видел, как пули «ИПК» вспахали землю, прочертив дорожку разрывов между двумя приземистыми, низкорослыми фигурами.

В ответ внезапно ударили лазеры.

Апостол резко присел.

«Теперь куда? – Он бросил взгляд по сторонам. Вокруг сплошные воронки, какие-то провалы, на дне которых обнажены ребра образующих каркас подземелий металлокустарников. – Нет, туда нельзя. Последнее дело – биться со сталтехами в ограниченных пространствах тоннелей. При их энерговооруженности лучше все же открытая местность, где энергия плазмы рассеивается, а не устремляется по коридорам, выжигая все на своем пути…»

Апостол наметил следующее укрытие, рванулся к нему, стараясь

улучшить позицию.

Сбоку возвышалась оплавленная, бессильно склонившаяся к земле постройка техноса. Два сталтеха, по которым он промахнулся, неумолимо приближались, увеличить дистанцию ему не удалось, да и те, что двигались справа, тоже рывком сократили расстояние.

«Грамотно действуют, сволочи…» Он огрызнулся двумя короткими очередями. Занять намеченную позицию – не судьба. Рискованно. Выжгут.

Бой грозил затянуться, куда подевался Саид – неведомо.

Апостол уже понял, при помощи обычного оружия с ситуацией не справиться, но чтобы задействовать боевые импланты, ему не хватало короткой передышки, возможности остановиться хотя бы на десять-пятнадцать секунд…

Он вспомнил боевой прием, которому его научила Титановая Лоза. Энергетический удар, называющийся «Крик скорга». Страшное по своей сути глобальное воздействие, на некоторое время вырубающее всех скоргов в радиусе нескольких сотен метров. Пожалуй, единственный реальный шанс переломить ситуацию, одно смущало: изучил недавно и тренировался мало…

Апостол остановился.

Третья группа сталтехов наступала с фронта. Откуда они взялись? Пятеро… В сумме их уже больше, чем в начале схватки.

Оглянувшись, Апостол увидел, как в тылу его позиции, из-под земли, через провал, образовавшийся на дне одной из воронок, выбираются еще несколько техномонстров.

Всё. Окружили… По тоннелям идут, и сколько их там, под землей, даже гадать нет смысла.

Апостол сдаваться не собирался. Стянув перчатки, он соединил пальцы обеих рук, пронизанные прожилками серебристых вкраплений, в определенном сочетании. Боевые импланты, контактируя друг с другом, образовали генератор, необходимый для нанесения удара.

Еще секунда – и тело сталкера выгнулось. «Крик скорга» забирал силы, высасывал из организма почти всю жизненную энергию, преобразуя ее в губительное для скоргов излучение.

На доли секунд реальность застыла, будто остановилось время, а воздух превратился в мутное стекло.

Тело Апостола содрогнулось в конвульсии, нечеловеческая мука исказила черты, он рухнул на колени, силясь вдохнуть, не видя того, как трое подобравшихся совсем близко сталтехов вдруг споткнулись, окаменели, не завершив начатых движений, и внезапно повалились, словно

куклы…

Боль, разорвавшая мозг, была адской.

Собственные колонии скоргов, составлявшие импланты Апостола, практически не пострадали, но цена удара, на время остановившего сталтехов, оказалась для него непомерной – ноги подкосились, окружающий мир вдруг начал тускнеть, сознание попыталось ускользнуть в спасительную чернь небытия, но сталкер не мог позволить себе такую роскошь, – хрипя, он судорожно выдавил остатки воздуха из легких, затем глубоко и жадно вдохнул, повалился на бок, несколько секунд лежал, глядя в блеклое утреннее небо, а затем, превозмогая ватную слабость мышц, начал приподниматься, опираясь на руки…

Мутный от боли взгляд ловил осколки реальности.

Под руки подвернулось оружие, он вцепился в него, встал на колени, затем, одной рукой удерживаясь за потемневшую, покрытую коростой ржавчины, изогнутую металлическую балку, выпрямился в полный рост.

Три сталтеха, видимо, выбравшиеся из подземелий уже после нанесенного Апостолом удара, стремительно бежали прямо на него.

Несколько лазерных лучей вспыхнули и погасли, разбрызгивая частицы расплавленного металла, – балку, за которую одной рукой держался сталкер, перерубило в двух местах, и он снова едва не упал, лишь чудом сохранив равновесие.

С трудом приподняв «ИПК», Апостол огрызнулся короткой очередью – одного сталтеха зацепило, крутанув вокруг оси, отбросив назад, но двое лишь увеличили скорость, несясь к нему.

Он попятился и открыл огонь, понимая: как только устройства накачки армганов нежити перезарядятся, ему несдобровать…

Целясь в головы, он допустил несколько промахов – после применения боевых имплантов силы возвращались очень медленно, а события, наоборот, разворачивались стремительно. Словно почувствовав затруднительное положение сталкера, оба человекоподобных механоида остановились – один вообще застыл, сканируя окрестности, а второй вскинул руки, соединяя трехпалые конечности в генератор СВЧ-импульса.

«Сейчас шарахнет…»

Апостол никогда не задумывался, как именно ему суждено умереть…

…Внезапно, сухо и отчетливо, щелкнул одиночный выстрел; сталтех, резко дернувшись, пошатнулся, попытался удержать равновесие, но не смог – в его голове зияла огромная дыра. Второй, мгновенно прекратив сканирование, стал резко разворачиваться, вскидывая обе руки с вмонтированными в них армганами, но тоже не успел – еще один

беспощадный снайперский выстрел раздробил шейные позвонки твари, отделив голову от туловища.

Сверкнули, выжигая вишневые язвы в земле, два лазерных разряда – падая, обезглавленный сталтех все же разрядил оружие.

У Апостола от перенапряжения все плыло перед глазами.

Опираясь на импульсный пулемет, он с трудом повернулся, взглядом вычисляя позицию снайпера.

Оплавленная, накренившаяся к земле постройка техноса… Стреляли оттуда…

– Саид?

– Не дергайся, – ответил через мью-фон незнакомый голос. – Присядь.

Апостол подчинился. Не та ситуация, чтобы спорить.

Еще два выстрела громыхнули один за другим, поражая цели, находящиеся вне пределов видимости Апостола, затем среди оплавленного плетения автонов наметилось движение – сухопарый, жилистый, облаченный в обгоревшие лохмотья экипировки сталкер спрыгнул на землю.

Адепт Ордена пристально посмотрел на него, с трудом узнавая виденные лишь однажды черты.

Три месяца они с Саидом безуспешно искали этого человека среди отчужденных пространств Пятизонья, каждый день рискуя жизнью, теряя надежду на успех и обретая ее вновь.

Сталкер подошел ближе.

– Аскет, – сухо произнес он, протягивая руку, чтобы помочь встать обессилевшему адепту.

Апостол принял предложенную помощь, встал, а затем коснулся сенсора на запястье, поднимая бронепластины лицевого забрала шлема.

От того, как произойдет их встреча, какую эмоциональную окраску она получит, зависело очень многое. В каждом движении сталкера читались необратимые изменения, произошедшие с Аскетом со дня их последней встречи. Апостол понимал: изменилась не только его внешность, но и внутренний мир. Те скупые сведения, что удалось получить от Митрофана, давали лишь слабое, приблизительное представление о лишениях, пережитых этим человеком…

Сохранил ли он память о прошлом? Если да – то как оценивает все случившееся?

Дымчатое забрало боевого шлема с сухим щелчком встало на фиксаторы, открыв взгляду бледное лицо адепта.

Аскет невольно вздрогнул.

– Апостол?! – не поверил он своим глазам.

Несколько секунд они пристально, неотрывно смотрели друг на друга, пребывая в обоюдном немом замешательстве, невольно вспоминая те роковые часы, когда их однажды свела судьба.

Первым не выдержал Аскет.

– Ты же погиб… Тогда, в Сосновом Бору!..

– Жив, как видишь… – ответил Апостол. – Шрама убило, когда он пытался вытащить тебя с перекрестка, из-под огня «вертушек», а меня и Саида замуровало под обломками рухнувшего здания… Титановая Лоза нас нашла и вызволила. Она чуть-чуть тогда не успела. – Он вновь поймал взгляд Аскета. – Ты сам-то как, Егор? Когда обломки разобрали, тебя под ними не оказалось.

– Как выбрался, не знаю. Ты ведь помнишь, Паша, Шрам мой метаболический имплант ввел в форсированный режим. Те дни вообще из памяти стерлись. Очнулся уже здесь, в Пустоши.

– И что, до сих пор, – Апостол скользнул взглядом по изможденному лицу Егора, – так и живешь с форсированным имплантом?! Мы подумали, что торговец врет!..

– Не врет. Пару месяцев скитался, как зверь, потом постепенно научился справляться со скоргами.

– Ну, ты даешь, Баграмов… – Апостол лишь покачал головой. – Сам, без помощи мнемотехников?

– Не было у меня возможности мнемотехника нормального найти. – Аскет говорил, настороженно наблюдая за окрестностями. Действительно, в его поведении очень многое изменилось. Апостол помнил почти беспомощного капитана спецназа, перенесшего серьезные ранения, инфицированного скоргами и прошедшего через тяжелейшие имплантации, а теперь перед ним стоял настоящий сталкер, от повадок которого на самом деле веяло чем-то… аномальным, словно он сроднился с отчужденными пространствами, стал их частью…

– Поначалу только ел, спал да от механоидов прятался, – признался Аскет. – Потом постепенно начал приходить в себя. А дальше все как-то само собой сложилось. Спонтанно, в минуты опасности, начали активироваться боевые импланты, да и прошлые навыки никуда не исчезли. Так и осваивал – методом проб и ошибок. Выживал, в общем. А к мнемотехникам обращаться не стал. Им бы объяснять пришлось, что к чему. Думаешь, после той охоты, что технос на меня устроил, был смысл еще раз внимание к себе привлекать? Капитан Баграмов погиб в Сосновом Бору. Об этом многие слышали. Да и я уже не тот…

– Многое изменилось, Егор. Не только в тебе или во мне.

– Я вижу. – Егор указал взглядом на ближайшего сталтеха, попавшего под энергетический удар Апостола. Тот уже начал вяло шевелиться. – В себя приходит. Ты их штук десять «Криком скорга» завалил.

– Титановая Лоза научила. Силы вот только не рассчитал. – Апостол приподнял «ИПК», пробуя, держат ли руки вес оружия. – Уходить надо, Егор. Но Саид куда-то запропастился. Отыщем его – и к тамбуру. Согласен? Кстати, туда егерь ускользнул. Из подземелий выбрался. Ты его знаешь?

– Знаю. – Аскет вскинул импульсный пулемет, всадив короткую очередь в пытающегося встать сталтеха. – Саида нужно найти, – согласился он. – А уйти с вами я пока не могу.

– Почему?

– Там, в подземельях, двое только что имплантированных проводников, из питерских. Совсем еще пацаны. С ними один из бывших сотрудников секретной лаборатории ВКС. Я как-то раз пересекался с ним, еще до Катастрофы, по службе.

– Что они тут делают? – мгновенно насторожился Апостол.

– Не знаю, Паша. Надо бы этого майора допросить да ребятам посильную помощь оказать. Без них никуда не пойду.

– Как скажешь. Мы тебя три месяца искали, пару часов как-нибудь потерпим. Сейчас связь после пульсации наладится, вызовем поддержку из Ордена.

– А зачем искали? Удостовериться, что я жив?

– Егор, только давай без глупостей, ладно? Мы ведь не дети малые, игрушку не поделившие в песочнице. Если обиду затаил на Орден, так и скажи.

– Обиду? – переспросил Аскет. – Поначалу да, – на мгновение задумавшись, признался он. – И после имплантаций, что Приор Глеб провел, и позже, когда где-то в чащобе металлорастений очнулся и вспоминать все произошедшее начал. Но время, чтобы разобраться, у меня было. Не вытащи меня Титановая Лоза из Академзоны, я бы погиб. Без имплантов Приора после ранений – тоже не выжил бы. Да и Шрам форсировал мой метаболический имплант от безвыходности ситуации, верно?

– Он погиб, спасая тебя.

– Я помню, – сумрачно ответил Аскет. – Потому нет никакой обиды. Пошли Саида искать.

* * *

В глухой тишине подземелий слышались чьи-то всхлипы.

Аскет и Апостол, тащившие Саида, остановились, бережно опустив на пол тоннеля бессознательное тело сталкера. Его бронекостюм, оплавившийся от плазменной вспышки, снять не удалось, на это требовалось время, а на поверхности вновь появились группы сталтехов, и пришлось срочно уходить…

– Как будто ребенок плачет, – негромко произнес Апостол, прислушиваясь к странному звуку. – Может, кто из твоих пацанов очнулся?

– Да не похоже это на человеческий голос. – Аскет мгновенно напрягся, черты его лица, и без того худые, обострились еще больше. – Здесь побудь. Я гляну, что там.

– Вместе. – Апостол жестом указал, что прикроет. – Там впереди развилка.

– Сразу за ней по правому коридору – небольшая пещера. Дальше все обвалилось, – сообщил Егор. – Пошли.

Странный звук повторился. Теперь было ясно, что идет он из левого ответвления тоннеля. По мере приближения во всхлипах начали различаться интонации, словно там спорили между собой двое или трое *существ*.

Аскет крался совершенно бесшумно, а вот Апостол, облаченный в тяжелую экипировку Ордена, на роль призрака явно не годился.

Замри! – жестом приказал Егор.

Павел подчинился. Вскинув «ИПК», он остался прикрывать развилку, а Аскет двинулся дальше.

Еще несколько шагов, и его взгляду открылась жутковатая картина: трое сталтехов необычного вида и телосложения, жестикулируя, спорили друг с другом, издавая те самые скрежещуще-всхлипывающие звуки.

Егор застыл.

Что делать? Исчадия техноса всего в нескольких шагах, но так увлечены перебранкой, что ничего не замечают вокруг. Их поведение выглядело настолько *неправильным, несвойственным для механоидов,* что Аскет на миг опешил.

Тяжелый «ИПК» бесшумно не вскинешь, да и троих одной очередью не завалить.

Первая мысль, больше похожая на машинальную реакцию, рефлекс: «Стреляй или погибнешь», на этот раз не сработала, как спусковой крючок, освобождающий энергию действия. Что-то перемкнуло в голове, словно там вдруг включился параллельный канал обработки информации.

Десять лет службы в военно-космических силах, упорные тренировки,

разносторонняя подготовка к первому межзвездному перелету, включавшая такие дисциплины, как «психология первого контакта», все, к чему его готовили в прошлом, вдруг выплеснулось из глубинных тайников подсознания, ломая стереотипы выживания, выработанные за последние несколько месяцев.

Аскет внезапно подумал, что эти существа имеют лишь отдаленное сходство с человекоподобными механоидами. Они, несомненно, инфицированы скоргами, об этом свидетельствовали их ртутно поблескивающие эндоостовы, и тут напрашивались только два варианта: либо перед ним какая-то существенно модернизированная, *разумная* (судя по поведению) форма носителей техноса, либо все же – сталтехи, но неземного происхождения, попавшие сюда по милости очередной пульсации Узла…

Технос другого мира?

В этот миг визгливый спор прекратился. Одно из существ заметило Аскета, и все мгновенно изменилось: два лазерных разряда ударили в сталкера, от одного он успел уклониться, второй угодил в «ИПК», раскалив ствол оружия до вишнево-красного свечения.

Близкое, обжигающее дыхание смерти начисто вымело из головы всю стороннюю чушь, ей бы следовало оставаться в тайниках сознания и не сбивать с толку в самые неподходящие моменты.

– Паша, прикрой! – Аскет выхватил мономолекулярный нож – смертельное оружие выбора, метнувшись вдоль стены, затем с силой оттолкнулся ногами от плетения автонов, подпрыгнул, пропуская под собой бросившегося в атаку сталтеха, на долю секунды ухватился свободной рукой за просевшие под потолком металлорастения, придав прыжку новый импульс и направление.

Сталтех, что рванулся ему навстречу, налетел на очередь импульсного пулемета. Апостол бил без промаха, но даже видавшего всякое адепта Ордена на секунду охватила жуть, когда он заметил метнувшуюся под потолком тень, и два исчадия техноса вдруг отшвырнуло в разные стороны – один как будто переломился пополам, оседая на пол, его голова, отсеченная ударом ножа, катилась по коридору, разбрызгивая капли серебристой субстанции, второй после сокрушительного удара в грудь потерял равновесие, впустую разрядив армган – лазерный разряд впился в противоположную стену, оставив на ней вишневую язву…

Аскет, действуя с недоступной для обычного сталкера скоростью, уже находился за спиной противника, не дав тому ни единого шанса оказать сопротивление: еще один взмах ножа, способного разрубить стальной

рельс, разделил эндоостов твари на две половины…

Все завершилось в течение нескольких секунд.

Наступившая после скоротечной схватки тишина оглушала, в ней особенно четко слышались отдаленные звуки: треск и скрежет гнущихся автонов доносились из глубин магистрального коридора, с того направления, откуда только что пришли Аскет и Апостол.

– Они спускаются в тоннель!

– Кто? – хрипло уточнил Аскет, не убирая свое страшное оружие.

– Сталтехи! Шестеро!

Аскет, мгновенно оценив ситуацию, метнулся назад, подобрал «ИПК» Саида.

– Уходите! Я задержу их!

– Нет! – Апостол уже припал на одно колено, изготовившись для стрельбы. – Ты уходи!

Егор понял, в этой ситуации спорить бесполезно. Схватив Саида за оплавленное крепление брони, он поволок его в глубь коридоров, к тупиковой, замурованной обвалом пещере.

«Что дальше?» – билось в голове.

Ответа он не знал. События вновь разворачивались стремительно и непредсказуемо.

Втащив тело Саида в небольшую пещеру, где Сафронов, вооруженный стареньким «калашниковым», жался к стене, он глухо рявкнул на испуганного майора:

– Сними с него экипировку и приведи в сознание!

Не дожидаясь ответа, Аскет бросился назад, туда, где, отдаваясь многочисленным эхом, зло и отрывисто били короткие очереди «карташа».

* * *

Апостол не пытался тупо удержать позицию.

Численное превосходство противника, яростный напор, с каким атаковали сталтехи, их явный перевес в энергооснащенности подсказывали только один выход из ситуации. Уводить их в левое ответвление тоннеля, огрызаясь, тянуть за собой, подальше от тупиковой пещеры.

Отстреливаясь, он двигался по неровному тоннелю, стены которого, деформированные после ракетно-бомбового удара, предоставляли достаточно укрытий.

Лазерного огня он особо не опасался. Тяжелая боевая экипировка Ордена, изготовленная с учетом трудного опыта выживания в аномальных пространствах, способна выдержать одно-два случайных попадания

когерентного излучения, а вот СВЧ-генераторы, которыми были вооружены низкорослые, головастые сталтехи, в замкнутом пространстве тоннелей представляли серьезную угрозу.

Вжавшись в стену за очередным выступом деформированных стен, Апостол выглянул.

Механическая нежить прибывала в числе. Уже не шестеро, а добрых полтора десятка низкорослых исчадий техноса неслись по коридору, стремясь догнать ускользающего сталкера.

Кто они такие, откуда взялись – совершенно непонятно. Обрушились, как лавина, словно до поры таились где-то, замурованные, а тут им внезапно открылся выход из узилища…

Мысль, промелькнувшая в рассудке сталкера, была не так уж и далека от истины.

Впрочем, сейчас не время строить смелые гипотезы. Прицелившись, Апостол дал пару коротких очередей, сдерживая наиболее резвых механоидов, и снова вжался в стену, укрывшись от ответного огня.

– Аскет? – попытался он задействовать мью-фон, и на его удивление имплантированное устройство связи сработало, несмотря на обилие металлорастений, образующих рубашку проложенного техносом тоннеля.

– Я уже недалеко. Держись, – пришел лаконичный ответ.

– Тут еще одна развилка. Ухожу вправо. Найди укрытие и пережди пару минут, будет жарко. – Апостол вновь выглянул, оценив расстояние до противника. Сталтехи не лезли на кинжальный огонь, пластались по стенам, также выискивая укрытия, действуя совершенно иначе, чем обычные механоиды.

– Понял тебя. Работай.

Апостол, сдерживая наступательный порыв нежити короткими очередями из «карташа», одной рукой достал из подсумка плазменную гранату, выставил таймер на пятнадцать секунд и, демонстративно показавшись на развилке тоннелей, метнул ее в левый коридор, сам же рывком ушел от плотного лазерного огня, свернув в правое ответвление.

Реакцию сталтехов предсказать было нетрудно. Они ринулись следом, но, как и рассчитывал Апостол, им потребовалось десять-двенадцать секунд, чтобы добежать до развилки.

Мысленно считая мгновения, он выкладывался, как легкоатлет на стометровке, затем, так и не найдя взглядом подходящего укрытия, рухнул на пол, накрыв собой оружие.

Нестерпимая вспышка разорвала мрак тоннелей, на краткий миг высвечивая фигуры механической нежити. Почти все сталтехи оказались на

момент взрыва в пространстве развилки коридоров; тугая раскаленная волна ионизированного газа, вырвавшаяся из левого ответвления, будто из жерла фантастического плазменного орудия, ударила, сжигая механические фигуры, испаряя плетение автонов, выбивая наружу тонны сгорающей земли, и, уже потеряв сокрушительную мощь, рванула во все стороны, гудящим валом пламени проносясь по запутанной системе подземных коммуникаций.

До Аскета, нашедшего укрытие за поворотом тоннеля, докатился лишь слабый отголосок плазменного взрыва. Волна жара, несущая частички расплавленного металла, пронеслась мимо, раскалив металлизированный выступ стены, за которой он прятался. От температуры на голове сталкера, скатываясь в смердящие катышки, задымились коротко остриженные волосы, уши заложило. От серьезных ожогов его спасло лишь предупреждение Апостола да вовремя принятые меры предосторожности.

Не обращая внимания на жар, источаемый раскалившимися стенами тоннеля, он рванулся вперед, к развилке.

С исчадиями техноса никогда нельзя быть уверенным в стопроцентной победе, пока своими глазами не убедишься, что противник повержен.

Метаболический имплант Егора, работая в форсированном режиме, позволил ему двигаться в жутком пространстве, где медленно оседали оплавленные стены, полностью отсутствовал выгоревший в момент плазменной вспышки кислород, почва, обнажившаяся за потерявшими прочность автонами, чадно дымила, наполняя тоннель едкими клубами гари.

Он задержал дыхание, закрыл глаза, ориентируясь при помощи внутреннего зрения. За месяцы скитаний по диким территориям Пустоши он невольно освоил труднейшие приемы выживания, овладев навыками, недоступными рядовому сталкеру. Вопрос, заданный Апостолом относительно Ордена, казался в эти секунды бессмысленным и даже неуместным. Непревзойденное искусство мнемотехника, продемонстрированное Приором Глебом, уже не раз спасало Аскету жизнь. Приор Ордена не просто вырвал Егора из лап смерти, когда двое пацанов, из питерских, притащили его, истекающего кровью, инфицированного скоргами, в бункер к местному торговцу. Сформировав из диких колоний скоргов различные импланты, Приор воплотил в них весь накопленный мнемотехниками Ордена опыт, дал бывшему капитану спецназа возможность не просто выжить в аномальных пространствах, но и познать всю глубину симбиоза человека с микроскопическими представителями

техноса Пятизонья.

…Выскочив к развилке тоннелей, Аскет сразу же заметил среди дышащих жаром стен контуры четырех сталтехов, не разрушенных плазменной вспышкой, но временно вышедших из строя. От остальных остались лишь лужи серебристого расплава, а эти не только сохранили жутковатые формы механических тел, но и постепенно восстанавливали утраченную функциональность, по крайней мере, Аскету показалось, что двое из них предпринимают попытки встать.

Добив сталтехов, он обернулся в поисках Апостола.

Правый коридор. Волна всесжигающего пламени прокатилась и по нему.

Егор ринулся туда, чувствуя, что метаболический имплант уже почти не справляется с вынужденной задержкой дыхания, – в голове появился шум, ноги вдруг стали слабеть, но из тоннеля внезапно потянуло спасительным сквозняком, и он остановился, сделав глубокий судорожный вдох, закашлялся, вдохнул еще раз, довольствуясь скудным процентом кислорода, поступающим из глубин подземелий.

Немного полегчало.

Он снова рванулся вперед. Скорость действий в аномальных пространствах зачастую играет решающую роль. Не важно, насколько глубок будет впоследствии упадок жизненных сил, но в критические моменты нужно действовать быстро.

Апостола он увидел неожиданно, фактически споткнулся о массивную, закованную в тяжелую боевую броню фигуру, растянувшуюся на полу тоннеля.

– Дистанцию не рассчитал? – используя мью-фон, спросил Аскет.

– Сервоприводы заклинило, – отозвался Апостол.

– Лежи, не шевелись. – Аскет достал мономолекулярный нож. – Буду вскрывать твой панцирь.

– Сам как?

– Четверых сталтехов добил. – Егор уже орудовал ножом, вскрывая бронепластины по стыку.

Слабый сквозняк постепенно набирал силу, превращаясь в ветер, дующий по тоннелю. Дышать стало легче, стены еще источали жар, но воздух стремительно очищался от продуктов горения.

Через минуту Апостол, освободившись от веса экипировки, выбрался из-под груды оплавленных фрагментов брони.

– Иногда спасает, а иногда вот так… – Он зло взглянул на покрытый окалиной, расчлененный на сегменты бронескафандр. – Спасибо, Егор.

Аскет лишь кивнул в ответ.

– Назад тем же путем придется идти. Выдержишь?

– Выдержу, – ответил Апостол, доставая из-под груды экипировки свой «ИПК». – Как там Саид?

– Понятия не имею. Передал Сафронову. Вернемся – узнаем.

* * *

Открыв глаза, Саид не понял, где находится.

Последним, что он запомнил, была близкая вспышка плазменного разрыва и ощущение дикого жара, пробившего себе путь через мгновенно сгоревшие уплотнители подвижных соединений брони.

В окружавшем его сумраке двигалась похожая на человека тень.

Все виделось смутно, расплывчато, предметы теряли контуры, словно перед глазами двоилось, а импланты по непонятной причине не включались.

Тень приблизилась, склонилась над ним, и Саид, недолго думая, точным беспощадным движением схватил странное существо за горло.

Раздался сдавленный вскрик, что-то теплое, мягкое трепыхалось и хрипело, пытаясь разжать смертельную хватку сталкера.

Человек…

Саид отпустил горло незнакомца, одновременно оттолкнув его, чтобы получить несколько столь необходимых секунд – импланты наконец заработали, зрение начало приходить в норму, он мгновенно включился в обстановку, поняв, что лежит на полу какой-то пещеры.

Резко вскочив на ноги, Саид осмотрелся.

Человек, которого он едва не придушил, отпрянул к стене, у него под ногами валялся старенький «АКСУ», чуть правее виднелся свежий обвал, слева у стены лежали два бесчувственных тела, не то сталкеры, не то «мотыльки», сразу не разобрать…

– Где я? – Саид угрожающе взглянул на вжавшегося в стену человека.

– Мы в подземельях, – выдавил тот.

– Вижу. Точнее!

– Да откуда мне знать! Где-то недалеко от атомной станции!

– Уже лучше. Куда подевался Апостол?

– Не знаю я никакого «апостола», – огрызнулся незнакомец. – Тебя притащил Аскет. Бросил, приказал привести тебя в чувство и снова ушел. Там бой был. – Он слабым жестом указал на устье пещеры. – Сначала перестрелка, потом плазмой шарахнуло.

«Аскет? Вот это уже нормальная новость!..»

– Так, автомат мне дай! И не дергайся, я тебя трогать не стану.

Сафронов не успел ничего ответить. Вдалеке послышались голоса, и Саид, не дожидаясь, пока этот увалень начнет соображать, сам схватил оружие, присев за угловатой каменной глыбой у входа в пещеру.

Свой «ИПК» он где-то потерял. Вообще, непонятно, что произошло?

«Калашников» против сталтехов – оружие негодное, но приближающиеся голоса указывали на людей. Если они не в бронекостюмах, то и с «калашом» в руках можно повоевать.

Отдаленный разговор стих, зато слух Саида уловил какое-то бряцанье, скрежет, словно что-то металлическое волокли по полу.

В сумраке у поворота, метрах в пятидесяти от позиции Саида, возникли две смутные фигуры.

– Стоять! Иначе стреляю! – крикнул он, вскидывая автомат.

С неприятным болезненным щелчком включился имплантированный чип мью-фона.

– Саид, угомонись. Свои! – пришел по связи голос Апостола.

Сталкер опустил оружие, присмотрелся.

Точно. Апостол, только без бронекостюма, а с ним…

Баграмов! Тот самый капитан, которого они пытались спасти в Сосновом Бору несколько месяцев назад!

Да, сильно же он изменился с тех пор…

Экипировка обоих сталкеров обгорела, из оружия – один импульсный пулемет на двоих, вид злой, потрепанный, усталый, зато возвращались Аскет и Апостол с трофеями – каждый волок по сталтеху.

«Нежить-то нам на что сдалась?» – озадаченно подумал Саид.

Глава 6

Пустошь. Подземелья техноса.

В трех километрах от руин атомной станции…

– Так, что я пропустил и зачем вы этих уродов приволокли? – спросил Саид, глядя на двух странных механических существ. У одного была отсечена голова, второй просто перерублен пополам, словно прочнейший эндоостов твари рассекло ударом невероятно острого, тонкого, как волос, клинка.

– Привет, Саид. – Егор сбросил свою ношу на пол. – Рад тебя видеть.

Саид перехватил взгляд Апостола. За годы, что они работали в паре, адепты Ордена в некоторых ситуациях научились обходиться без слов. Вот и сейчас он понял, что лишнего болтать не нужно.

– Здорово… Аскет.

Апостол едва заметно кивнул.

Так, значит, о капитане Егоре Баграмове ни слова при посторонних. Что ж, понятно. Саид поставил древнее оружие на предохранитель.

– Сафронов, взгляни. – Аскет подтащил второго сталтеха, положил на пол рядом с тем, что был перерублен пополам. – Просто взгляни и скажи, что думаешь. – Он отошел в сторону, присел подле Славки и Монгола, все еще не пришедших в сознание после проведенной имплантации.

Майор осторожно приблизился к странным тварям.

Он не понимал, чего именно хочет от него Аскет. Ну, сталтехи, довольно необычного облика, что с того? Сафронов хоть и изучал скоргов, но в Пятизонье пробыл всего несколько часов и о разновидностях механоидов практически ничего не знал. Аскет должен это понимать. Конечно, прежде чем решиться на рискованное предприятие, он собрал и изучил доступные данные, но много ли узнаешь из прессы и слухов? А серьезных научных трудов, посвященных обитателям Пятизонья, еще не создали. Единственное, что понял Сафронов, пытаясь упорядочить данные, полученные из разных источников, и отделить плевелы домыслов от зерен истины: четкой классификации обитателей Пятизонья – нет. Каждый механоид был по-своему уникален, они ведь не сходят с конвейера и в силу этого систематизации поддаются лишь условно, с большой натяжкой.

Сафронов хотел вообще отказаться, заявить, что в механоидах не разбирается, но, оглянувшись и перехватив усталый, злой взгляд Аскета,

спорить не решился.

«Ладно… – подумал он. – Взгляну. С меня не убудет». Присутствие двух сталкеров, этого бесноватого Саида и загадочного, сумрачного на вид Апостола, лишь усложнило положение ученого. Он чувствовал – просто так его не отпустят. Не похожи они на вольных бродяг, интересующихся лишь стоимостью добытых техноартефактов. Сафронов не хотел делиться своими разработками с первыми встречными, предложение Аскета относительно эвакуации в Орден выглядело для него более заманчивым, но чувствовал: эти двое потребуют информации, выжмут из него все, до последней капли, а там уж будут решать, что с ним делать…

Проклятый прагматизм. Сафронов привык трезво оценивать ситуации, в которые попадал. Психологии сталкеров его научила жизнь в руинах Питера, где обитатели Пятизонья появлялись достаточно часто.

…Присев подле двух эндоостовов нежити, он с долей отвращения и страха взглянул на изуродованных сталтехов. Одно дело рассматривать цифровые фотографии, сидя в уютном подвале, среди развалин Питера, и совершенно иное – увидеть представителей техноса вот так, на расстоянии вытянутой руки.

«Странные. Даже очень. – Сафронову удалось подавить подступившую жуть. Все же по складу ума и характера он был исследователем. – Что же ты желаешь услышать, Аскет?» – мысленно спросил он себя, рассматривая покалеченные эндоостовы.

Взгляд скользил по металлизированным «костям», оплетенным тонкими, свитыми в жгуты «мышцами».

В местах повреждений, где некоторые элементы раздробило пулями из крупнокалиберного «ИПК», проступили капли серебристой субстанции… Колонии скоргов всё еще вели борьбу, пытаясь восстановить своих носителей.

А это что такое? Сафронов присмотрелся. Какие-то бурые вкрапления… Может быть, новый, неизвестный ранее тип скоргов? Он достал из пластикового футляра универсальный сканер, похожий на маленький фонарик, направил конусный лучик на одно из повреждений. Излучение прибора проникло сквозь оболочку эндоостова, и тотчас же рядом с предметом исследования в воздухе возникло голографическое изображение его внутренней структуры.

Майор с трудом поверил собственным глазам. От неожиданности он вздрогнул, внутри все похолодело, сжалось. Замеченные им бурые пятнышки, если верить данным анализаторов, являлись не чем иным, как свернувшимися сгустками крови, вкрапленными в серебристую

субстанцию колоний ремонтных наномеханизмов! Сочетание выглядело настолько противоестественным, неуместным, что от него проще было отмахнуться, проигнорировать, списав все на нелепую случайность, например на кровь Аскета или Апостола, запятнавшую сталтеха во время схватки, но, во-первых, сталкеры не получили ранений, а во-вторых, сканер в дрожащей руке Сафронова продолжал работать, вычерчивая сложную структуру полых металлизированных «костей», внутри которых тонкое кружево металлизированных нитей тесно переплеталось с фрагментами органики, мельчайшими кровеносными сосудами, нервными тканями…

От неожиданности Сафронов попросту онемел.

Из оцепенения его вывел голос Аскета:

– Ну, что скажешь?

– Они… Они… – Майор вдруг начал заикаться.

– Киборги? – подсказал Аскет, внимательно изучив голографическое изображение.

– Я не могу ничего утверждать! – Сафронов растерялся от внезапно сделанного открытия. – Нужно повторить сканирование на специальном оборудовании…

– Будет тебе оборудование, – мрачновато пообещал Апостол, которому внезапно сделанное ошеломляющее открытие не добавило оптимизма. – Егор, отойдем. На пару слов. Саид, возьми мой «ИПК», проверь прилегающие тоннели. Найди выход на поверхность и осмотрись.

* * *

– Ну? – Аскет вопросительно взглянул на Апостола. – Что за тайны?

– Между нами – никаких. Но этому Сафронову я не доверяю. Он и так увидел и услышал больше, чем положено, теперь его либо прибить, либо силком в Орден, – с нотками досады произнес Апостол.

– Ты изменился, Паша.

– А хорошо ли мы знали друг друга?

– В бою достаточно и нескольких минут, чтобы понять, кто есть кто. А остальное уже мелочи.

– Ошибаешься, Егор. Порой из мелочей такое складывается… Ладно. Не о том хотел поговорить. Видишь, как все обернулось? После разговора с Митрофаном думал, тебя отыщем, потолкуем и назад в Орден. А тут вон как лихо события закрутились. И военные, и удар по Пустоши, и пульсация, а теперь еще и эти, – он неприязненно покосился на двух псевдосталтехов.

Аскет выслушал его, а затем спросил:

– Проблема в чем?

– Уходить надо.

– Надо, – согласился Егор. – Вы с Саидом прикроете, я пацанов до тамбура дотащу, они худые, в чем только душа держится. Одного сталтеха, желательно того, с разрубленным позвоночником, на Сафронова навьючим. Только мне в Орден пока рановато. Вас отправлю, а сам останусь.

– А что, у тебя дела тут? – удивился Апостол.

Егор не стал уходить от ответа.

– Тянет меня, как магнитом, к руинам атомной станции. Не пойму, в чем дело. Проверить хочу: с головой у меня не в порядке или действительно там что-то есть?.. Погоди, не возражай. Знаю, что скажешь. Не надо напоминать, как я важен для Ордена. Вы жизнями рисковали, чтобы меня спасти. Обещаю – сам приду, хотя ничего нового о пространстве Узла я не вспомнил.

Апостол хмуро посмотрел на него.

– Егор, все только усложнилось за последние месяцы. А сейчас, – он снова взглянул на сталтехов, затем на Аскета, словно искал между ними что-то общее, – сейчас я вообще перестал понимать логику происходящих событий. Силой тебя в Цитадель, конечно, не потащу. Но и одного не оставлю. Раз такое дело, значит, к станции вместе пойдем. Я, ты и Саид.

– Не доверяешь мне? Думаешь, опять исчезну?

– Всё намного сложнее, Егор. Если хочешь, давай поговорим начистоту, – предложил Апостол.

Дождавшись утвердительного кивка, он продолжил:

– Ты многое пропустил, пока скитался по Пустоши. Три месяца назад, когда тебя выбросило пульсацией в Академзоне, жизнь еще текла по-прежнему, без резких выкрутасов. Технос, к примеру, был понятен и предсказуем. Скорги захватывали носители, реконструировали их, создавая примитивов. Механоиды боролись за существование, какие-то из них погибали, другие понемногу совершенствовались. А затем одна за другой грянули несколько необычайно мощных пульсаций, и все закрутилось, как при ускоренном воспроизведении. За пару часов до вашей памятной встречи с Титановой Лозой она находилась тут, в Пустоши, и видела первые, только зародившиеся городища. Тогда мы еще не знали, что постройки техноса возведены скоргами, существенно отличающимися от прежних.

Слова Апостола заставили Егора задуматься. Он поймал себя на мысли, что не замечал в окружающем ничего выходящего из ряда вон, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Здесь явно существовала проблема

восприятия, ведь он постигал реальность Пятизонья уже после наступления перемен, упомянутых Апостолом.

– Есть предположение, что пульсации, произошедшие осенью прошлого года, изменили структуру Узла, открыли доступ в наш мир новым видам эволюционировавших скоргов…

– Паша, притормози. – Аскет хмуро взглянул на него. – Я постоянно слышу термин «Узел», но до сих пор не понимаю его смысла! Может быть, объяснишь?

На миг наступила тишина. Из глубин подземных коммуникаций доносились глухие, отдаленные отзвуки боя, но Саид на связь не выходил, значит, непосредственной опасности пока нет.

В том, что Егор потребовал пояснений, не было ничего странного. Став сталкером, он научился выживать в условиях аномальных территорий, но знания, по крупицам собранные в Ордене, были для него недоступны, и потому Апостол спокойно отреагировал на прозвучавший вопрос.

– Исследователи Ордена считают Узел деформацией пространства, возникшей при формировании Пятизонья, – стараясь выражаться предельно лаконично, пояснил он. – Раньше мы полагали, что пространственная червоточина ведет в иное измерение, где искажены привычные для нас физические законы, но последние события заставили пересмотреть и существенно усложнить теоретическую структуру Узла. Вероятно, разрыв метрики не один, их несколько, и ведут они в разные точки нашей Вселенной.

– Это доказано? – уточнил Аскет.

– Лишь в теории. Практика проникновения в Узел все еще недоступна. Ты единственный, кто побывал там и вернулся.

– Но я ничего не помню!.. – мгновенно напрягся Егор. Иногда, забываясь тяжелым сном, он видел обрывки непонятных кошмаров, но они не несли полезной информации, не давали представления, где же на самом деле он провел четыре года, слившиеся в субъективном восприятии в пару мгновений откровенного бреда!

– Верю, что не помнишь…

– Послушай, зачем мы сейчас обсуждаем мифические вопросы?! Что, реальных проблем мало?! – Аскет начал заводиться. Тема разговора явно ему не нравилась.

– Узел – не миф! – болезненно отреагировал Апостол. – И у меня есть причина говорить с тобой именно здесь и сейчас!

– Ладно. – Егор присел. – Продолжай! – Он зло, исподлобья сверкнул глазами. – Только не забудь объяснить, почему мы не уходим к тамбуру, а

сидим тут, как в мышеловке!

– Саид обстановку разведает, тогда и пойдем! – уже спокойнее ответил Апостол. – А пока слушай меня и старайся вникнуть. Мы кровью платили за каждую крупицу знаний.

Егор ничего не ответил. Он хмуро смотрел в сумрак подземелий, его пальцы крепко сжимали приклад импульсного пулемета, в выражении лица читалось злое недоумение. Он инстинктивно отторгал прошлое, не хотел возвращения мучительных вопросов, воспоминаний о потерях, – в душе с новой силой разгоралась борьба двух личностей: капитана Баграмова, чья группа спецназа в полном составе пропала в момент одной из первых пульсаций Узла, и сталкера по имени Аскет, чей жизненный опыт ограничивался проблемами сиюминутного выживания.

Апостол сам спровоцировал Егора на внутренний конфликт и отчетливо понимал: очень многое теперь зависит от исхода начавшейся в душе Баграмова борьбы. Сила внезапных, неодолимых обстоятельств, о которых Егор еще не подозревал, заставила Апостола действовать вразрез с существующими правилами, и он, приняв решение, не собирался отступать.

– Слушай внимательно, Егор. Оставь скепсис и постарайся вникнуть.

Аскет лишь молча кивнул.

– За годы, прошедшие со дня Катастрофы, мы накопили достаточно данных, чтобы выработать критерии, по которым оценивается сила каждой пульсации, – продолжил прерванную мысль Апостол. – Момент образования Пятизонья зафиксирован приборами орбитальных спутников. Вторую пульсацию, произошедшую в ночь после Катастрофы, видел и достаточно точно описал командор Хантер. Третья, в момент которой пропала твоя группа спецназа, отслежена сканерами автоматических устройств, которые вы оставили у внутренней границы Барьера. Затем некоторое количество возмущений структуры Узла приборами не фиксировалось – то были первые месяцы существования Пятизонья, когда в отчужденных пространствах, равно как и за внешними границами Барьеров, царил хаос. Наблюдения возобновились лишь после того, как командор Хантер основал Орден.

Аскет слушал внимательно и молча.

– После нескольких лет накопления данных их проанализировали, что дало возможность создать условную десятибалльную шкалу мощности возмущений Узла…

– Типа шкалы Рихтера?

– Да, только здесь речь идет о силе пульсаций, а не землетрясений.

Егор вновь скептически нахмурился. При первой встрече Апостол показался ему хорошо подготовленным бойцом, и странно было слышать от него рассуждения, присущие ученому.

– Паша, ты ничего не усложняешь?

– В смысле?

– Все эти исследования, наблюдения. Мне казалось, что бойцы Ордена просто верят в существование Узла и связанных с ним пространств.

Апостол кивнул. Вопрос закономерный.

– Отчасти ты прав. Многим сталкерам необходимо во что-то верить, следовать определенной идее, чтобы элементарно сохранить рассудок. Но на самом деле Орден обладает мощной научной базой и сложной иерархической структурой. Мы с Саидом входим в круг посвященных и обладаем правом доступа ко всей информации.

– Которую ты так легко разглашаешь?

– У меня есть причина для этого, – сухо повторил Апостол. – Мы с Саидом ведем полевые исследования, фиксируя пульсации, – он выразительно постучал пальцем по небольшому устройству, закрепленному на поясе. – Занятие, как понимаешь, рискованное. Чтобы оценить мощность возмущения метрики пространства, нам приходится замерять интенсивность свечения, которое является предвестником катаклизма, силу подземных толчков, а также степень искажений, которым под ударом аномальной энергии подвергаются физические предметы нашего мира. Зачем я тебе это рассказываю? Чтобы ты понял, я имею представление о пульсациях. Многие наблюдал своими глазами, о некоторых могу судить по записям. Так вот, возвращаясь к теме: вторая и третья были очень мощными, схожими по силе. Затем, на протяжении нескольких лет, происходили лишь незначительные возмущения Узла. В октябре прошлого года вновь грянули две очень мощные пульсации. После первой в Пустоши появились зародыши построек техноса. Следующая вернула тебя в наше пространство. И вновь все успокоилось, но сегодня опять зафиксировано пиковое возмущение Узла. И совпадение ли? В Пустоши появляются они, – он взглядом указал на псевдосталтехов.

Егор хотел что-то резко возразить, но вместо этого глубоко задумался.

– Ты считаешь, что мощность пульсации – параметр критический? – наконец спросил он.

– Да. К примеру, взять хотя бы статистику исчезновений сталкеров. Во время обычных, ничем не выдающихся возмущений Узла тех, кто вовремя не нашел укрытия, обычно перебрасывает в иной регион Пятизонья. Но время от времени происходят более мощные пульсации, которые, по нашим

предположениям, открывают пробои метрики между различными мирами. Сталкеры, попавшие под такую пульсацию, просто исчезают. Навсегда. Так произошло с тобой, Егор.

– Но я вернулся…

– В том-то и дело. На приведенных примерах ты сам способен отследить взаимосвязь между мощностью пульсаций и некоторыми событиями, имеющими критическое значение.

Аскет усмехнулся.

– Если следовать твоей логике, то эволюционировавшие скорги, создавшие постройки техноса, сталтехи-киборги… и я были перемещены в Пятизонье из одного и того же пространства, верно?

– Да.

– Извини, но мне кажется, ты все усложняешь, – покачал головой Егор. – Никто не знает истинной структуры Узла. Очень легко принять желаемое за действительное.

Апостол неожиданно кивнул.

– Ты прав. Ложный путь всегда полон соблазнов. И я бы не стал излагать тебе теории, рискуя остаться голословным, если бы…

– Если бы не получил доказательства? – завершил его фразу Аскет, вдруг почувствовав что-то недоброе. Холодом внезапно скользнуло вдоль позвоночника, без явной на то причины.

– Две проблемы, давно ищущие ответа, внезапно объединились, – подтвердил его догадку Апостол.

– Это касается меня? – насторожился Егор.

– Сейчас я кое-что тебе покажу. Только контролируй реакцию и не наделай глупостей, ладно? – Он подошел к разрубленному пополам сталтеху, зачем-то достал запасной прицел к «ИПК» с лазерным целеуказателем. – Смотри внимательно.

Аскет лишь пожал плечами. Он по-прежнему не понимал, о чем идет речь.

Кроваво-красный лучик скользнул по «плечу» сталтеха, и в свете лазера там внезапно одна за другой проступили три буквы, сложившиеся в голограмму «DRG».

– И что это означает? – спокойно спросил Аскет, не выказав ни тени удивления или волнения.

Апостол несколько секунд пристально смотрел на него, затем ответил:

– Конкретного значения символов мы не знаем. Скорее всего, какая-то аббревиатура. Проблема в другом, Егор. Точно такая же голографическая татуировка есть у тебя на правом плече.

Смертельная бледность внезапно проступила на лице Баграмова, и секундное замешательство вдруг нашло выход в скупом, решительном действии.

– Дай! – Он отобрал у Апостола прицел, с силой надорвал ткань опаленной одежды и направил лазерный лучик на ставшую вдруг пепельно-серой кожу своего предплечья.

Три символа зловещим знаком проступили в красноватом свете целеуказателя.

«DRG»…

* * *

Впервые за многие месяцы скитаний Аскет оказался в шоковой ситуации, справиться с которой он не сумел. На его бледном лице появились пятна лихорадочного румянца, рассудок помутился, он абсолютно ничего не понимал, не знал, что делать дальше.

Реальность подземелий вдруг стала расплывчатой, нечеткой, по мышцам скользнула непроизвольная дрожь, свидетельствуя о резком ускорении метаболических реакций.

Рука Апостола легла на его плечо.

– Спокойнее, Егор.

Аскет вырвался, отступил на шаг.

– Откуда ты узнал, что у меня есть татуировка?! – хрипло, не узнавая собственного голоса, выкрикнул он.

– О голограмме мы знали давно. Ее заметил Приор Глеб, когда имплантировал тебя!

Аскет окончательно растерялся. Внезапный информационный удар оказался столь силен, что он не справился с шоком, практически утратив контроль над чувствами, мыслями и поступками. Единственное, что удержало Егора от спонтанных, непоправимых действий, – это ледяное спокойствие Апостола. Тот даже не попытался прикоснуться к оружию или задействовать боевые импланты. Просто стоял и смотрел на него, но не как на диковинную тварь, нет, – он глубоко спрятал свои чувства, не желая усугублять и без того непростую ситуацию.

– Я понятия не имею, откуда взялась эта голограмма и что она означает! – Кровь отхлынула от лица Егора, в голове от внезапного нервного перенапряжения возник глухой шум.

– Верю, – сохраняя железное самообладание, ответил Апостол. – Егор, только не дури.

– На твоем месте я бы занервничал, Паша! – Шоковые эмоции,

переполнявшие рассудок Аскета, искали выход, он неосознанно сам шел на конфликт.

– Поверь, так и было, когда я целился в одного из сталтехов, – признался Апостол. – Зацепил лазерным указателем за плечо, и… глазам не поверил!

– Почему же ты не убил меня?! – яростно выдохнул Аскет. – Если я – тварь из другого пространства?!

– Убить тебя? Из-за татуировки? Не психуй, Егор!

– Ты что-то недоговариваешь! – Аскет впился в него мутным взглядом. – Может, и у тебя есть такое же клеймо?!

Апостол невольно вздрогнул.

– Не у меня, – глухо ответил он. – У Титановой Лозы.

Второй удар Аскет все же выдержал. Его по-прежнему трясло, мышцы от переизбытка энергии требовали действия, и он, не в силах справиться с дрожью, внезапно врезал кулаком в стену тоннеля, ссадив в кровь костяшки пальцев, оставив в сплетении автонов глубокую вмятину, затем внезапно присел, обхватив голову руками.

Дарлинг… Приемная дочь командора Хантера… Легендарная Титановая Лоза, лучший разведчик Ордена.

Конечно, для Апостола она – вне подозрений. Проклятие… Что же происходит?!

Егору всерьез казалось, что он сейчас сойдет с ума. И без того четыре года жизни, выпавшие из сознания, проведенные где-то вне пределов объяснимого, не давали покоя, возвращаясь вновь и вновь, терзая рассудок, напоминая, кем он был и кем стал, а как оценивать себя теперь, когда подле, буквально в паре шагов, валяются эндоостовы сталтехов, клейменных такой же голограммой?

Он понимал, подобных совпадений *не бывает!*

Сущность Аскета лишь хищно скалилась в ответ, предлагая незамысловатый выход: вырваться отсюда, избавиться от навязчивого общества адептов Ордена, жить, как жил, одним днем, не пытаясь что-то понять, не мучаясь никакими вопросами, но это уже не являлось решением.

«Всему существует разумное объяснение, но где и как его искать?!» – мучительно спрашивал себя Егор.

Мысли, тяжелые, темные, неслись по кругу, две личности, что умудрялись сосуществовать параллельно, внезапно потеряли непримиримую ясность позиций. Они неумолимо сливались в одно целое, окончательно возвращая к жизни капитана Баграмова, но не уничтожая опыт и способности Аскета.

…Апостол, рискнувший сказать ему правду, напряженно ждал.

Он сделал непомерно высокую ставку, пошел ва-банк, полагая, что Егор выдержит шок, под воздействием которого, возможно, из подсознания вырвутся воспоминания, наступит момент истины, и тогда фрагменты головоломки начнут складываться, обретая черты неведомого…

Говорят, что Орден – выше понятий добра и зла, а его адепты ищут истину в ее чистом виде, не оглядываясь на последствия вынужденных поступков.

Неправда.

Апостол только сейчас, глядя на Аскета, вдруг остро осознал, что ничто человеческое в нем не умерло.

* * *

Жутковатую, напряженную неопределенность ситуации внезапно разрушили возникшие в глубине тоннелей звуки стрельбы.

Треск очередей «ИПК», эхом отдающийся по мрачным подземельям, быстро приближался.

– Эй, ну помогите уже кто-нибудь! – Голос Саида, переданный через устройство мью-фона, стал для Егора той соломинкой, за которую уцепился тонущий в неконтролируемых эмоциях разум.

Все еще пребывая в состоянии запредельного внутреннего напряжения, Аскет мгновенно отреагировал на призыв сталкера, машинально активировав боевые импланты. Оружия – один автомат Калашникова на троих. За спиной тупик, с кем схлестнулся Саид, неизвестно.

– Не высовывайся! – резко приказал он Сафронову, обменялся колючим взглядом с Апостолом и внезапно пришел в себя, как будто в голове что-то переключилось.

За месяцы скитаний по черной Пустоши у него выработалось безошибочное внутреннее чутье: он знал, когда ему лгут, четко понимал, кто из сталкеров способен ударить в спину, позарившись на какой-нибудь артефакт, а кто – нет. И Митрофана, с его мелкими, корыстными помыслами, раскусил достаточно быстро, но в силу сумеречного состояния рассудка не придавал этому должного значения…

Во взгляде Апостола не читалось страха или отвращения, и это вернуло Егору ощущение реальности, твердой, надежной опоры под ногами, а приближающиеся звуки боя дали возможность выплеснуть переизбыток эмоций в мгновенном действии.

Сиплый выдох, прикосновение ладони к плечу, контакт

металлизированных пятен, стремительное формирование боевого генератора, дробный, визгливый перестук уходящих на излет, рикошетящих пуль, болезненный вскрик Сафронова за спиной, силуэт Саида, высвеченный из сумрака короткими вспышками выстрелов, рывок Апостола, синие, ветвящиеся энергетические разряды, пронзившие воздух подземелий, – все слилось в коротком ощущении стремительной схватки…

– Аскет!

Рука Апостола остановила его яростный порыв.

Он с трудом отнял ладонь от металлизированного пятна на ключице, обернулся.

Мимо, пошатываясь, прошел Саид.

Тихо поскуливал раненный в правую руку Сафронов. Кровь капала на пол, растекаясь кляксами.

Саид прислонил к стене разряженный «ИПК», присел и, немного отдышавшись, произнес:

– Наверху бой. Технос сцепился вот с этими, – он кивком указал на эндоостовы двух низкорослых сталтехов. – Бьются насмерть. Механоиды словно озверели. Нежить прет со стороны тамбура, там еще боевые группы Ковчега нарисовались, попали под раздачу… В общем, бардак. Каждый сам за себя.

– Тебя кто преследовал? – уточнил Апостол.

– Технос. Механоиды. Никогда раньше таких не видел. На насекомых похожи. У них импульсные курсовые орудия и лазеры. Прижали, голову не поднять!.. Если б Егор разрядом не шарахнул, туго бы нам сейчас пришлось…

Аскет тем временем подошел к Сафронову.

– Зацепило? Покажи.

Тот со стоном отнял окровавленную ладонь от предплечья правой руки.

Рана оказалась неглубокой, так, чиркнуло вскользь, распоров кожу, но кровоточила обильно.

– Сейчас жгутом перетяну. – Аскет присел на корточки. – Только соберись, в обморок не падай. Жить будешь.

Сафронов лишь промычал что-то невнятное в ответ.

Наложив жгут, Егор обернулся.

– Паша, у тебя есть чем царапину перевязать?

Апостол достал из-за пазухи кусок чистой тряпки.

– Пусть к ране поплотнее прижмет, кровь остановит. Сейчас Саид отдышится, подлечит. Он у нас смежную специальность недавно освоил.

Бионик.

– Царапина у Олега пустяковая, – успокоил Аскет. – Лучше б Саид ребятам помог в сознание прийти.

– И то верно, – согласился Апостол. – Егор, нам оружие надо добыть. Пошли, взглянем на механоидов, может, пару армганов с них снимем?

* * *

Пока вход в пещеру не скрылся за поворотом тоннеля, шли молча.

Первый из подбитых механоидов попался им метров черед двадцать. Саид не преувеличивал, механизм действительно выглядел необычно и был похож на крупное насекомое, закованное в панцирь металлизированной брони. Характерные вздутия по бортам выдавали наличие встроенных энергетических систем вооружений.

– Ты посмотри, какая цепкая тварь!.. – удивился Апостол, рассматривая шесть механических лап-манипуляторов, намертво впившихся в плетение автонов. Видимо, энергетический разряд, ударивший вдоль коридора, настиг механоида в тот момент, когда он пытался вскарабкаться на стену.

– Вон еще один валяется. – Егор посветил фонариком, найденным среди снаряжения Монгола, в глубь тоннеля. – Стопроцентная копия, заметил?

Адепт кивнул, вооружившись миниатюрным лазерным резаком, который всегда носил на поясе. Новости сегодня – одна другой хуже. Он видел столкновение полчищ механизмов из разных городищ, бившихся за контроль над единственной уцелевшей в Пустоши постройкой техноса. Тот факт, что механоиды между собой на ножах, – радовал, а вот явные признаки серийного производства техномонстров, напротив, удручали. Если не разобраться в сонмище внезапно возникших проблем, не найти адекватных средств борьбы с эволюционировавшим техносом, то разобщенные, разбросанные по разным регионам группировки сталкеров долго не протянут.

– Так вы с Саидом меня из-за этой татуировки искали? – Егор занял позицию, прикрывая Апостола, пока тот вскрывал оружейную надстройку на корпусе механоида.

– По трем причинам, – ответил тот, разрезая броню механоида в районе выступа. – Во-первых, Орден своих не бросает. Во-вторых, – он с усилием отогнул фрагмент обшивки, – нужно было понять, что ты в действительности помнишь о пространстве Узла и почему технос внезапно начал охоту за тобой. Ну, и в-третьих, эта голограмма на твоем плече.

Титановая Лоза ничего объяснить не смогла, она также не имеет понятия, откуда у нее взялась татуировка.

– А где она сейчас?

– В Новосибирской зоне. Исследует бункеры Академгородка, те, куда еще не добрались боевики Хистера.

– Зачем?

– Она уверена, что твоя и ее голограммы как-то связаны с экспериментами военных.

– Выходит, Дарлинг ошиблась. Я никогда не принимал участия ни в каких экспериментах.

Апостол извлек из вскрытого оружейного отсека армган и, осмотрев его, присвистнул.

– Опасные твари. Два «Сердца зверя» на одном излучателе.

– Такой же, только разряженный, там, в пещере, валяется. Среди снаряжения питерцев.

– Выходит, теперь производство оружия на поток поставили… – пробормотал Апостол. – Мало нам было своих, доморощенных тварей… Как думаешь, Егор, зачем техносу понадобилась целая армия механоидов?

– Сложно сказать. Но не со сталкерами биться, это точно.

– Зону расширить?

– Тоже вряд ли. Они ведь за Барьерами дохнут, насколько я знаю. Без энергии Узла механоидам не выжить.

– Резонно. – Апостол взялся вскрывать следующий выступ на корпусе механической твари. – Ты, Егор, пойми меня правильно. Я решил все честно рассказать тебе по нескольким причинам. Дарлинг я знаю давно, и предположить, что она – агент техноса, мне сложно. Тебя имплантировал Приор Глеб, а у него чутье на нежить. Будь что не так с тобой, он бы церемониться не стал. Так что для меня – ты чист.

– То есть не враг?

– Вот ты заладил. – Апостол извлек второй армган, проверил уровень заряда в накопителях, положил на пол. – Ты мне сегодня трижды жизнь спас из каких соображений?

– Что-то я не припомню, чтобы столько раз тебя выручал.

– А сталкеров Пустоши кто предупредил о готовящемся ударе?

– Я.

– Ну, вот. Будь ты связан с техносом, вел бы себя иначе.

– Такое ощущение, что ты сейчас убеждаешь сам себя.

– Может, и себя, – легко согласился Апостол. – Мы многого не понимаем в происходящем. Тычемся, как слепые котята. А я хочу ясности!

Выживать мы кое-как научились, теперь пора бы уже… взрослеть, что ли? Глаза понемногу открывать, не тупо биться с техносом, а изучать его. Иначе очередной сюрприз, им преподнесенный, станет для нас последним. Такая логика тебе ясна?

– Я в ней какое место занимаю?

– Важное. Особенно теперь.

– После того, как ты на сталтехах клеймо увидел?

Апостол кивнул, извлекая третий армган.

– Самое ценное в нашем мире – это информация. А ты ею владеешь. Сознательно ты ее, может, никогда и не вспомнишь, но если согласишься на мнемотехническое вмешательство, мы многое сумеем понять. Только не думай, что над тобой экспериментировать станут. Процедура проверенная, отработанная на практике. И проводить ее будет единственный в своем роде специалист, которому ты, как я надеюсь, доверяешь.

– Приор Глеб?

– Нет. Дарлинг. Только она умеет считывать память, не повреждая при этом рассудок. У остальных пока не получается. Что скажешь, Егор?

Аскет задумался.

Меньше всего ему хотелось подвергнуться мнемоническому вмешательству в свое сознание, но и иного способа узнать, где он провел четыре года реального времени, что с ним случилось, откуда появилось клеймо на плече и каким образом он связан со странными, не похожими на прочую нежить сталтехами, он не находил.

Жить, подозревая, что где-то в глубинах рассудка гнездится внедренная туда воля бездушных машин? Получить однажды неумолимый приказ к действию и стать марионеткой? Или снять все подозрения и остаться самим собой?

Трудный, но неизбежный выбор.

– Я согласен, – глухо произнес Баграмов. – Как только позволят обстоятельства – возвращаемся в Орден.

– Держи. – Апостол протянул ему один из армганов. – Рад, что ты правильно меня понял. Через пару минут пойдем.

– Что, еще один излучатель будешь снимать? – Егору, как ни странно, от принятого решения стало легче, спокойнее на душе.

– Нет, лишний вес при прорыве нам ни к чему. Тут устройство непонятное. Никогда такого не видел… – Он извлек из развороченного чрева механоида продолговатую пластину с несколькими микрочипами и миниатюрным автономным источником питания. – Не знаешь, что это может быть?

Аскет задействовал импланты.

– Непонятно, – спустя некоторое время ответил он. – Чипы не активны. Питание к ним идет, но…

– Ладно, после разберемся. С собой захвачу. – Апостол прислушался к отдаленным звукам, прорывающимся в подземелье с поверхности. – Всё не угомонятся там никак… Сейчас Саида напрягу, пусть пацанов в чувство приводит. Будем с боем прорываться, дальше отсиживаться тут смысла нет.

– Прежде чем идти в прорыв, допросим Сафронова, – категорично заявил Аскет. – Он что-то знает о скоргах, но боец из него – никакой. Погибнет случайно, потом себе не простим.

– Быстро ты все схватываешь, Егор.

– Жизнь учит.

Новосибирская зона отчуждения.

Руины Академгородка

Мрак подземелий, густой, вязкий, враждебный и осязаемый, для хорошо подготовленного сталкера – не помеха, а союзник.

Титановая Лоза не опасалась узких, изогнутых и изломанных подземных коммуникаций. Уже не в первый раз за три последних месяца она проникала в наиболее пострадавшие при Катастрофе пятьдесят первого участки бункерных зон, когда-то соединенных между собой в единый подземный город, о существовании которого знали немногие.

Для гостей из-за рубежа, прессы, студентов, проведения официальных мероприятий предназначались комплексы наземных сооружений Академгородка, а здесь, под землей, в глубоко эшелонированных бункерах, проводились секретные исследования, разрабатывались, претворялись в жизнь и проходили обкатку наиболее передовые проекты и технологии.

Тектонические сдвиги земной коры разрушили продуманную систему коммуникаций, повлекли за собой цепь техногенных катастроф и мелких аварий, причинивших структуре подземного города немалый ущерб, к тому же во время первой пульсации сюда проникли волны аномальной энергии, имеющей свойство воздействовать на конструктивные материалы, размягчая сталь и бетон.

В итоге подземный город оказался фрагментированным, искаженным, многие его секторы и даже целые комплексы лабораторий превратились в пыль, секретные хранилища, куда помещались опытные образцы разнообразной техники, каким-то образом выворотило из-под земли и «вычистило» пульсациями.

Пробираясь через опасные, грозящие обвалами, полные ловушек подземелья, образовавшие запутанный лабиринт, Дарлинг старалась придерживаться маршрута, которым четыре года назад отсюда бежала горстка ученых, выживших при Катастрофе. Их сопровождали несколько военных. Вел группу беглецов, не принявших идей Ковчега – первой зародившейся в условиях Пятизонья группировки, – некто Савва – ныне известный среди сталкеров под именем командора Хантера.

Дарлинг искала сектор крионики.[6]

Две предыдущие попытки завершились безуспешно.

Зачем Титановая Лоза раз за разом подвергала себя смертельному риску, проникая на подконтрольную Ковчегу территорию?

Она искала разгадку тайны своего прошлого.

Вновь и вновь сверяясь с электронной картой, которую составили командор Хантер и Приор Глеб, она упорно продвигалась по разрушенным коридорам, стремясь в точности повторить путь горстки беглецов, но пока – безуспешно. Некоторые тоннели, отмеченные на вычерченной по памяти схеме, уже обрушились, другие, под воздействием сотен пульсаций, сместились, изменили направление, но Дарлинг не сдавалась.

Она была уверена, что наполовину разрушенный сектор крионических лабораторий не исчез, его не стерли, не обратили в прах титанические силы землетрясений.

В очередной раз свернув, она увидела бледный свет, проникающий сквозь пролом в плавно изгибающейся стене тоннеля.

Опять вышла к обжитым подземельям, – с досадой поняла Дарлинг.

Задействовав импланты, Титановая Лоза замерла, сканируя частоты мью-фона, обратившись в зрение и слух.

За истончившейся в районе обвала стеной слышался топот ног, бряцанье оружия, голоса.

По некоторым признакам, в смежных помещениях располагались казармы, где проживали егеря, в основном – рядовые боевики Ковчега, не обладающие специализированными способностями. Им вживлялись лишь метаболические колонии скоргов, такой уровень имплантации считался базовым, достаточным, чтобы боевик начал служить группировке, усердно проявляя преданность идеям бесноватого Хистера.

Дарлинг не собиралась сейчас перебирать в уме запутанную иерархию Ковчега. Критерии, по которым тут оценивались поступки сталкеров, казались ей отвратительными. За маской идеологии «зеленых», под прикрытием идеи возрождения уничтоженной в Пятизонье биосферы,

на самом деле скрывался грязный бизнес, замешенный на принудительных имплантациях. Здесь проводились бесчеловечные, даже по меркам Пятизонья, эксперименты, разрабатывались и внедрялись в серийное производство импланты, регулярно попадающие на сталкерские рынки, – так Ковчег пополнял свои ряды. Относительно дешевые устройства, не требующие мнемотехнического вмешательства при вживлении, на самом деле являлись ловушкой для «мотыльков» – в большинстве случаев они внезапно отказывали примерно спустя три-четыре месяца, и молодые сталкеры, обращаясь к производителю, попадали в лаборатории Ковчега, откуда для них существовал лишь один выход – в казармы новобранцев.

Сориентировавшись, Дарлинг неслышно скользнула вдоль стены и подобралась ближе к пролому.

Она не опасалась обнаружения. Еще несколько минут назад, заметив проблеск света в кромешном мраке, Титановая Лоза закрылась вуалью искажения. Под воздействием излучения специализированных имплантов окружающий ее воздух чуть уплотнился, обеспечивая защиту от визуального обнаружения. Несколько датчиков системы тревожной сигнализации, расположенных подле пролома в стене, она обезвредила, проведя нехитрое мнемотехническое вмешательство.

Задержка поначалу раздосадовала ее, но, подкравшись ближе, прислушавшись к голосам, а затем проникнув в мью-фонную сеть, Титановая Лоза внезапно поняла, что в отчужденных пространствах происходят значительные события, которые она пропустила, находясь в режиме автономного поиска, глубоко под землей.

Данные, полученные из мью-фонной сети Ковчега, поначалу ошеломили ее.

Военные нанесли массированный ракетно-бомбовый удар по постройкам техноса в Пустоши.

Произошла очередная пульсация.

Эти сообщения встревожили Дарлинг, но ее ближайшие планы пока не изменили. «Выходить отсюда на связь с Орденом – слишком рискованно. Бросать поиски, когда цель кажется близкой, как никогда ранее, – глупо. Что там натворили военные, зачем вдруг ударили по Пустоши, разберусь позже. На экстренных частотах никаких условных сигналов от Ордена не поступало, значит, ситуация терпит». Она собиралась вновь углубиться во мрак подземелий, когда услышала разговор двух командиров боевых групп, только что получивших экипировку и оружие.

– Опять поспать толком не дали! – зло пожаловался один. – Только тамбур после пульсации зачистили, и на тебе, снова по тревоге подняли…

– Не ворчи, Клаус. Прекрасный случай проявить себя, – ответил второй. – Лично я постараюсь не упустить шанс.

– Ты о чем, Ганс?

– Ты разве не слышал?

– Да я только что с зачистки вернулся! Полчаса как экипировку сдал! Если ты про удар, что нанесли по Пустоши, так эта афера провалилась. Силы вторжения пульсацией по всему Пятизонью разбросало. Нам при зачистке два трупа попались. Армия Евросоюза. Нашли себе забаву – с техносом воевать. Только народ угробили, придурки…

– Да не о том речь! Помнишь, месяца три назад Хистер охоту за каким-то спецназовцем устроил?

– Это когда наши в Сосновом Бору полегли?

– Да.

– Так тот спецназовец погиб. За ним тогда все охотились, и вольные сталкеры, и технос. Вообще история мутная.

– Снова он объявился. Из Пустоши один из наших после пульсации выбрался. Ты знаешь его, Дитрих, командир шестнадцатой группы. Я сам видел, как его в бункер к Хистеру водили. А потом по тревоге всех подняли.

– Ну и что?

– Я подождал, пока Дитрих от босса выйдет. Мы с ним приятели, если помнишь. В общем, расспросил – говорит, что действительно, вроде тот самый спецназовец, только он имя сменил да умом маленько тронулся. Весь имплантированный, отморозок, сталтехов чуть ли не голыми руками ломает. С ним еще ученый какой-то да двое пацанов из питерских проводников. В общем, Хистер, по словам Дитриха, аж затрясся, когда все это узнал. Представляешь, какой уникальный случай?! Технос в Пустоши плазменными ракетами да вакуумными бомбами напрочь выжгло, городища разрушены, сталкеры попрятались, кто выжил. Считай, что на прогулку идем. А награду за этого спецназовца Хистер еще в прошлый раз обещал неслабую!

– Да, действительно. Интересный расклад. А хоть известно, где они?

– Дитрих сказал – неподалеку от тамбура, в подземельях. Там, правда, он еще адептов Ордена встретил, ну да справимся как-нибудь. Главное – этого отморозка и ученого живыми взять…

Голоса постепенно начали отдаляться.

По коридору то и дело пробегали рядовые боевики Ковчега, экипированные по полной боевой, в защитных костюмах, даже шлемы им выдали, видимо, действительно в Пустошь собрались…

Дарлинг подобралась ближе, к самому краю пролома.

На душе стало тревожно.

Адепты Ордена в Пустоши… Речь могла идти только о Саиде с Апостолом. Именно они искали исчезнувшего в Сосновом Бору Баграмова.

Новая информация резко меняла планы.

Нужно предупредить своих, не дать боевикам Ковчега даже шанса выйти на след Егора. Для Дарлинг он оставался, пожалуй, единственной ниточкой, ведущей к потерянному прошлому. Да и для Ордена жизнь Баграмова имела исключительную ценность.

Проблема – как попасть в Пустошь, учитывая, что времени в обрез, а тамбур Новосибирской зоны сейчас наводнен боевиками Ковчега?

Тактика силового прорыва в данном случае неуместна. Дарлинг трезво оценивала предел своих способностей. На поиск Баграмова Хистер отправит не только рядовых боевиков, – ситуация исключительная, значит, группы пойдут в полном составе – три стрелка, мнемотехник, метаморф и бионик.

Сколько человек Хистер намерен бросить на прочесывание Пустоши, оставалось лишь догадываться, но никак не меньше полусотни.

Мысленно зайдя в тупик, Титановая Лоза изменила подход к проблеме. Если невозможно действовать силой, нужно брать хитростью.

Мимо по коридору как раз пробегал один из рядовых боевиков.

Дарлинг, мгновенно приняв решение, внезапно появилась в проломе стены, за спиной ничего не заметившего егеря, схватила его за горло (шлем он надеть не успел, нес на согнутой в локте руке) и рывком затащила придушенного боевика в сумеречную зону разрушенных коммуникаций.

Чтобы тот, внезапно очнувшись, не поднял тревогу, Титановая Лоза безжалостно вторглась в работу его метаболического импланта и, только надежно вырубив егеря, принялась быстро снимать с него экипировку.

Через пару минут, сменив бронекостюм Ордена на черную униформу Ковчега, она оглянулась.

Егерь лежал без движения, резко замедлившиеся процессы жизнедеятельности погрузили его в бессознательное состояние как минимум на сутки. «Если повезет, то тихо скончается», – подумала Дарлинг, надевая шлем. Выжить егерю она не пожелала из сострадания. Любой из проштрафившихся боевиков группировки попадал в секретные бункеры, где мнемотехники Хистера проводили эксперименты с колониями скоргов, пытаясь создать универсального солдата, а такой судьбы не пожелаешь и врагу.

Выйдя в коридор, Дарлинг уверенно направилась в глубь обжитых

бункеров, где уже строились полностью экипированные, готовые к выходу боевые группы Ковчега.

Отыскать свое место в строю ей помог окрик одного из командиров:

– Райбен, где ты шляешься, тормоз?!

Дарлинг ничего не ответила, лишь спешно присоединилась к группе.

Чип, вшитый в экипировку, сработал безотказно, теперь она знала свой позывной, дымчатое забрало боевого шлема скрывало лицо, к тому же она изменила опознавательный код, излучаемый метаболическим имплантом, уже ничем на первый взгляд не выделяясь из массы поднятых по тревоге боевиков.

– Так, – командир группы встал напротив, заложив руки за спину. – Выдвигаемся к тамбуру, в темпе! Маркеры настроить на Пустошь! Остальные инструкции получите на месте! Бегом марш!

Пустошь. Подземелья техноса.

В трех километрах от руин атомной станции…

Вернувшись в пещеру, Апостол занялся трофейными армганами, адаптируя их к режиму ручного управления при помощи набора нехитрых мнемотехнических устройств, которые всегда носил при себе на случай, если придется пользоваться демонтированными с механоидов типами вооружений. Саид даже не оглянулся на шум, он неподвижно сидел подле Монгола, приложив ладони к вискам юного сталкера.

Аскет подсел к Сафронову.

– А теперь давай поговорим начистоту, Олег.

– О чем? – насторожился тот.

– Обо всем, что тебе известно относительно эволюции скоргов.

– Почему сейчас? – растерялся Сафронов, прижимая кусок ткани к кровоточащей ране.

Его мутило. Избежав одной опасности, которая казалась самой неотвратимой, он подверг себя другим, еще более страшным испытаниям, к которым, как выясняется, готов не был. Где они, исследования таинственного мира, что так сильно влекли его? Где неограниченная свобода, где внутреннее обновление, на каком этапе он должен был освободиться от груза прошлого, став исследователем аномальных пространств, полностью независимым в своих поступках и суждениях? Он посмотрел на дрожащие кончики собственных пальцев, скривился.

Неужели, чтобы проверить свои предположения, довести их до стадии *открытия*, ему вновь и вновь придется лезть в самое пекло, рисковать,

убивать… или погибнуть?

Там, за Барьером, он совершенно иначе представлял себе начало новой жизни…

– Что вы ко мне прицепились?! – Олег плотнее прижал к руке окровавленную тряпку, едва не вскрикнув от внезапной вспышки жгучей боли.

– В наш мир вторгаются машины. – Аскет взглядом указал на тела сталтехов. – Если они – очередная ступень эволюции скоргов, мы должны понять, как с ними бороться!

– А если нет? – Сафронов тянул время, пытаясь найти хоть какой-то выход из внезапно сложившейся тупиковой ситуации. Он явно переоценил свои возможности, готовясь начать новую жизнь в Пятизонье. Но что же делать теперь? Назад пути нет, инъекция отрезала прошлую жизнь, сделала ее безвозвратно утраченной.

«Что у меня осталось? Только мои знания. Если я сейчас выложу все, кому я буду нужен?»

– Я не стану ничего рассказывать, – со внезапной дрожью произнес он, обращаясь к Аскету. – Ты обещал отправить меня в Цитадель Ордена. Вот там и буду говорить.

– Олег, сейчас нет времени на торг. Прекрати трястись. Тоннель завалило. Выход только один – двигаться в сторону АЭС, в самое пекло. Неизвестно, дойдем ли, – хмуро уточнил сталкер. – Так что рассказывай все, что знаешь. Кто-то из нас выживет и донесет информацию.

– Куда и кому? – бесцветным голосом переспросил Сафронов.

– В Орден.

– Разве ты не вольный сталкер? Или я ошибаюсь, Аскет?

– Это не имеет значения. Орден – единственная группировка в Пятизонье, которая по-настоящему изучает аномальные пространства, а не пытается снять накипь, выдавая ее за сливки! Ты должен был заметить – началась война. А на войне как на войне… – Аскет выпрямился, поигрывая ножом.

– Апостол, скажи ему, что Орден гарантирует защиту. – Взяв себя в руки, он отошел от побледневшего майора.

Адепт кивнул.

– Сафронов, не сомневайся, мы тебя не бросим подыхать тут. Но не заставляй нас прибегать к крайним мерам.

Олег с тоской взглянул на него. Жгучий стыд, презрение к своей слабости лишь на секунду обдали, будто кипятком.

– Вы гарантируете мне нормальные условия для работы в обмен на

информацию? – все же выдавил он, продолжая торг.

Апостол кивнул.

– Если выживешь, – уточнил сталкер. – Я обещаю защищать тебя по пути к тамбуру, но не могу гарантировать от случайностей. Когда доберемся до Цитадели Ордена, ты получишь все условия для нормальной жизни. По меркам Пятизонья, конечно.

Сафронов понимал, сейчас ему предложили единственную возможность выйти из ситуации с наименьшими моральными и физическими потерями. Он много слышал об Ордене Сталкеров, знал, что его Приоры и адепты слов на ветер не бросают.

– Хорошо, – наконец решился он. – Я расскажу все, что знаю. Но предупреждаю, моя информация – это теория, подтвержденная лишь частично.

– Не важно. Говори. Мы дорожим любыми сведениями, касающимися техноса.

Сафронов тяжело вздохнул.

– В принципе, там, за Барьером, мои открытия, вероятно, уже не новость, – начал он.

– Ты кому-то успел все рассказать? Или передал материалы исследований?

– Нет. Свои изыскания я сохранил в тайне. Иначе меня бы быстро нашли.

– Даже так? – Аскет удивленно приподнял бровь. – Кто?

– Спецслужбы, – ответил Сафронов.

– Ты не переоцениваешь собственную важность? – усмехнулся Апостол. – Что же за открытие ты сделал?

Сафронова задел сарказм сталкера, и он запальчиво воскликнул:

– Это вы в Ордене себя переоцениваете! Иначе давно бы додумались, откуда взялись скорги!

– Ну, ты говори, мы слушаем.

– Я изучил многие колонии примитивов, – справившись со вспышкой раздражения, начал Сафронов, – и могу утверждать, что они имеют очень много общего с наномашинными комплексами, над созданием которых когда-то работала моя группа!

– Хочешь сказать, что скорги – это нанороботы, разработанные на Земле? – скептически уточнил Аскет.

– Логично предположить, что дело обстоит именно так! – обернулся к нему Сафронов. – Те, кто пытается изучать Пятизонье, совершают одну и ту же ошибку. Они не отделяют Катастрофу от появления скоргов, считая

все происходящее одним явлением!

– Это не так?

– Возникновение аномалий в гравитационном поле Земли и эволюция техноса в отчужденных пространствах – явления абсолютно разные, хотя и тесно связанные между собой! – Сафронов взглянул на сталкеров, понимают ли они высказанную мысль?

Апостол, перехватив его взгляд, возразил:

– Если рассуждать логически, используя очевидные факты, то ты не прав. Когда на вторые сутки после Катастрофы группы спецназа проникли в Пятизонье, они столкнулись с уже сформированными, развитыми колониями скоргов. Заросли металлорастений, захваченная и модифицированная техника, множество людей, инфицированных «серебристой проказой». Не вижу изъяна в логике исследователей! Скорги появились в нашем пространстве в момент образования Пятизонья. Они – чуждая форма жизни, вторгшаяся извне!

– Общее заблуждение! – резко возразил Сафронов. – Некоторые выводы вроде бы лежат на поверхности. Очень велик соблазн сложить два и два, получив результат, который ничего не объясняет, а лишь заводит в тупик! Проблема в том, что разработки, ставшие основой современного техноса Пятизонья, являлись сверхсекретными. Вся документация по ним утрачена, большинство специалистов, работавших над перспективными проектами, погибло.

– А ты выжил? – уточнил Аскет.

– Да! Я работал в четырнадцатом спецкомплексе Новосибирского Академгородка! – запальчиво ответил Сафронов. – Незадолго до Катастрофы ушел в отпуск. Повезло.

– Хорошо. – Апостол чуть сбавил тон. – Продолжай. Объясни, чем вы там занимались. Только вкратце, языком доступных понятий.

– Проект «Прометей»… – начал Сафронов.

– Я же просил – коротко и ясно! – сразу же прервал его адепт.

Майор растерялся. Как можно в двух словах выразить суть многолетней работы целого коллектива ученых?

Ему на помощь неожиданно пришел Аскет.

– Паша, не напирай. «Прометей» – это глобальная, долгосрочная программа, включавшая несколько промежуточных этапов – от разработки лунных месторождений полезных ископаемых к созданию внутрисистемной колонии на Марсе и дальнейшему развитию космических технологий. Конечный этап – подготовка первого межзвездного пилотируемого полета.

– Ты в курсе? – покосился на него Апостол.

– Только в общих чертах, – ответил Егор. – Нас знакомили с некоторыми достижениями в области передовых технологий.

Сафронов, получив неожиданную моральную поддержку, приободрился.

– Вы должны понять: первый внеземной колониальный проект требовал от техники высочайшей степени надежности! Перед нами поставили очень сложное задание: разработать принципиально новые, не имеющие аналогов наномашинные комплексы, способные решать проблемы текущего ремонта, добычи ресурсов, а также защиты астронавтов от воздействия окружающей среды чуждого человеку мира!

– Хорошо. Давай поговорим о работе твоей команды. – Апостол присел, положив на колени уже приведенное в боевую готовность оружие. – В частности, о нанороботах.

Сафронов некоторое время молчал. Боль в руке не давала собраться с мыслями.

– Очень сложно описать саму технологию, – наконец заговорил он. – Возьмем, к примеру, ремонтные микромеханизмы. Если говорить коротко, мы создали агломерации микроскопических частиц, способных восстанавливать любые узлы и агрегаты колониальной техники. По отдельности нанороботы не представляли собой ничего особенного, каждая из универсальных частиц – мы называли их «нанитами» – обладала лишь функцией самоподдержания и была запрограммирована на поиск себе подобных для дальнейшего взаимодействия в рамках более сложной структуры. Количество наномашин, достаточных для образования устойчивой агломерации, исчислялось миллионами. Соединившись, они использовали любые доступные источники энергии для активации основной функции – поиска ближайшего механизма, анализа его технического состояния и последующего внедрения в носитель.

– Они внедрялись с определенной целью? – уточнил Апостол, хмуро обдумывая неожиданную информацию.

– Конечно, – кивнул Шелест. – Каждая элементарная микрочастица оснащалась микромодулем постоянного запоминающего устройства. Образуя колонию, миллионы микромашин объединяли информацию, выстраивали сложную структуру, обладающую не только обширными базами данных, но и конкретными программными задачами. Например, колония ремонтных нанитов, обнаружив какой-либо механизм, анализировала его состояние, и если вмешательства не требовалось, оставалась статичной, просто прикрепляясь к нему.

– Ну а если анализ указывал на наличие повреждений? – Аскет исподлобья взглянул на Сафронова.

– В таком случае колония нанороботов приступала к ремонту.

– Каким образом?

– Полноценный наномашинный комплекс сложен и многофункционален. Составляющие его наниты способны создавать временные конфигурации, чтобы детально сканировать «подопечный» механизм. При обнаружении неисправности поврежденный агрегат или узел сначала моделировался виртуально, затем ремонтная агломерация приступала к устранению поломки. При этом часть микрочастиц использовалась в качестве конструктивного материала для ремонта, – обстоятельно пояснил Сафронов. – Места повреждений заполнялись микромашинами, из них же заново воссоздавались утраченные детали.

– Хорошо. Допустим, поврежденный механизм отремонтирован. Что произойдет с колонией наномашин?

– Она прикрепится к отремонтированному носителю. – Сафронов постепенно втянулся в разговор, уже почти не обращая внимания на боль в руке. – Вы поймите, речь ведь шла о подготовке освоения иного мира! В идеале, каждый планетарный механизм в процессе эксплуатации обретал своего микромашинного «хранителя» – колонию наночастиц, маленькое ртутное пятнышко, которое активировалось и начинало действовать только в том случае, если носитель получал повреждения.

– Почему их не внедряли в технику сразу?

– Я не знаю, как планировалось поступить. Начало работ по терраформированию Марса – это далекое будущее. Перед нами ставили конкретную задачу, наверняка усложненную, – разработать универсальную, самодостаточную схему техподдержки. При этом подразумевалось, что ремонтные микромашинные комплексы будут воспроизводиться уже в условиях колонизируемой планеты.

– Интересно рассказываешь. – Апостол машинально постукивал пальцами по трофейному армгану. – Ладно. Какие еще типы наномашин вы создавали?

– Ресурсодобывающие, метаболические, управляющие и, наконец, колонии нанороботов, способных производить элементарные частицы для четырех предыдущих видов.

– И на какой стадии находились разработки к моменту Катастрофы?

– На разных. Ресурсодобывающие колонии оказались наиболее простыми. Наниты внедрялись в грунт и абсорбировали частицы металлов, постепенно умножаясь в числе, как бы «прорастая» к поверхности, где их

подбирали перерабатывающие механизмы. Они успешно прошли испытания, и их штаммы были законсервированы в хранилищах Академгородка. Наибольшую сложность представляли метаболические агломерации нанороботов. По замыслу, каждому из астронавтов предстояли инъекции наномашинных комплексов. Обращаясь в крови человека, микрочастицы должны были принимать участие в биохимических процессах, стать симбионтами, получая энергию от организма, а в обмен поддерживать жизнь астронавта, бороться с экзовирусами, нивелировать агрессивные воздействия окружающей среды, уничтожать очаги известных науке заболеваний.

– И как далеко вы успели продвинуться в их разработке?

Сафронов неожиданно пожал плечами.

– У меня нет полной информации по всем штаммам. Наша группа занималась несколькими проектами одновременно. Лично я участвовал в разработке универсальных нанитов, которые являются первоосновой любого микромашинного комплекса, вне зависимости от его будущей специализации.

Апостол недобро взглянул на Сафронова.

– Как же ты в таком случае сумел разработать метаболическую колонию, действуя в одиночку, на кустарном оборудовании?

Майор невесело усмехнулся:

– Жизнь заставила. Вернее, болезнь. По большому счету для создания специализированного микромашинного комплекса необходимо лишь определенное количество элементарных нанитов и устройство, при помощи которого колония программируется на определенную функцию.

– Ладно. Допустим. – Апостол напряженно размышлял над полученной информацией. – А как предполагалось создавать эти самые элементарные микрочастицы?

– В лабораториях?

– Нет. В идеале. В условиях другого мира, как ты сам выразился.

– Мы внесли некоторые изменения в схему организации ресурсодобывающих колоний, внедрили в них модули копирования, которые, используя добытые металлы, должны были воспроизводить элементарных нанороботов, упаковывая их…

– В оболочку н-капсул? – скептически хмыкнул Апостол. – Извини, Сафронов, ты действительно складно все рассказываешь, но не могли ваши наномашины эволюционировать в технос Пятизонья?!

– Почему не могли?

– Вы довели хотя бы один тип нанитов до стадии полной готовности к

применению?

– Нет. Все остановила Катастрофа.

– Вот видишь. А командор Хантер, к примеру, был инфицирован скоргами в первую ночь после образования Пятизонья!

– У нас имелись опытные образцы! – запальчиво возразил Сафронов. – Мы называли их «штаммами колоний». Разные модификации, различной степени готовности и успешности! Их всех объединял лишь один непременный признак – функция самоподдержания, она программировалась в каждую элементарную частицу! – Сафронов упорно отстаивал свою точку зрения. – Поймите же, наконец, мы готовили микромашины к работе в условиях иного мира! Решая технические задачи, мы не исключали наихудшего сценария, например аварии комического корабля при посадке, когда техника повреждена, а экипаж находится в специальных камерах поддержания жизни. В такой ситуации главной, объединяющей задачей для всех микромашинных комплексов было бы сохранение функциональности, затем – восстановление и даже преумножение своей численности, чтобы впоследствии они могли бы приступить к ремонту космического корабля и находящейся на борту техники! – Сафронов попытался жестикулировать, но резкая боль пронзила руку, и он снова привалился к стене. – Я исследовал множество н-капсул. Содержащиеся в них колонии скоргов сочетают в себе фрагменты сотен различных наномашинных комплексов! Виной всему – первая пульсация. Она перемешала наниты, законсервированные в хранилищах Академгородка, создала новые, с первого взгляда абсолютно бессмысленные и нежизнеспособные сочетания микророботов…

– Вот видишь. Сам сказал – нежизнеспособные. – Апостол упорно не желал верить, что все беды, с которыми ему приходилось сталкиваться за годы жизни в отчужденных пространствах, связаны с достижениями высочайших технологий нашей собственной цивилизации. Скорги из полумистических, враждебных, непостижимых созданий стремительно превращались в нечто опасное, но вполне объяснимое…

– Произошла техническая мутация! – повысив голос, огрызнулся Сафронов. – Некоторые из синтезированных пульсацией колоний все же оказались функциональными! Откуда мне знать, какое количество различных штаммов наномашин содержали хранилища Академгородка?! Работы шли непрерывно на протяжении последних пятнадцати лет! Реально там могли храниться миллиарды различных, уже запрограммированных колоний – плоды успешных и неудачных экспериментов, законсервированные либо для истории, либо «до лучших

времен», когда новые технологии позволили бы вернуться к их доработке! И все это было перемешано между собой, выброшено в иное пространство, где у большинства нанитов активировалась функция самоподдержания!

– И со следующей пульсацией они вернулись? Уже сформировав устойчивые сообщества, готовые захватывать носители, эволюционировать, паразитировать на людях, превращая их в сталтехов, создавая из сгоревших, изувеченных машин технических монстров?! – недоверчиво проговорил Апостол.

– Да, – упрямо настаивал Сафронов. – Я понятия не имею, что представляет собой ваш таинственный Узел, могу лишь предположить, что свойства времени там иные! Нравится это кому-то или нет, но скорги – детище нашей цивилизации! Тому есть доказательства! Создавая метаболическую колонию, я использовал в качестве рабочего материала только н-капсулы, купленные на черных рынках! Мне удалось выделить из них достаточное количество «чистых» нанитов! А наличие у сталкеров таких приборов, как излучатель и кодировщик, разве ничего не доказывает?! Используя эти устройства, мастера-мнемотехники успешно воздействуют на скоргов, ограничивая их самовоспроизводство и программируя на выполнение определенных функций! Если бы технос имел внеземное происхождение, то созданные на Земле устройства никак не влияли бы на него или воздействовали бы неадекватно!

– А ты не думал, что устройства, используемые мнемотехниками, были занесены на нашу планету так же, как и колонии скоргов, при первой пульсации Узла? – мрачно спросил Аскет.

– Нет, – отрезал Сафронов. – Эти приборы мне отлично знакомы! Я работал с ними еще в Академгородке!..

Апостол и Аскет переглянулись.

Оба попытались, но не смогли мысленно опровергнуть последние утверждения Сафронова, а он лишь подлил масла в огонь:

– Я понимаю: мои слова ничего не стоят без исходных штаммов микромашин, необходимых в качестве эталона, для сравнения! Но можно попытаться их отыскать! Не верю, что все хранилища Академгородка разрушены…

«Не верит он…» – Апостол встал.

– Саид, что у тебя? – спросил адепт, стараясь не показать, сколь сильно его замешательство и потрясение. Сафронова надо вытаскивать отсюда. Живым. Без вариантов.

– Еще несколько минут, – ответил Саид.

– Они сами смогут идти?

– Еще не знаю. Надеюсь, что смогут.

– У меня есть стимуляторы! – Сафронов потянулся к кейсу. – Мера временная, но эффективная.

– Давай. – Апостол замер, прислушиваясь к отзвукам постепенно стихающего боя. – Сейчас все средства хороши, лишь бы прорваться к тамбуру, – добавил он.

Глава 7

Пустошь. Тамбур

– Райбен, ты куда! Назад, скотина!

Отсвет микропульсации, сопровождавшей переход боевых групп Ковчега в пространство Пустоши, мгновенно потонул в зловещем пламени настоящей битвы, кипевшей в границах тамбура.

Титановая Лоза действовала стремительно. Первые мгновения после перехода из одного пространства в другое особенно тяжелы, тело отказывается слушаться, разум рвет неистовая боль, но в этот раз все происходило иначе: полыхающий вокруг бой, мгновенное осознание, что все они угодили в самое пекло какой-то схватки, заставили двигаться, мыслить, невзирая на адские постэффекты мгновенного перемещения между пространствами.

Она рванулась в сторону, вслед хлестнул окрик командира группы, но Дарлинг не собиралась и дальше выдерживать роль, ей было достаточно показаний имплантированных сканеров, чтобы понять: в Пустоши происходит нечто выходящее из ряда вон, на проекционном забрале защитного шлема система распознавания целей вычерчивала какие-то фантастические контуры, пытаясь идентифицировать неизвестные типы механических существ, сошедшихся в схватке за тамбур.

Узел выбросил Титановую Лозу вместе с группой боевиков Ковчега у подножия монументальных построек атомной станции. Все обозримое пространство тонуло в плотной дымопылевой завесе, разрываемой сотнями яростных вспышек. Лазерные разряды, очереди автоматических импульсных орудий, удары СВЧ-генераторов, создающие пятна плазмы, терзали землю и здания, порождая ощущение абсолютного хаоса, какого-то буйства неуправляемой стихии, вознамерившейся уничтожить саму реальность.

Для отчужденных пространств масштабные боевые действия – редкость. Неудивительно, что в подавляющем большинстве боевики Ковчега, вообще не ожидавшие встретить сопротивление, отправившиеся на *охоту* за несколькими сталкерами, растерялись. Группы мгновенно распались, каждый старался занять доступное укрытие, но бушевавший в границах тамбура бой практически не оставлял шансов выжить. Дарлинг, оценив поступающие данные, все же сумела понять, что тут в смертельной, непримиримой схватке сошлись невиданные ранее исчадия техноса.

Несколько разновидностей механоидов, похожих на металлических стрекоз, атаковали с земли и с воздуха, им противостояли необычного вида сталтехи, вооруженные армганами и тяжелыми генераторами сверхвысокочастотного излучения.

Дарлинг, пробежав вдоль стены здания, резко присела, вскинув «ИПП» «Шторм». Импульсный автомат, снаряженный игольчатыми пулями, казался сейчас никчемной детской игрушкой, и она просто забросила его за спину.

Близкий плазменный разрыв ударил сферическим волдырем, дым и пыль отнесло в сторону, на несколько мгновений открыв взгляду фрагмент местности.

Сверху на позиции сталтехов, обороняющихся среди протяженных руин промышленных зданий, волна за волной обрушивались десятки летающих механоидов, вооруженных лазерными излучателями и импульсными курсовыми орудиями. С режущим по нервам шелестящим визгом они перепахивали позиции сталтехов шквалом снарядов, взрывали стены и перекрытия руин потоками когерентного излучения, но человекоподобные машины, разделившись на небольшие группы по три-четыре особи, давали достойный отпор: удары СВЧ-генераторов превращали наседающих тварей в сгустки плазмы, ураганный дождь из высоковольтных электрических разрядов хлестал по земле, поражая наземные типы усовершенствованных исчадий техноса – сотни механических существ попадали под удары молний, взрывались, сгорали, опрокидывались, но их собратья продолжали атаковать, невзирая на потери.

Секунда, и багряная мгла вновь сомкнулась, навалилась со всех сторон.

«Подземелья…» – билась в голове Дарлинг глухая мысль.

Егеря говорили о каких-то подземельях, проложенных техносом в недрах пустоши.

Вырваться из тамбура сквозь пламя неистовой схватки машин – нереально. Отсидеться, надеясь на чудо? Нет…

Титановая Лоза вновь задействовала импланты. Теперь она полностью отключилась от традиционного восприятия окружающего, игнорируя зрение, слух, осязание, сосредоточившись на несвойственных для человека поставщиках информации – специализированных сканерах, напрямую соединенных с рассудком.

Мир мгновенно преобразился, приобрел иные краски, теперь она воспринимала плещущие вокруг энергии, видела все преграды,

отражающие либо поглощающие излучение.

Так и есть… Целая сеть тоннелей под землей. Особенно густо коммуникации наслаивались одна на другую под фундаментами корпусов атомной станции. Ближайшая точка доступа к подземному лабиринту, отмеченная ярким термальным всплеском, располагалась на дне глубокой воронки, буквально в десяти метрах от ее позиции.

Не теряя ни секунды, Дарлинг, ориентируясь по показаниям имплантов, метнулась к обнаруженному провалу.

Судьба боевых групп Ковчега была предрешена и уже не интересовала Титановую Лозу. А вот в причинах схватки машин придется разбираться, но прежде нужно отыскать Апостола и Саида.

О капитане Баграмове она пока старалась не думать. Неизвестно, его ли нашли адепты Ордена? Глупо возрождать надежду. Зачем? Чтобы разочароваться?

Соскользнув по пологому склону воронки, она мягко приземлилась на пол сплетенного из автонов тоннеля.

Наверху бушевал бой, а здесь царила вязкая тьма.

Лишь где-то в отдалении слышался царапающий перестук, словно по тоннелям двигались группы механических созданий.

Отключив часть сканирующих систем, Титановая Лоза оставила работать ультразвуковой локатор и тепловизор.

Мью-фон глухо молчал, и она, избрав произвольное направление, шагнула во мрак, сканируя и занося в память сетку открывшихся перед ней тоннелей.

Пустошь. Подземелья техноса

– Идти-то сможешь?

Монгол кивнул, озираясь.

– Автомат. Где мой автомат? – забеспокоился он.

– Вот чудило, – беззлобно усмехнулся Саид. – Тут твое оружие, не волнуйся. Даже патронов не истратили. Как самочувствие? Что помнишь?

– Всё как в тумане… – Монгол привстал. Его взгляд скользнул по обстановке пещеры, на миг задержался, узнавая Шелеста, затем зрачки питерца вдруг расширились, и он испуганно спросил: – Нас имплантировали?! – Его лицо резко побледнело, осунулось.

– Ты радуйся, что жив остался, – произнес Апостол, протягивая Монголу «АКСУ». – Дорог, как память? На армган махнемся, не глядя?

Монгол недоверчиво взглянул на адепта Ордена.

Жуть, плеснувшая во взгляде юного сталкера, исчезла. Апостол не в

первый раз имел дело с машинальными реакциями только что имплантированных «мотыльков» и знал, как себя вести, чтобы не усугублять психологический шок, а напротив, уводить молодых сталкеров от бьющейся в рассудке мысли: «Меня имплантировали!»

– Держи. – Он протянул Монголу лазерный излучатель. – «Калашников» – вещь надежная, но раритетная, – наставительно произнес он. – С ним тут много не навоюешь.

Монгол принял оружие из рук адепта Ордена, глядя на армган, как на некую награду, предмет посвящения, хотя излучатель, демонтированный с механоида, не нес в себе ничего необычного, разве что запаса энергии в его накопителях было больше, чем у аналогичных армейских образцов.

Апостол прекрасно понимал, как важен для молодого сталкера этот миг. Принимая оружие, Монгол испытывал необъяснимые чувства – как будто за его спиной незримо появилась мощь Ордена, и многое, что тревожило, терзало секунду назад, вдруг стало незначительным.

Для Апостола – несложный жест, а для Монгола и только что пришедшего в сознание Славки-Сухостоя, настороженно наблюдавшего за происходящим, – событие, которое они запомнят на всю жизнь. Нет ничего страшнее, чем остаться один на один с отчужденными пространствами, особенно сразу после имплантации. Если в Ковчеге эксплуатировали именно страх, старательно приумножая его, заставляя сталкеров ощущать себя ничтожеством вне группировки, то Орден предлагал молодым бойцам вновь почувствовать себя личностью во внезапно пошатнувшемся мире, получить знак доверия, осознать, что в момент имплантации жизнь не завершилась, а только началась.

– Это твой. – Апостол протянул Сухостою его армган с перезаряженными накопителями. – Из механоида добыл? Сам?

Славка кивнул, сглотнув от волнения.

– Я в городище был… – сипло выдавил он. – Там такое… Скорги механоидов выращивают, в таких, – он замялся, подбирая слово, – углублениях, что ли? И еще там коконы серебристые, будто из тонкой фольги… В них устройства разные вырастают и оружие…

– Молодец. – Апостол действительно оценил важность только что полученной информации. – Подробно обо всем расскажешь в Ордене. А теперь внимательно меня слушайте. Вот вам три идентификационных чипа и маркер, настроенный на Казантип. Поведете его, – Апостол указал на Сафронова, – через портал. Зона тамбура все еще под контролем механоидов, так что прорываться будем с боем. Вы уходите первыми. Мы вас прикроем. Как только в Щелкинский тамбур попадете, сразу выходите

на связь, бойцы с блокпостов вам помогут. После пульсации мью-фонная связь между пространствами еще не восстановилась, так что передадите на словах, что мы с Саидом задание выполнили, но пока остаемся в Пустоши. Все понятно?

Монгол и Сухостой одновременно кивнули.

– Отлично. Саид, вколи им по стимулятору. Двигаться будем быстро, любая задержка – верная гибель. Запомните, пацаны, ваша задача – уйти из пространства Пустоши. И Шелеста вытащить. На остальное внимания не обращать, ясно?

– Нет. Не ясно. Почему мы бежим, а вы остаетесь? – встрепенулся Монгол.

– Это не обсуждается, – сухо ответил Апостол. – Внимание механоидов мы отвлечем, но у вас будет пара минут, не больше, чтобы добраться до зоны тамбура и активировать маркер.

– Готово. – Саид сделал инъекции стимулятора. – Через минуту подействует. Поднимаемся. Проверяем оружие. Майор, ты несешь свой чемоданчик, в бой не лезешь, понял?

Сафронов кивнул.

– Всё. Погнали!

* * *

Сеть разветвленных тоннелей прошли быстро.

Устройство спутниковой навигации, найденное Аскетом среди экипировки одного из «чистильщиков», сыграло решающую роль при продвижении по подземным коммуникациям. Спутники «Блаккет» поддерживали устойчивую связь с наземным оборудованием, по-прежнему транслируя обновленные данные. Дисплей нанокомпа отображал не только схему проложенных техносом тоннелей, но и изменения в оперативной обстановке, так что сталкеры, выбираясь на поверхность, шли не вслепую.

– Внимание! – Апостол жестом остановил группу. – До зоны тамбура двести метров. Ближе под землей не подобраться, тоннели отсюда уходят вглубь. Бой на подступах к станции, судя по всему, уже затих, но не обольщайтесь. Союзников наверху нет. Славка, Монгол, еще раз повторяю – не тормозите, в бой по возможности не ввязывайтесь, на нас не оглядывайтесь, что бы ни случилось, мы справимся сами.

Молодые сталкеры поочередно кивнули, Сафронов вообще не проявлял эмоций – бледный, напряженный, он, словно узник, ждал, вынесут ему аномальные пространства смертный приговор или все же помилуют?

Саид и Аскет обменялись взглядами.

– Готовы? – спросил Апостол. – Пошли!

Первым из подземелий выбрался Аскет.

…Ледяной безветренный полдень царил над выжженной, почерневшей Пустошью.

Кое-где в бледных, холодных красках еще играли отсветы багрянца, но большинство извержений уже прекратилось, реки лавы остыли, превратившись в твердые наплывы вулканических пород, остекленевшие воронки, образовавшиеся от попаданий плазменных ракет, уже не источали жара, все как будто успокоилось, притихло, лишь обвалившиеся конические сопки по-прежнему дымили, да со стороны единственного уцелевшего городища скоргов доносился монотонный гул.

Сориентировавшись, Аскет метнулся к ближайшему укрытию, понимая, насколько хрупка предательская тишина. Как минимум полтора десятка механоидов разных мастей таились поблизости – импланты фиксировали энергетическую активность как на подступах к атомной станции, так и на фоне ее построек.

Пробежав метров десять, он занял позицию за перевернутым, выгоревшим изнутри корпусом крупного бронезавра.

Под ноги подвернулось что-то мягкое.

Аскет споткнулся, но удержал равновесие, мельком заметив два обгоревших трупа. Остатки тлеющей экипировки указывали, что здесь недавно держали оборону боевики Ковчега.

– Саид, пошел! – Он выглянул поверх укрытия. Его появление не прошло незамеченным – от границ тамбура к позиции сталкера стремительно приближались пять однотипных механоидов, похожих на механических насекомых.

Егор дал короткую очередь из импульсного пулемета, который предпочитал любым другим типам вооружений. В сочетании с имплантами, существенно расширяющими восприятие, «ИПК», обладая высоким темпом стрельбы, в твердой руке опытного сталкера превращался в универсальное, беспощадное оружие, идеально сбалансированное для борьбы с любыми техномонстрами.

Очередь из трех зарядов достигла цели: Аскет метил не в механоидов, а в глыбу бетона между ними. Расчет был точен. Фрагмент железобетонной конструкции разнесло в дымящийся щебень, куски погнутой арматуры ударили, будто осколки, нанося мелкие повреждения механическим тварям, взметнувшееся облако белесой пыли мгновенно блокировало работу их лазеров, предоставляя Саиду возможность беспрепятственно выбраться из

тоннеля и занять позицию.

Разряд армгана, ударивший во фланг механоидам, засвидетельствовал, что адепт Ордена не терял ни секунды из выигранного Аскетом времени. Один из механоидов взорвался, остальные разделились на пары, меняя тактику и направление атаки.

– Апостол, пошел! – Егор в режиме снайперского огня вбивал пулю за пулей в шустрых механических тварей, полностью контролируя ситуацию: он избирательно работал по целям, экономя боезапас и в то же время не давая исчадиям техноса ни мгновения передышки. Одиночные попадания отрывали конечности, взрывали почву под манипуляторами, заставляя покалеченных тварей терять темп, кружить в бесполезных попытках занять укрытие, огрызаться малоэффективными, неприцельными ответными выстрелами.

Пока армган Саида перезаряжался, а Апостол, выбравшись на поверхность, бежал к укрытию, Егор успел обезвредить троих механоидов; последний техномонстр, отставший от группы, внезапно повернул назад, в сторону исполинского вихря, уже стабилизировавшегося после пульсации и медленно вращающегося среди построек АЭС.

Егор выстрелил ему вслед, но из-за плотного, стелящегося вдоль земли облака пыли было невозможно с точностью определить, попал или промахнулся.

– Необычное поведение для жестянок! – раздалось на мью-фонной частоте замечание Апостола.

– Оборону заняли? – удивленно предположил Саид, отслеживая еще две группы сигналов. – С чего бы вдруг им защищать тамбур?

– Они его блокируют, – высказал свое мнение Аскет.

Ситуация осложнилась.

Нестандартное поведение механоидов внезапно поставило перед тремя сталкерами практически неразрешимую задачу. Их явно вынуждали атаковать, толкая на самоубийственный шаг. Втроем зачищать подступы к станции – безумие.

– Как будем действовать? – озадаченно спросил Саид. – Может, прикрыть пацанов и Сафронова искажением?

– Рискованно, – не одобрил Апостол. – Неизвестно, что за сканеры установлены на механоидах.

– А какие варианты? Сидеть и ждать?

– Саид, ты можешь создавать только искажения? – спросил Егор.

– Нет, не только. А что ты задумал?

– Да я тут по сторонам осмотрелся. Вокруг – трупы боевиков Ковчега,

фрагменты механоидов и тела сталтехов-киборгов.

– Ну и что? Я видел, как механоиды со сталтехами схлестнулись. А егеря – чисто в бойню попали.

– Ты запись вел?

– На имплантированный чип кое-что записал.

– Сможешь создать иллюзию? Воспроизвести облик сталтеха?

– Пожалуй, смогу, – подумав, ответил Саид. – Насколько полной делать иллюзию?

– Желательно внедрить в фантом достоверную энергетическую матрицу. У этих механоидов зрение вообще отсутствует или играет вторичную роль. Они мир воспринимают сканерами.

– Ладно. Пару минут мне дайте…

– Работай спокойно. Фантомы направишь в сторону тамбура.

– Егор, что ты задумал? – спросил Апостол.

– Спровоцировать механоидов, – ответил Аскет. – Разве непонятно?

– Думаешь, они клюнут?

Егор лишь мысленно усмехнулся.

– Как сам полагаешь, они тамбур от кого защищают?

– Ну не от нас, явно.

– Ты вокруг внимательно посмотри. Саид абсолютно точно доложил результат разведки. Тут технос бился с техносом. На сталкеров им по большому счету плевать. Егеря получили по собственной глупости. Кто им мешал немного подождать? Зачем полезли?

– Ну, если кого живого встретим, спросим.

– Паша, ты Саида прикрой. А я на другую позицию пошел.

– Только осторожнее.

* * *

Два низкорослых сталтеха появились внезапно. Они как будто материализовались из воздуха, но это не насторожило механоидов, засевших в руинах атомной станции.

Как только их сканеры зафиксировали цель, со стороны полуразрушенных корпусов АЭС вразнобой ударили армганы, но разряды лишь на мгновение исказили контур человекоподобных фигур, пройдя сквозь них, взметнув султаны раскаленной, дымящейся почвы.

Сталтехи (вернее, их фантомы), не реагируя на огонь, медленно брели в направлении тамбура.

Егор, успевший занять выгодную позицию, установил «ИПК» на сошки, сосредоточив все внимание на крышах близлежащих построек.

Так и есть… Два разряда армганов он зафиксировал абсолютно точно, остальные прошли где-то на периферии сознания, но и их черед наступит…

В электронно-оптическом прицеле импульсного пулемета возникла приземистая фигура механоида, приподнявшегося на шести суставчатых конечностях. Он явился лишь на мгновение, открывая себе сектор огня, но Егор успел произвести выстрел.

– Один, – сухо сообщил он через мью-фон.

Фантомные фигуры сталтехов продолжали двигаться к исполинскому вихрю.

Любой из сталкеров уже разгадал бы их истинную природу, но механоиды не обладали способностью к абстрактному мышлению. Их сканеры фиксировали противника, и этого было достаточно, чтобы замысел Аскета удался. Последовал второй залп из армганов, такой же бесполезный, как и предыдущий, еще один механоид, разорванный на фрагменты снайперским выстрелом, рухнул с высоты нескольких этажей, а сталтехи продолжали приближаться к границе тамбура.

– Второй готов… Саид, направь фантомы к укрытию!

Два призрака еще некоторое время двигались прямо, попав под очередной залп, а затем начали забирать вправо, к одиноко торчащим из земли одноэтажным руинам.

– Их семеро! – передал мью-фон подсчет Апостола. – Аскет, механоиды ушли с позиций! Движутся группой в твою сторону!

– Встречу, – сухо пообещал сталкер. – Как только жестянки подберутся ко мне поближе и ввяжутся в бой, выводите пацанов. Они успеют добежать!

– Рискуешь!

– Без вариантов. Справлюсь.

– Я прикрою тебя! – Апостол ушел с позиции, короткими перебежками заходя в тыл группе из семи техномонстров.

– Станцию сканируй!

Фантомы сталтехов тем временем скрылись в руинах зданий. Механоиды устремились следом, теперь Аскет видел их как на ладони.

Первый выстрел разорвал замыкающего. Остальные твари заметались в поисках укрытия, на миг сгрудились, пытаясь протиснуться через какую-то щель в подземелья. Егор, чувствуя, что дистанция позволяет, перевел вариатор темпа стрельбы в положение «автомат», резанул по ним длинной очередью, уничтожив еще двоих и серьезно повредив третьего.

Уцелевшие под кинжальным огнем машины кое-как распределились в небольшой ложбинке и, вжимаясь в землю, начали огрызаться в ответ.

На этот раз лазерные разряды били часто и точно, заставив сталкера в темпе искать новое укрытие.

Пока Аскет менял позицию, в бой вступил Апостол.

– Внутри станции еще пятеро! – сообщил он в промежутке между выстрелами. – Где-то в помещениях, сигналы слабые!

Саид вновь вывел призраков на открытое место, отвлекая механоидов, предоставляя Егору возможность вырваться из-под плотного огня машин.

– Славка, Монгол, Шелест – пошли! – приказал он.

Фантомы двух сталтехов начали истончаться, таять, стоило Саиду лишь на мгновение выпустить их из-под контроля, но это уже не играло решающей роли – Аскет благополучно добрался до укрытия, Апостол держал под контролем выходы из полуразрушенной постройки, двое молодых сталкеров уже бежали к границе тамбура, вслед за ними едва поспевал Сафронов, двумя руками прижимавший к груди кейс с драгоценными образцами метаболических колоний скоргов.

Егор, переместившись в руины здания, от которого остались лишь полутораметровые иззубренные огрызки толстых бетонных стен, вновь наткнулся на тела боевиков Ковчега. Тут полегла целая группа, в полном составе, поодаль, на оплывшем пригорке, валялись фрагменты трех или четырех уничтоженных сталтехов, метрах в двадцати по краю огромной воронки громоздились развороченные корпуса механоидов, некоторые еще дымили, два примитива, из рапторов, очевидно выброшенные в Пустошь недавней пульсацией, деловито копались в грудах покореженного металла, выискивая себе детали для очередного «апгрейда».

«Все возвращается на круги своя…» – внезапно подумалось Аскету. Какие бы силы ни пытались использовать Пятизонье в своих целях, они мало преуспели. Наворотили много, а толку – чуть.

Примитивов он трогать не стал. Некогда ими заниматься, да и зачем?

Стараясь не наступать на трупы егерей, он подобрался к пролому в стене, выглянул наружу.

Славка-Сухостой и Монгол уже пересекли границы тамбура, они находились метрах в двухстах от основания исполинского вихря. Сафронов, споткнувшись, упал, но тут же вскочил, его лицо побагровело от непривычных физических усилий, бывший майор выкладывался, как мог, но все равно продвигался медленно, неуклюже, представляя собой прекрасную мишень.

Этот сталкером уже никогда не станет. Не судьба.

Егор был далек от презрения, даже в мыслях. Возможно, что сегодня они спасли от гибели человека, который еще многое сделает для

цивилизации сталкеров. Хотелось верить в Сафронова. Вообще, выйдя из сумеречного состояния рассудка, многое узнав и пережив за последние часы, Баграмов вольно или невольно начал искать смысл в каждом совершаемом действии…

Сафронов наконец пересек незримую черту, теперь и он находился в границах тамбура, откуда возможен переход в другой регион Пятизонья.

Два механоида, прижатые к земле перекрестным огнем Саида и Апостола, уже ничем не могли помешать двум молодым сталкерам и ученому.

Аскет устало привалился к стене.

Мышцы болели, все тело ныло, словно по нему молотили кувалдой. Все же решение идти в Орден теперь казалось ему правильным. Что толку сжечь себя в схватке за выживание? Нужно когда-то остановиться, разобраться в себе, окончательно понять, кем он стал за месяцы скитаний по диким территориям Пустоши, остановить наконец форсированный режим метаболического импланта…

Он думал, что все закончится здесь и сейчас, буквально через несколько минут.

Зеленоватая вспышка микропульсации озарила руины. Он привстал.

Вихрь едва заметно расширился, ни Монгола, ни Славки, ни Шелеста уже не было в границах Пустоши. Они ушли в Казантип.

Пора и нам.

– Егор, уходим! – раздался по связи голос Апостола. – Мы добили механоидов. Все чисто!

– Иду!

Он успел сделать всего несколько шагов, прежде чем зеленоватый свет еще одной микропульсации озарил окрестности.

Секунда, и подле одного из корпусов атомной станции возникли фигуры низкорослых сталтехов.

Еще одна вспышка.

Еще.

И еще…

На частоте мью-фонной связи внезапно появились помехи. Егор застыл как вкопанный.

Со стороны городища Припять раздался жуткий оглушительный звук, словно титаническую постройку разрывало на части.

Аскет не понимал, что происходит…

С небольшой возвышенности ему было видно, как десятки, если не сотни, разнообразных механоидов покидают выстоявшее под ракетно-

бомбовыми ударами пристанище, устремляясь навстречу пришлым сталтехам, словно технос Пятизонья бросил сейчас в бой свои последние резервы.

Сквозь помехи прорвался искаженный голос Апостола:

– В подземелья… Там встретимся…

Баграмов обернулся.

На дне воронки, по краю которой громоздились остовы подбитых механоидов, зиял провал.

Других вариантов не было. Пустошь не отпускала, словно отчужденное пространство, раздираемое столкновением неведомых сил, не желала расставаться с Аскетом.

* * *

Дарлинг долго шла по разветвленной сети тоннелей.

Звуки боя, доносившиеся с поверхности, постепенно истончились и стихли.

Мью-фон по-прежнему молчал, она перевела устройство связи в режим автоматического поиска, а сама сосредоточила внимание на схеме подземных коммуникаций.

Большинство тоннелей уводило вглубь, некоторые ей удалось мысленно сопоставить с местоположением городищ скоргов, но наиболее запутанная сеть коммуникаций, похожая на замысловато смятый ком проволоки, располагалась под фундаментами энергоблоков атомной станции.

Учитывая, что тамбур на неопределенное время блокирован схваткой механических существ, логично было предположить, что Саид с Апостолом не станут сидеть на одном месте, а попытаются исследовать тоннели.

С этой мыслью Дарлинг свернула на очередной развилке, решив двигаться к основному перекрестку подземных коммуникаций.

«Если не отыщу адептов, то хотя бы взгляну, что там…»

Первые тревожные признаки начали попадаться примерно в полукилометре от условных границ территории тамбура.

Стены коридора, сплетенного из автонов, хранили следы недавнего боя, на развилке ей попались обгоревшие, потерявшие форму деталей эндоостовы нескольких необычных сталтехов, точно таких же, что бились на поверхности с полчищами механоидов.

Так вышло, что, исследуя бункеры Академзоны, Титановая Лоза оказалась отрезанной от средств связи с Орденом и вовремя не получила

информацию относительно важных событий, происходящих в Пустоши. «Теперь придется разбираться в ситуации самой, – подумала Дарлинг, ведя запись на имплантированный чип памяти, – если, конечно, не отыщу Апостола и Саида. Они наверняка знают больше».

Тоннель постепенно начал подниматься к поверхности, затем в него влилось несколько боковых ответвлений. Теперь следы боя между механоидами и сталтехами попадались все чаще. По расположению фрагментов механических тел, характеру и направленности повреждений на стенах подземелий Титановая Лоза предположила, что сталтехи проникли в тоннели извне и двигались, уничтожая заслоны механоидов, прорываясь приблизительно в том же направлении, что и она.

Схема подземных коммуникаций, отслеженная сканерами ее имплантов, становилась все сложнее, запутаннее. «Что нехарактерно для построек техноса, – подумала Дарлинг. – Непонятно, для чего машинам тратить ресурсы на создание петляющих, скручивающихся в спираль, обрывающихся тупиками коридоров? Зачем создавать лабиринт? Как защиту некоего важного объекта от обнаружения сканерами и проникновения на него посторонних?»

Возможно. Самоорганизованный технос Пустоши – полная загадка. Изучить новые виды скоргов, выстраивающих городища, ведущих войну друг с другом, уничтожающих примитивов и сталкеров, не делая различий между людьми и своими собратьями, находящимися на низших ступенях технической эволюции, пока не удавалось. Изменения, коснувшиеся Пустоши, происходили стремительно, за несколько месяцев отчужденное пространство стало совершенно неузнаваемым, большинство сталкеров бежало отсюда в иные, более спокойные регионы Пятизонья, а те, кто остался, были вынуждены отсиживаться в убежищах, едва ли не на осадном положении – городища продолжали расти, сеть построек техноса возникала повсюду, скорги с невероятной быстротой возводили всё новые и новые опорные пункты, прокладывали коммуникации неясного предназначения, при этом они враждовали друг с другом, словно каждое городище являлось центром обособленного анклава эволюционировавших механизмов…

Дарлинг остановилась.

Пол тоннеля внезапно передал ощутимую вибрацию, и вдруг в подземельях стало чуть светлее.

Она насторожилась. Автоны, скрепляющие стены подземных коммуникаций, внезапно начали светиться, источая зловещее, не предрекающее ничего хорошего зеленоватое мерцание; по серебристой

поверхности металлорастений пробежали микроскопические искажения, словно переплетенные между собой ветви на доли секунд стали проводником той самой, неуловимой приборами энергии Узла, что сопровождала каждую пульсацию, неся тотальные разрушения.

Титановая Лоза с трудом сохраняла самообладание. В аномальных пространствах существовало не много явлений, способных по-настоящему испугать Дарлинг, но, видя, как под ногами прочное плетение металлических ветвей вдруг начинает *течь* завитками искажений, она ощутила острое, граничащее с приступом неконтролируемого ужаса беспокойство.

Через пару мгновений все стабилизировалось, тоннели вновь погрузились в плотный мрак, но тревога осталась. Дарлинг как будто побывала внутри проводника, по которому из глубины земных недр кто-то подал питание к неизвестному устройству, осуществив тестовое включение.

Аналогия показалась ей столь явной, что, взглянув на замысловатую схему коммуникаций, Дарлинг восприняла окружающее совершенно иначе. Если минуту назад ее сбивала с толку загадка предназначения тоннелей, то теперь мысль о некоем лабиринте исчезла, сложный узел более не выглядел сомнительной уловкой – свитые спиралями *энерговоды* являлись лишь небольшим фрагментом не имеющего аналогов многокилометрового изделия техноса!

«Генератор аномальной энергии?!»

Дарлинг уже не сомневалась – она находится внутри исполинского устройства. Что с нею станет, если оно внезапно заработает, включится на полную мощность?

Здравый смысл подсказывал: нужно убираться отсюда, вот только как и куда?

Возвращаться уже пройденным путем? Долго. Если исполинский генератор в данный момент подготавливается к запуску, то ее задача – найти наикратчайший путь к поверхности. Нужно избегать свитых в плотные спирали тоннелей, выбирать только прямые, ведущие вверх отрезки коммуникаций.

Сориентировавшись по показаниям сканеров, она быстро добралась до ближайшей «пещеры», напоминавшей сложную, многоуровневую развязку магистралей.

Здесь также были заметны следы боя, но Дарлинг уже не обращала внимания на изуродованные обломки механоидов и сталтехов.

Лишь один из десятка тоннелей вел вверх, и Титановая Лоза, не теряя

ни секунды, направилась к нему.

* * *

Единственного неповрежденного механоида она встретила, когда коридор постепенно начал расширяться, принимая все более заметный положительный уклон.

Механическая тварь притаилась под самым сводом, крепко вцепившись манипуляторами в ветви автонов. Импланты Титановой Лозы работали на пределе возможного, и она заметила опасность раньше, чем похожий на насекомое техномонстр успел отреагировать на ее появление.

Машинальная реакция, выработанная множеством рискованных вылазок в самые гиблые и опасные регионы Пятизонья, удержала Дарлинг от применения оружия.

Исчадия техноса, несомненно, опасны, но против них успешно работают многие приемы, неэффективные при столкновениях с людьми.

Убедившись, что сканеры механоида ее не засекли, Дарлинг задействовала особую группу имплантов, формируя искажение реальности. Через некоторое время, стабилизировав защиту, она осторожно шагнула вперед.

Механоид не шевельнулся.

В его восприятии Дарлинг являлась всего лишь дуновением теплого воздуха, незначительной термальной аномалией, каких полно среди тоннелей, протянувшихся от источников подземного тепла до самой поверхности.

Разминувшись со смертельной опасностью, Титановая Лоза, не снимая защиты, ускорила шаг.

Ей казалось, что чем ближе к поверхности, тем больше препятствий будет встречаться на пути, но на этот раз она ошиблась. На очередном вливании боковых тоннелей ей снова встретились следы ожесточенной схватки между механоидами и сталтехами, а затем, миновав еще один короткий отрезок коридора, она внезапно увидела, как плетение автонов смыкается с серым, покрытым потеками ржавчины бетоном древних стен.

Коридор внезапно влился в длинный сумеречный зал с низким потолком.

Десятки железобетонных колонн поддерживали мощное, но все же кое-где растрескавшееся и просевшее перекрытие.

Сверившись с электронной картой Пустоши, она поняла, что находится в нескольких сотнях метров от построек атомной станции. Бункер, в который она вышла, ни на одной из карт отмечен не был.

«Следовательно, сделав крюк по подземельям, я пришла назад, к тамбуру?»

Прислушавшись, Дарлинг не уловила характерных признаков боя. Похоже, схватка наверху завершилась.

Осмотревшись, Титановая Лоза заметила, что стены огромного зала, выдержавшие напор времени, катастроф, пульсаций, лишь в некоторых местах пронизаны тонкими прожилками серебристых нитей, которые выглядели не более чем случайными вкраплениями колоний скоргов, проросших там, где трещины обнажили ржавую арматуру.

Получается, что энерговоды подземной сети ведут не сюда?

«С одной стороны, досадно, что проскочила мимо ядра загадочного устройства, с другой – может, оно и к лучшему? Неизвестно, что произойдет в ближайшие минуты при включении титанической установки?»

На несущей частоте мью-фона начали потрескивать помехи.

Дарлинг направилась через зал, рассматривая мрачные громадные устройства, закрытые мощными кожухами из экранирующего сплава, сквозь который не проникало излучение имплантов. Оборудование выглядело старым, давно утратившим функциональность, и тем сильнее оказалось ее удивление, когда на одном из пультов управления она внезапно заметила несколько сиротливых индикационных огней.

Подойдя ближе, Титановая Лоза увидела, как на скошенной приборной панели, встроенной в толстенный кожух одного из загадочных устройств, сквозь наслоения пыли и коросту ржавчины тускло пробивается свет контрольных лампочек, расположенных под пластиковыми светофильтрами, да кое-где сочится едва приметное сияние подсветки шкал приборов.

Оборудование, вне сомнения, относилось к той эпохе, когда была построена атомная станция, но что означает его внезапное включение?

Зачем техносу понадобились элементы давно заглушенного энергоблока?

Дарлинг обернулась.

Имплантированные чипы памяти содержали множество полезной информации. В Пятизонье частенько приходилось иметь дело с техникой и устройствами прошлого века, казавшимися абсолютно незнакомыми. Например, некоторые колонии скоргов избирали в качестве носителей давно устаревшие компьютеры, устройства связи, бытовые приборы, переделывая их на свой лад. Порой, чтобы разобраться с очередным, попавшимся на пути артефактом, требовалось не только искусство

мнемотехника, но и минимальные знания конструкции устройств, разработанных лет сто назад.

Чтобы не забивать голову различными техническими данными, Дарлинг хранила их в имплантированных чипах памяти.

Осуществив быстрый поиск, она убедилась, что оборудование сумеречного зала не относится к стандартным устройствам, какие использовались на атомных станциях известного типа.

Тем тревожнее выглядела внезапная реанимация одного из них.

Дарлинг решила задержаться. Первым делом она обошла периметр внушительного по размерам устройства, обнаружив связку толстых кабелей, распластавшихся по полу, точно глянцевитые змеи с потрескавшейся черной кожей.

Гнездо для их подключения – оплавленное, превратившееся в безобразную дыру, располагалось в стене. Видимо, много лет назад здесь произошла перегрузка цепей питания, и, тем не менее, при отсутствии подключения электричества, древний агрегат вновь ожил!

Происходящее все меньше и меньше нравилось Титановой Лозе.

Пока она исследовала одно устройство, на просторах огромного зала появилось еще несколько источников световой индикации, затем в центральном проходе, между рядами загадочных конструкций, вдруг возникли полосы холодного зеленоватого света.

Проклятие!..

Оказывается, центр исполинского энергетического контура, выстроенного техносом, находится здесь, в этом зале!

Получается, что скоргам понадобилась не сама атомная станция, а это загадочное оборудование, замурованное в бункере неподалеку от зданий энергоблоков?!

«А быть может, и сама АЭС когда-то возводилась исключительно ради энергообеспечения этого бункера? – промелькнула в голове Дарлинг интуитивная догадка. – Тогда и памятная авария на атомной станции с большой долей вероятности связана со включением непонятного оборудования и возникшей перегрузкой, следы которой так явственно видны?!»

Зеленоватое мерцание становилось все сильнее. Оно объяло сполохами несколько установленных подряд устройств, и на их панелях управления тотчас включились давно устаревшие приборы.

Оставаться тут было слишком опасно.

Титановая Лоза, не прекращая запись событий, отступала к противоположной стене огромного помещения, где за выбитым дверным

проемом зажглось несколько электрических лампочек.

Ни одного механоида.

Все происходило в зловещей тишине, слышался только звук ее шагов по выстланному ребристыми металлическими пластинами полу.

Рядом с проемом, откуда сочился желтоватый свет, валялась многотонная дверь, в плавных изгибах которой явственно читались искажения, причиненные воздействием аномальной энергии Узла.

Уже на пороге Дарлинг еще раз обернулась.

Огромный зал вновь выглядел пустынным и сумеречным.

Индикационные огни погасли, полосы зеленоватого мерцания медленно таяли в затхлом воздухе бункера.

Что бы ни задумал технос, первая попытка включения устаревшего оборудования окончилась провалом.

Дарлинг перешагнула массивный порог смежного помещения. Может быть, причиной неудачи стали повреждения тоннелей? В таком случае логично предположить, что упорные атаки сталтехов имели целью не допустить включение расположенного в бункере оборудования?

У нее пока не было ответов на заданные себе вопросы.

Зеленоватое мерцание исчезло и больше не появлялось. Дарлинг выждала несколько минут и, убедившись, что повторная попытка включения пока не намечается, решила задержаться, чтобы исследовать смежные помещения.

Возможно, найденный бункер содержал ответ на одну из основополагающих загадок Пятизонья?

Она включила встроенный в экипировку фонарь и осмотрелась.

* * *

Короткий тоннель, запиравшийся с противоположного конца такой же массивной герметичной дверью, вывел Титановую Лозу в соседний с машинным залом сектор загадочного бункера.

Коридор продолжался, по бокам располагалось множество дверей с потемневшими от времени старинными табличками.

Дарлинг остановилась, стерла с одной из них зеленоватый налет окислов.

«Подразделение 16–21».

Надпись ничего не поясняла. Хотя – неудивительно. Объект, несомненно, секретный, иначе исследователи Ордена, работающие с архивами, собирающие все доступные данные о существующих или существовавших на территориях Пятизонья постройках, внесли бы бункер

и его краткое описание в раздел «Пустошь».

Дарлинг с усилием открыла массивную дверь, снабженную электрическим и ручным приводами запирания.

Луч фонаря метнулся по стенам просторного помещения, высветил из мрака несколько письменных столов из прессованной древесины, подгнивших, с покоробленными столешницами, едва выдерживающими вес установленных на них компьютеров с угловатыми, громоздкими мониторами.

К своему немалому изумлению, Дарлинг не заметила следов вездесущих металлорастений, но особенно удивило и одновременно порадовало полное отсутствие каких-либо искажений.

Неужели защита бункера столь надежна, что во время пульсаций в помещения не попадает аномальная энергия?

Пожелтевшие бумаги на столах она трогать не стала – побоялась, что бесценные документы рассыплются в прах, настолько ветхими они выглядели.

Вернувшись в коридор, Дарлинг задумалась: что делать дальше?

Искать выход отсюда – подсказывал опыт. Уже понятно, что работы для исследователей тут не на один день. Каждое помещение необходимо изучить, сделать копии с ветхих листов документации, демонтировать жесткие диски компьютеров, снять с них сохранившиеся данные – только при таком подходе тайна древнего бункера приоткроет свою завесу.

Титановая Лоза ни на секунду не забывала о машинном зале и происходивших в нем явлениях – эволюционировавший технос Пустоши не просто так создал вокруг подземного объекта сложнейшую сеть энерговодов, пытаясь реанимировать давно устаревшее и бездействующее оборудование.

«Что же замышляют скорги? Не совершаю ли я ошибку? Бункер хоть и выстоял на протяжении десятилетий, но вмешательство техноса вполне способно его разрушить.

Необходимо немедленно сообщить в Орден о сделанной находке».

Чуткие датчики экипировки, связанные с имплантами, внезапно уловили легкую вибрацию стен.

Титановая Лоза успела оценить монументальность подземной постройки, на протяжении многих лет выдерживавшей катастрофические явления. Легкая дрожь свидетельствовала о взрыве поистине чудовищной силы, произошедшем где-то на поверхности.

Еще одна пульсация? Или там продолжается битва между механоидами?

Она перезапустила мью-фон.

Помехи. На частотах Ордена лишь потрескивание, сталкерская сеть недоступна.

Спускаясь в подземелья, Дарлинг рассчитывала без особого труда отыскать Апостола и Саида, но коммуникации, проложенные техносом, блокировали работу имплантированного чипа связи.

А что, если подключиться к автонам?

Она огляделась. Как назло, в этой части бункера металлорастений практически не было, лишь кое-где в трещинах серебрилось нечто, отдаленно похожее на металлическую плесень.

Сканируя стены и потолок, она обратила внимание на расположенные под сводом центрального коридора массивные зарешеченные люки, в данный момент плотно закрытые пластинами бронированных жалюзи.

Система принудительной вентиляции!

Одно из мощных устройств, влитое в бетон перекрытия, серебрилось прорвавшимися в бункер побегами автонов, некоторые ветви металлокустарника свисали почти до самого пола тоннеля.

То, что нужно! Дарлинг бросилась вперед, досадуя, что ей раньше не пришла в голову мысль использовать автоны как проводник сигнала мью-фонной связи.

Сняв перчатку, она обнажила импланты, сформированные мнемотехниками Ордена на подушечках ее пальцев.

Прикоснувшись металлизированным пятнышком к побегу металлорастения, она ощутила легкое покалывание, мысленным усилием сосредоточилась на желаемом действии, замерла в ожидании результата, и вдруг имплантированный чип мью-фона заработал на частотах Ордена.

Хриплый, надсаженный голос Апостола ворвался в рассудок Дарлинг:

– Егор, Саид, уходим в подземелья! Там встретимся!..

– Апостол, это Лоза! Ты меня слышишь?!

– Дарлинг?! Откуда ты взялась?! – Похоже, что адепт не очень-то поверил возникшему в его рассудке голосу.

– Некогда объяснять! Что происходит наверху?

– Битва! Иначе не назовешь! Мы пытались прорваться к тамбуру…

– Запеленгуй мой сигнал! Я подключилась к автонам, чтобы выйти на связь.

– Где ты находишься?

– В бункере, под землей! Здесь относительно безопасно! Металлорастения проникли сюда через ствол вентиляционной шахты!

Апостол мгновенно уловил ее мысль.

– Поддерживай сигнал! Саид, Аскет, прикройте меня!

* * *

На поверхности, среди руин атомной станции, разгоралась битва, какой еще не видели отчужденные пространства Пятизонья.

Вспышки микропульсаций выбрасывали в реальность Пустоши все новые группы сталтехов, от городища Припять двигалась лавина механоидов, со стороны действительно казалось, что технос бросил в бой последние резервы, и чудовищное противостояние разгорелось с новой, неистовой силой – большинство сталтехов, заняв оборону, сдерживало натиск объединившихся обитателей городищ, в то время, как немногочисленные группы их собратьев, не связанные боем, искали точки доступа к подземельям, стремясь проникнуть туда любой ценой.

Смысл отчаянной схватки ускользал от понимания сталкеров, волею обстоятельств оказавшихся в эпицентре столкновения. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Аскета, Саида и Апостола, не выйди внезапно на связь Титановая Лоза. Сталтехи блокировали все ближайшие точки доступа в подземелья, отчаянно защищая несколько зияющих на дне воронок провалов, куда только что спустились их штурмовые группы, а механоиды наседали, наступая со всех сторон, не считаясь с потерями.

Апостол добежал до огрызка стены, за которым укрылись Аскет и Саид.

– Сдерживайте их! – Он указал на отряд механоидов. Механические твари засекли фигуру сталкера в момент перебежки и развернулись в сторону укрытия. Видимо, для них не было особой разницы между людьми и человекоподобной нежитью.

Саид положил на землю разряженный армган, достал две последние плазменные гранаты. Егор, припав на колено, бил из «ИПК», используя широкую трещину в бетонной стене как бойницу.

Кинжальный огонь импульсного пулемета не остановил механоидов. Одни взрывались от прямых попаданий, другие падали, теряя оторванные пулями конечности, но их яростный напор не ослабевал – лазерные лучи впивались в ненадежное укрытие сталкеров, раскаляя его, очереди из импульсных орудий снесли часть руин, превратив несколько смыкающихся стен в груду дымящегося щебня, и лишь разрывы плазменных гранат ненадолго приостановили натиск, испепелив передовой отряд исчадий техноса.

Апостол не принимал участия в схватке. Он полностью переключил свой рассудок на восприятие мира посредством имплантов, пытаясь

выделить источник сигнала мью-фонной связи из буйства бушующих вокруг энергий.

Есть!..

Он зафиксировал небольшое скопление металлокустарника, густо облепившего какую-то ржавую, обветшалую цилиндрическую конструкцию, едва возвышавшуюся над землей.

– Туда! – выкрикнул он, жестом указывая направление, привлекая внимание Аскета и Саида, оглушенных близкими взрывами.

Они начали отступать, попеременно прикрывая друг друга. Атаковавшие их механоиды уже ворвались на оставленную сталкерами позицию, но в погоню не бросились, их внимание отвлекла активность сталтехов, оборонявших глубокую воронку.

– Дальше что?! – хрипло спросил Саид, добежав до зарослей автонов.

– Держи позицию!

– Чем держать?! Зубами? – огрызнулся Саид. Его лазерный излучатель был разряжен, гранаты закончились, оставались лишь боевые импланты, но на их использование требовались жизненные силы, а откуда их взять? Адепт едва держался на ногах. Энергию имплантированного «Сердца зверя» он израсходовал, создавая фантомы двух сталтехов.

– Держись! – Егор занял позицию. – Магазины к «ИПК» отдай мне!

Саид безропотно передал Аскету остаток своего боекомплекта. Все равно импульсный пулемет один на троих.

Апостол, в армгане которого еще оставалось немного энергии, в темпе отсканировал выступ вентиляционной шахты, наглухо задраенный массивной выпуклой крышкой, сквозь которую как раз и проросли автоны, затем вскинул излучатель.

– Лоза, отойди! – предупредил он по связи.

Несколько разрядов подрезали металлокустарник, впились в проржавевший люк, прожигая его в местах креплений, и раскалившаяся глыба металла, весом в добрую сотню килограммов, внезапно рухнула вниз, высекая искры из стен вертикальной шахты, проламывая своей массой проросшие внутри автоны, сшибая крепления и фильтрующие перегородки.

– Есть! – раздался на мью-фонной частоте голос Дарлинг. – Он упал! Спускайтесь!

Апостол развернулся.

– Ты первый! – приказал он Саиду.

Тот безропотно подчинился.

Аскет, контролировавший подступы к небольшому холмику, вновь

вскинул «ИПК». Метрах в тридцати появилась очередная группа механоидов.

– Апостол, уходи!

Тот отрицательно покачал головой.

– Ты пойдешь. – Он достал плазменную гранату. – Давай в темпе!

Аскет все же выпустил короткую очередь, затем закинул импульсный пулемет за спину и скрылся в вертикальной шахте.

Апостол метнул гранату и последовал за ним.

* * *

Чернильный мрак бункера встретил Саида затхлыми запахами давно не вентилируемых помещений.

Включив фонарь, он повел лучом, высветив из тьмы фигуру Дарлинг.

На миг в глазах сталкера промелькнуло злое недоумение – с каких это пор Титановая Лоза носит экипировку Ковчега?

– Расслабься, Саид, – глухо произнесла она, все еще удерживая его под прицелом короткоствольного «Шторма».

Сверху раздался взрыв, на миг темноту рассеял отсвет полыхнувшего на поверхности плазменного сгустка, затем из вентиляционной шахты посыпалась ржавая труха, и в подземелье соскользнул сухощавый сталкер, облаченный в обгоревшую, изодранную экипировку.

Он мягко приземлился на обе ноги и резко выпрямился, рванув из-за спины «ИПК», но не завершил начатого движения, поняв, что стрелять не в кого.

Несколько секунд он пристально смотрел на Титановую Лозу, а затем тихо, полуутвердительно произнес:

– Дарлинг?!

Она напряженно всматривалась в его черты, пытаясь уловить в сильно изменившемся облике сталкера образ того капитана Баграмова, с которым они случайно встретились несколько месяцев назад, в Академзоне.

– Егор? – Голос Титановой Лозы дрогнул.

Сколько она думала о нем, гадая, жив ли?

Их новая встреча всё чаще казалась ей невозможной, а то, что произошло в Академзоне, – злой насмешкой судьбы. Ведь тогда они не подозревали, что их жизни невероятным образом переплетены где-то в прошлом.

По стволу вентиляционной шахты соскользнул Апостол, злой, измазанный сажей, безоружный.

Его появление внезапно разрядило обстановку, позволив Егору и

Дарлинг отвести взгляды. Она не нашла подходящих слов, чтобы вот так взять и спросить в лоб: Егор, кто мы такие, чем и как связаны? А он, уже зная, что ничего толком не сумеет ей ответить, с облегчением понял – трудное для обоих объяснение откладывается.

– Так. – Апостол огляделся по сторонам, используя компьютерное зрение. – Дарлинг, ты вовремя. Вытащила нас из самого пекла. Теперь бы понять, что тут вообще происходит? И где мы находимся? Этого бункера нет ни в базах данных, ни на электронных картах!

– Плечи подставь. – Титановая Лоза ловко вскарабкалась вверх, установила в вентиляционной шахте сигнальную лазерную растяжку, затем, спрыгнув на пол, добавила: – Я вышла сюда случайно. Долго рассказывать. Нет времени.

– Ошибаешься. – Апостол посмотрел вверх, где виднелся кусочек серого неба. – Времени у нас достаточно. Отсюда есть безопасный выход?

– Не думаю, – покачала головой Дарлинг. – Я попала в бункер кружным путем, по подземельям. Возвращаться моим маршрутом нет смысла: во-первых, точка проникновения расположена в границах тамбура, а там бой, во-вторых, подземелья на самом деле – не транспортная структура, а сеть проводников аномальной энергии, образующих сложное устройство. Идти по тоннелям рискованно из-за попыток техноса включить созданный им генератор.

Саид зло сплюнул.

– И это, по-твоему, безопасное место? – Он огляделся по сторонам.

Титановая Лоза проигнорировала его тон. Она и сама находилась на взводе.

– Бункер вполне надежный, – ответила Дарлинг. – Непосредственно с энергокоммуникациями связан соседний зал, где я обнаружила давние устройства непонятного предназначения. Между двумя секторами бункера – усиленная, экранированная стена. Думаю, что здесь мы сможем переждать какое-то время, пока наверху не завершится бой. Сил для прорыва, как я понимаю, у нас недостаточно?

– У меня остался один магазин к «ИПК», – хмуро ответил Егор.

Саид молча развел руками, давая понять, что ни оружия, ни боеприпасов у него нет.

– Я тоже пустой. – Апостол взглянул на мертвое окошко световой индикации армгана. – Выбор небогатый. Либо сидим тихо, ждем, чем все завершится, либо…

– Я предлагаю не терять времени и исследовать бункер, – произнесла Дарлинг. – Может, отыщем какое-то оружие, хотя сомневаюсь, что оно

будет эффективным против механоидов – тут все слишком устаревшее.

* * *

Центральный коридор загадочного бункера тонул во мраке.

Егор порывался идти вперед, но Дарлинг мягко придержала его за руку.

– Надо поговорить. Отдай «ИПК» Апостолу. Он справится.

Аскет спорить не стал. Когда фигуры адептов Ордена исчезли во мраке подземелья, он обернулся.

– Ты сильно изменился, Баграмов. – Она прислонилась к стене, неотрывно глядя ему в глаза. – Выжил. Но дорого заплатил…

– Цена уже не имеет значения. Прошлого не вернешь.

Прошлое.

Слово как будто повисло в душном сумраке подземелья, наэлектризовывая воздух.

– Ты ждешь объяснений по поводу голографической татуировки?

Дарлинг кивнула.

– Извини. У меня нет ответа. Все только усложнилось.

Титановая Лоза нахмурилась. Она сдерживала эмоции, все еще машинально контролировала себя, хотя внутри что-то оборвалось звенящей ноткой безнадежности.

– Егор, ты стал сталкером. Внешний Мир для тебя погиб. Больше нет обязательств, государственных тайн и секретов, которые ты обязан хранить. Ты хоть немного представляешь, каково это – жить без прошлого?

– Ты неправильно меня поняла. Я ответил честно. НЕ ЗНАЮ! – Баграмов машинально коснулся своего плеча. – Это не память о прошлом, не знак элитной принадлежности, не юношеская дурь. Это клеймо! – резко добавил он. – Последний раз я проходил медицинский осмотр за сутки до Катастрофы пятьдесят первого. Унифицированный медицинский сканер не пропустил бы голограмму на моем плече. Ее там не было!

Немногие из сталкеров видели выражение растерянности на лице Титановой Лозы.

– То есть? – Она похолодела.

– Клеймо было нанесено не в нашем мире, – ответил Баграмов на не высказанный вслух вопрос. Он за последние часы перебрал множество вариантов, отбросив почти все из них, как беспочвенные и нелепые. За исключением одного. – Я не знаю, что означают эти буквы, не помню, где и когда они были выжжены на моем плече, – глухо продолжил он. – Но понимаю, что это могло произойти только в период моего пребывания в

одном из пространств Узла. И сегодня Апостол нашел прямое тому доказательство: необычные сталтехи, с которыми сцепился технос Пустоши, несут точно такое же клеймение на деталях эндоостовов…

Дарлинг побледнела.

– Но я… Я никогда не была в пространствах Узла! – воскликнула она.

– Извини, мне твоя часть истории неизвестна. – Аскет пристально взглянул на нее. – Откуда *ты* пришла в Пятизонье? Как ты оказалась тут?

– Апостол тебе ничего не сказал?

– Нет.

– Меня нашли в разрушенных бункерах Академгородка. Спустя пару месяцев после Катастрофы. Когда командор Хантер и будущие Приоры Ордена бежали из тюремного блока Ковчега.

– И ты ничего не помнишь? Как и кто тебя имплантировал, кем ты была до Катастрофы?

– Меня нашли в одной из разрушенных лабораторий, принадлежавших военному ведомству, – повторила Дарлинг, чувствуя, как глухо и неровно бьется сердце. – Я находилась в камере низкотемпературного сна. Мы считали, что утрата воспоминаний о прошлом – следствие эксперимента или некорректной работы криогенного модуля после Катастрофы.

– Ты знала о татуировке?

– Я не обращала на нее внимания. Пока Приор Глеб не обнаружил точно такую же на твоем плече, во время имплантации. Она ведь видна только под лучом лазера!

– Никогда не слышал об экспериментах в области крионики!

– И мы, исследуя архивы военного ведомства, тоже ничего не нашли. Ни расшифровки аббревиатуры, ни упоминаний о создании рабочих образцов криогенных камер. Но я не была заражена скоргами. Меня имплантировали в Ордене, и делалось это сознательно!

– Я тоже был «чист», когда вернулся в наше пространство. Ты ведь сама прекрасно помнишь.

Дарлинг еще больше побледнела. Она с невероятным трудом сдерживала противоречивые эмоции.

– Получается, что и я побывала *там*?

Баграмов заставил себя кивнуть.

– Это единственное объяснение. Где-то существует мир, откуда в наше пространство вторглись человекоподобные сталтехи. Я своими глазами видел, как их выбрасывало в зоне тамбура, группами. И не в результате спорадической пульсации, заметь! Они выходили в ореоле зеленоватого

свечения, двигались уверенно, сразу же вступая в бой с техносом.

– Ну и что? Они – машины! Поэтому и двигаются уверенно, не теряют времени на раздумья!

– У них есть маркеры *Земли*! – резко возразил Егор. – Они явились сюда намеренно и четко знали, что их ждет в нашем мире!

– Маркеры Земли?! – в замешательстве переспросила Титановая Лоза.

Егор кивнул в ответ, давая себе пару секунд, чтобы обуздать внезапно вспыхнувшие эмоции.

– Апостол изложил мне популярную теорию Узла, разработанную исследователями Ордена. Я скептически воспринял его утверждения о пространственных червоточинах, связывающих Пятизонье с иными мирами, но, видимо, поторопился с выводами. Сегодня выдался крайне напряженный и насыщенный информацией день. – Теперь, взяв себя в руки, Баграмов говорил как-то слишком спокойно, словно змеиный клубок противоречий таял в его сознании, а разрозненные, не находившие объяснения, кажущиеся надуманными факты внезапно превращались в звенья одной цепи, упорядочивались, отыскав свое законное место в системе причин и следствий. – Сегодня мы встретили некоего майора Сафронова. Я знал его еще до Катастрофы пятьдесят первого. Он работал в Новосибирском Академгородке, в секретных лабораториях военно-космических сил.

– Чем он занимался? – Дарлинг, потрясенная и разочарованная, совершенно сбитая с толку известием о сталтехах из другого мира, клейменных таким же, как у нее и Егора, знаком, слушала невнимательно, не понимая, при чем тут какой-то бывший майор Сафронов?!

– Создавал агломерации самодостаточных микромашин. Комплексы нанороботов, ориентированных на техническую поддержку колониальной техники при перспективном освоении Марса.

– И что?

– Сафронову удалось выделить из н-капсул фрагменты наномашинных комплексов, созданных его группой. Он утверждает, что скорги – это продукт земной цивилизации. Они – элементы прогрессивной техносферы будущего, вырванные первой пульсацией из разрушенных хранилищ Академзоны!

Дарлинг невольно вздрогнула, осознав серьезность информации.

– Где он сейчас?

– Сафронов? Мы успели отправить его и двух молодых сталкеров в Цитадель. Он в безопасности, надеюсь.

– И ты ему поверил?

– Сафронов привел убедительные доказательства. Апостол вел запись нашего разговора, ты сможешь просмотреть ее.

– Егор, я не понимаю! Мы говорили о нас… о наших голографических клеймах, при чем тут проблема возникновения скоргов?

– Дарлинг, в академии военно-космических сил нам постоянно внушали одну мысль: Вселенная *познаваема*. Пусть в данный момент мы не знаем всех объективно существующих законов мироздания, но любая реальность, как и любая ситуация или явление, – это четкая цепь причин и следствий. Я хочу сказать, что все события, происходящие вокруг, имеют разумное объяснение и как-то связаны между собой. – Он снова взглянул на нее. – Если принять гипотезу многомерности Узла, признать, что каналы мгновенной внепространственной транспортировки связали между собой не только пять регионов Пятизонья, но и Землю с иными мирами, то картина складывается жутковатая… Апостол сказал, что, в зависимости от мощности пульсации, активируются различные пробои метрики. В момент Катастрофы микромашины из нашего мира попали в иные пространства и развивались там. В результате смешений различных фрагментов наномашинных комплексов возникли мутации, а функция самоподдержания инициировала борьбу за существование, начало естественного отбора. То есть существует несколько разновидностей техноса. На развитие скоргов должны были повлиять условия, царящие в тех пространствах, куда они попали после первой, наиболее мощной пульсации. Ты понимаешь, о чем идет речь?!

– Да. – Титановая Лоза, сама того не заметив, окунулась в рассуждения Егора, мысленно соглашаясь с ним. – Все последние события связаны с необычайно мощными пульсациями, – напряженно размышляя, произнесла она. – Эпоха примитивов внезапно завершилась появлением новых видов техноса. Мы полагали, что скорги, оккупировавшие Пустошь, выстроившие городища, – это следующий этап развития примитивов, но получается, что мы имеем дело с техносом, пришедшим из другого пространства, не того, откуда появились первые металлорастения и примитивные колонии наномашин?

– Верно, – согласился Баграмов. – И сегодня мы столкнулись с третьей разновидностью техноса, что только усложнило проблему.

– Эти необычные сталтехи?

– Если быть точным, киборги. – Баграмов говорил все так же спокойно и уверенно. Его рассудок, приученный мыслить логически, изголодался во время скитаний по Пустоши, и вот теперь, очнувшись, наверстывал упущенное, с невероятной скоростью и четкостью

обрабатывая информацию. – Мне кажется, что примитивы являются продуктом чистой эволюции наномашин, а вот технос Пустоши – это уже результат стороннего, осмысленного воздействия на скоргов, возможно – плод слияния двух техносфер различных цивилизаций…

– Егор, ты не усложняешь?

– Я сегодня точно так же отреагировал на слова Апостола, – усмехнулся Баграмов.

– И кто, по-твоему, эти сталтехи-киборги? Третья разновидность эволюционировавшего на основе наномашин техноса?!

– Пока не знаю, – ответил Егор. – Нужно вновь и вновь складывать воедино всю доступную информацию, анализировать, искать… Например, взгляни вот на это, – он достал трофейный нанокомп, на дисплее которого по-прежнему отображалась переданная со спутников схема подземных коммуникаций Пустоши.

– Откуда ты это взял?!

– Трофей. Снял с мертвого «чистильщика».

Титановая Лоза некоторое время критически рассматривала детальную схему проложенных техносом тоннелей. Сегодняшний день действительно оказался богат потрясающими открытиями, теперь и в ее сознании крохи информации тоже начали складываться в некую упорядоченную картину глобального восприятия событий.

Она машинально задействовала встроенные чипы памяти, и в сумраке подземелья возникло голографическое изображение трехмерной карты Пустоши.

– Смотри, Егор! – Она указала на границы энергополей. – Участки местности, где, даже в период между пульсациями, наблюдались характерные признаки аномальной энергии Узла. В таких местах обычно изобиловали механоиды и скорги, особенно густо разрастались металлорастения, а между примитивами шла постоянная борьба за энергетические пастбища, где они могли беспрепятственно подзаряжать «Сердца зверя» – накопители энергии, являющиеся источником питания для любого механоида.

Баграмов, сравнив два изображения, сразу нашел аналогию. Коммуникации техноса, уходящие глубоко под землю, вели к непонятным отметкам, расположенным на глубине от одного до полутора километров. Там каждый из тоннелей оканчивался тупиком, но если мысленно наложить непонятные цифровые отметки на карту Пустоши, то каждая из них в точности совпадала с центром какого-либо из энергополей.

– Источники аномальной энергии, расположенные глубоко под

землей? – Он удивленно взглянул на Дарлинг, словно ожидал от нее опровержения своей внезапной догадки. – А эти непонятные цифры… Для маркировки глубин они не подходят… должно быть, это порядковый номер химического элемента, которого нет в уточненной таблице Менделеева?! – внезапно осенило его. – Неизвестное на Земле вещество, принесенное из иного пространства и вкрапленное пульсациями в толщу земной коры?!

Дарлинг потрясенно молчала.

Егор, изучавший в академии ВКС многие дисциплины, необходимые для теоретической подготовки астронавта, быстро сориентировался.

– Вкрапления расположены примерно на одной и той же глубине! Вероятно, этот элемент нестабилен и сохраняет устойчивость лишь при определенном давлении и температуре!

Дарлинг слушала его, глядя на другой участок схемы.

– Все тоннели прорыты отсюда! – Она указала на два темных пятна прямоугольной формы, опутанные сложной схемой энерговодов. – Это бункер, в котором мы находимся! Технос создал вокруг него нечто вроде генератора, запитав его от подземных источников энергии!

– Зачем?

Вопрос внезапно повис в воздухе.

– Нужно проникнуть в смежный зал. Еще раз осмотреть устройства, установленные там, – предложил Егор.

– Это опасно! Уже была одна попытка пробного включения!

– Дарлинг, ты спросила, что общего между нами и сталтехами из другого мира? Я не знаю, но хочу найти ответ! Не имеет значения, насколько это опасно! Я попробую! Все события, происходящие вокруг нас, как-то связаны между собой! Зачем технос выстроил городища? Для чего там налажено серийное производство механоидов? Почему сталтехи вторглись в Пустошь и отчаянно штурмуют подземелья?

– У тебя есть объяснение?

Баграмов остановился.

– Пятизонье – не единственное аномальное пространство, где вторжение НАШИХ наномашин исковеркало все, породив техномонстров! Там, – он неопределенным жестом указал на потолок, – там, вероятно, существуют иные миры, возможно, полностью превращенные в одно сплошное аномальное пространство! Там технос получил отпор от более развитой, чем мы, цивилизации! Механоиды бежали сюда, чтобы создать базу, накопить силы для ответного удара! Им не нужна Земля! Наши пятнышки аномальных территорий со скудными энергоресурсами им неинтересны! Технос отступил, собрался с силами и теперь намерен

вернуться в то пространство, откуда его вышибли!

– Кто?

– Сталтехи. Сталтехи с клеймом «DRG»!

– Егор, ты сошел с ума!

– Нет! Я же сказал, они – киборги! Подумай над этим! Умножь количество наших имплантов в десятки, в сотни раз! В кого мы тогда превратимся?! Не станем ли похожи на сталтехов, у которых еще сохранился мозг и немного органики, питающей его?!

– Егор, остановись! Если там расположена установка, создавшая Узел, то еще одно ее включение уничтожит Землю!

– А мы спасемся, сидя за стенкой толщиной в метр?!

– Что за шум вы тут подняли?! – раздался из темноты голос Саида.

Аскет и Титановая Лоза замерли от неожиданности, будто что-то еще могло смутить или напугать их в этом мире…

– Саид? А где Апостол?

– Остался в дальней части бункера. Мы там нашли кое-что любопытное.

Баграмов невольно вздрогнул.

Еще одно неожиданное открытие? Не слишком ли много для предела человеческих возможностей принимать и выдерживать информационные удары?

– И что там?

– Документация. Более или менее хорошо сохранившаяся. Мы нашли сейф. Рядом несколько трупов. Сталкеры. Какая-то группа, пробравшаяся сюда.

– Мертвые?

Саид кивнул.

– Что их убило?

– Понятия не имею. Внешних повреждений нет. Оружие и экипировка в порядке. Сейф был открыт. Они – на полу, вповалку. Апостол бумаги просмотрел, занервничал и послал за вами.

– А что он увидел? Почему занервничал?

Саид пожал плечами.

– Документы непонятные. Не знаю, что он там сумел прочесть. Везде стоит одна и та же подпись. Фамилия Сливко случайно никому не знакома?

Егор и Дарлинг побледнели, словно им одновременно явился один и тот же призрак.

– Саид, ты когда-нибудь слышал о теории гиперточки Сливко-Клейна? – наконец выдавил Баграмов, справившись со внезапным

потрясением.

– Нет. Я в основном прикрываю Апостола от разных тварей. Наука – это по его части.

Егор обернулся, посмотрел на Дарлинг.

Вот и сошлись все ниточки запутанного клубка. Он чувствовал, как коротко остриженные волосы шевелятся на его голове от одной мысли, что Узел, так же как и скорги, – порождение земных технологий, а расположенное за стеной оборудование, вернее, его включение, вероятно, явилось первопричиной формирования Пятизонья!

Вывод мгновенный и очевидный, ведь именно теория гиперточки Сливко-Клейна обосновывала возможность существования тоннелей внепространственной транспортировки, способных соединить не только разные регионы одной планеты, но и далекие миры, расположенные за десятки, сотни световых лет друг от друга!

– Пошли. Нужно взглянуть на документы!

– Подожди, Егор!

Он остановился.

– Неизвестно, что произойдет дальше! – тяжело дыша, произнесла Дарлинг. – Я попытаюсь связаться с Орденом, может, используя автоны, я все же сумею передать данные!

– Хорошо. Попробуй. – Баграмов уже принял решение и не собирался отступать от него, хотя подозревал, что присутствующие будут против. – Я взгляну на документы. Если за стеной действительно установка Сливко – мы взорвем ее!

Титановая Лоза мгновенно напряглась.

– Взорвем? Ты в своем уме?! Разрушим Узел?!

– Узел уже невозможно разрушить, – отрезал Егор. – Но попытка техноса снова задействовать пробойник метрики пространства способна запросто погубить Землю!

– И мы… – Дарлинг с отчаянием взглянула на Баграмова, – мы…

– Никогда не узнаем тайну произошедшего с нами? – через силу усмехнулся он.

– Да.

– Оно того стоит, Дарлинг? Сохранив документацию, мы рано или поздно найдем способ безопасного проникновения в пространства Узла. Думаю, вопрос исчерпан?

Она с трудом заставила себя кивнуть.

Егор даже не попытался ее ободрить.

– Передавай данные. Мы сейчас вернемся.

* * *

Пока они шли по длинному темному коридору, Саид некоторое время сумрачно молчал.

– Егор, что происходит? – наконец не выдержал он. – Военные что-то напортачили со своим долбаным вторжением? Вы с Дарлинг обсуждали конец света?

– Саид, военные – наименьшая из проблем. Их удар по техносу лишь в чем-то усугубил и ускорил неизбежные события.

– А в чем тогда проблема?

– Технос Пустоши – это не анклав эволюционировавших примитивов. Они – другая ветвь эволюции созданных на Земле и измененных в результате Катастрофы наномашин, – ответил Егор. – Апостол и исследователи Ордена не ошибались. Узел многомерен. И его появление спровоцировали люди! Понимаешь? Там, за стеной, в соседнем секторе бункера, расположена установка пробоя метрики!

Саид остановился.

– Установка, сформировавшая Узел?!

– Да. И технос Пустоши намерен вновь ее задействовать! – мрачно пояснил Баграмов.

– А сталтехи?

– Я думаю, что они пришли из другого пространства, чтобы разрушить установку. Так что возня корпораций, правительств, армий вокруг Пятизонья – это ничто по сравнению с войной техноса.

Сквозь приоткрытую массивную дверь в коридор проникала полоса тусклого желтоватого света.

В небольшом помещении со скудной меблировкой Апостол, не обращая внимания на распростертые на полу мумифицированные тела сталкеров, видимо, пораженных энергетическим разрядом какой-то ловушки, установленной либо строителями бункера, либо техносом – уже не важно, просматривал древнюю документацию. Каждый лист был заботливо упакован в прозрачный пластик, и это сохранило бумаги почти в первозданном виде.

– Саид, собери оружие и все, что может пригодиться при прорыве. Посмотри, нет ли среди экипировки убитых взрывчатки, – осмотревшись, приказал Аскет.

Адепт молча подчинился. Он не понимал, почему Баграмов вдруг начал командовать, но, перехватив взгляд Апостола, возражать не стал.

– Где Лоза?

– Пытается связаться с Орденом, передать данные.

– Правильно. Я слышал ваш разговор. Она не выключила мью-фон.

– Это упрощает задачу. – Аскет уже давно понял, здесь не может быть чего-то личного. – Сканировал документы?

– Да. Записал на чип. С собой их брать не будем. Закроем в сейфе, выставим ловушки. Велик риск утратить бумаги при прорыве. Технос ведь не остановится, верно?

– Удар по Пустоши ускорил события. Скорги из городищ потеряли много механоидов. Видимо, произошел сбой их взаимодействия, иначе не объяснить, почему они сцепились друг с другом сразу после удара. Но теперь последствия преодолены. Они вновь объединились, ты сам это видел. У нас уже нет времени на разговоры, Паша. Нужно действовать.

– Согласен. Ждать, пока сталтехи доберутся до установки Сливко, опасно. Они могут и не прорваться сюда.

– Значит, я не ошибся? – Аскет принял из рук Саида подсумок с плазменными гранатами и полными магазинами к «ИПК». – Оборудование соседнего зала – это установка Сливко? Он пытался проверить свою гипотезу и создал Пятизонье?

– Все сложнее, – ответил Апостол. – Первое включение завершилось перегрузкой реактора станции. Катастрофа прошлого века. Сливко исчез. О нем нет никаких упоминаний, начиная с восемьдесят шестого года.

– Тогда кто создал Узел?

– Тот, кто проник сюда в пятьдесят первом. – Апостол обернулся. – Большинство помещений эксплуатировалось не так давно. Здесь кто-то жил и работал.

– Не выяснил, кто?

– Нет. Эти бумаги были надежно спрятаны. Сталкеры обнаружили сейф при помощи имплантов. Они вскрыли стену, чтобы добраться до него. Остальные помещения тщательно вычищены. Думаю, что и жесткие диски старых компьютеров стерты.

– Нужно взрывать установку и уходить!

– У нас нет взрывчатки, – сообщил Саид, завершив осмотр тел.

– Плазменных гранат будет достаточно, – отрезал Егор.

Апостол, отсканировав последнюю страницу документации, вышел на связь с Титановой Лозой.

– Есть канал обмена данными с Орденом, – сообщил он. – Я подключился к мью-фону Дарлинг!

– Попытайся сбросить сканы документов!

– Опасно. Канал не защищен. Я передаю лишь общие сведения. На

частотах сильные помехи… – Он вдруг замолчал, затем разочарованно проронил: – Все, связь накрылась…

Оружие и боеприпасы они поделили поровну.

– Уходить будем через шахту. – Дарлинг приняла из рук Саида «ИПК», закинув маломощный «Шторм» за спину.

– Ты много успела передать?

– Почти всё. В общих фразах. Скинула несколько электронных карт. Зашифровала их, прочесть смогут только приоры и командор.

– Я пошел. – Баграмов забрал у Саида все найденные плазменные гранаты. – Ждите меня тут!

Не дожидаясь ответа, он развернулся и побежал к коридору, соединяющему два сектора бункерной зоны.

Аскет не сделал и десяти шагов, как внезапно из смежного зала, прорвавшись через короткий тоннель, выплеснулось зеленоватое сияние, метнувшееся по прочным бетонным стенам мгновенной волной искажений.

– Егор, назад!

Он рухнул навзничь.

Волна зеленоватого мерцания прокатилась в полуметре от пола, вспучив стены бункера пологими волнами мгновенно размягчившегося и тут же застывшего бетона.

Еще секунда – и из короткого переходного тоннеля хлынули механоиды.

Баграмов привстал, одну за другой метнув три плазменные гранаты. Он рассчитывал, что они прокатятся по коридору и вылетят в смежный зал, но неожиданная реакция механических тварей пресекла его отчаянную попытку: механоиды шевелящейся массой бросились наперехват, мгновенно образовав три скопления, – они накрыли своими телами гранаты, прижали их к полу, а через пару секунд ослепительный свет неистовых вспышек озарил бункер, сжигая десятки исчадий техноса, пожертвовавших собой, чтобы предотвратить уничтожение рокового оборудования.

Аскет, оказавшийся слишком близко от эпицентров трех взрывов, лишь плотнее вжался в шероховатый бетонный пол, волны жара прокатились над ним, покрывая искаженные стены мягкими плевками расплавленного металла, он чувствовал, как задымились на нем остатки экипировки, попытался привстать и вдруг почувствовал, как чьи-то сильные руки подхватили его, помогли, потащили прочь от злополучного тоннеля, уже изринувшего новую партию механоидов…

Он что-то кричал в отчаянной попытке вырваться, вновь бежать туда, к проклятому оборудованию, но голос, возникший в рассудке, приструнил:

– Не дури! У нас больше нет ни гранат, ни взрывчатки! Мы уходим!

Он плохо соображал, что происходит. Реальность раздробилась на мелкие фрагменты, проносясь мимо осколками восприятия.

Отчаяние, чувство близящегося краха захлестнули его.

Метаболический имплант Егора вновь перешел в форсированный режим, черпая сполохи аномальной энергии, преобразовывая ее в некий запас жизненных сил, поддерживая искру сознания, собирая осколки сущего в целостное восприятие…

Он увидел тусклый дневной свет и, разрывая кольцо сжимавших его рук, начал вставать.

Мир, потонувший в плазменных вспышках, вдруг начал стремительно обретать привычные очертания.

Знакомые контуры руин, зловещие постройки атомной станции, и… полчища разномастных механоидов, прущие со всех сторон, сметая с лика изувеченной Пустоши последние очаги сопротивления разрозненных групп сталтехов…

Он не владел собой, едва осознавал происходящее, тело пылало нестерпимой болью, обрывки одежды всё еще дымились, но ремни и подсумки экипировки не сгорели, а в руках ощущался вес оружия…

Механоиды приближались.

Аскет вскинул «ИПК», подрубая наиболее резвых короткими очередями, попытался найти опору и вдруг почувствовал чью-то спину.

Дарлинг…

Они прижались спина к спине, ведя огонь в разных направлениях, в поле зрения мелькали фрагменты боя. Егор во вспышках выстрелов успел разглядеть фигуру Саида, сдерживавшего механоидов на рубеже ближайшего огрызка стен, мимо, спеша ему на помощь, промелькнул силуэт Апостола, и вдруг…

Нестерпимый, холодный, призрачный и в то же время невыносимый для зрения свет пульсации затопил все сущее.

Время внезапно замедлилось.

Егор еще продолжал стрелять, а фигуры механоидов, по которым он вел огонь, внезапно начали исчезать, таять, затем в фокус зрения попало лицо Апостола – сталкер опустил оружие, недоуменно глядя на небольшую чипованную пластину, ту самую, что он извлек из подбитого исчадия техноса.

Губы Апостола беззвучно шевелились, а на небольшом устройстве,

похожем на маркер, ритмично моргал заработавший индикатор.

Через мгновение мир схлопнулся в черную точку и исчез.

Эпилог

Ему виделся ломкий, заиндевелый металлический лес, зеленоватые лужицы «фрича», хлюпающие под ногами, и мертвенный свет пульсации, волнами искажений проходящий сквозь тело.

Почему же так больно дышать?..

Аскету казалось, что он уже целую вечность бредет под сенью промерзших металлических деревьев, задевая лицом тонкие нити серебристых паутинок.

Ядовитые испарения обволакивали каждую ветвь. Местность вокруг выглядела однообразной, унылой и незнакомой.

Хрипло, судорожно вдохнув, он… сел и открыл глаза, дико озираясь по сторонам.

В небе над головой переливались сполохи зеленоватого сияния.

Металлические деревья с тонкими, клонящимися к земле ветвями, напоминающие земные ивы, только в десятки раз крупнее, тесно обступили небольшую прогалину, поросшую ползучими, похожими на колючую проволоку металлорастениями.

Невдалеке действительно пузырилось несколько луж «фрича».

Егор привстал, стараясь не пораниться.

Последние воспоминания внезапно вернулись с беспощадной ясностью. Он вспомнил Саида, ведущего непрерывный огонь по многочисленным, подступавшим со всех сторон разномастным группам исчадий техноса, еще в памяти задержался образ Титановой Лозы: они с ней прижались спина к спине, стреляя в противоположных направлениях, затем память вытолкнула нестерпимый свет пульсации и удивленное лицо Апостола – сталкер недоуменно смотрел на небольшое чипованное устройство, демонтированное с подбитого еще в тоннелях механоида. Оно работало – индикатор, расположенный в центре умещающейся на ладони пластины, часто взмаргивал.

Все еще пребывая в плену последних шоковых ощущений, Аскет посмотрел себе под ноги. Импульсный пулемет валялся поодаль, тонкие побеги колючего, стелящегося вдоль земли металлокустарника уже подобрались к оружию, охватив его приклад серебристыми усиками.

Осторожно ступая, он сделал несколько шагов, подобрал оружие, машинально сменил полупустой магазин на полный и вновь огляделся.

Куда же меня занесло пульсацией?

Дышалось легко, но это еще не показатель – метаболический имплант по-прежнему работал в форсированном режиме, так что атмосфера вполне могла оказаться и малопригодной для человека.

Нужно как-то сориентироваться.

Внезапно у дальнего края прогалины он заметил движение. Мгновенно сосредоточившись в том направлении, Аскет, используя расширители сознания, отчетливо рассмотрел фигуру Титановой Лозы – она настороженно осматривалась, крепко сжимая в руках модифицированный техносом лазерный излучатель.

– Дарлинг! – позвал ее Егор.

Имплантированный чип мью-фона включился без задержек и сбоев, Титановая Лоза обернулась, заметила Аскета, несколько секунд присматривалась – не сталтех ли ей голову морочит, затем, осторожно ступая по жесткой поросли ползучих автонов, направилась к нему.

* * *

Они встретились в центре прогалины.

Титановая Лоза выглядела растерянной. Она знала Пятизонье намного лучше Егора, но даже ее опыта оказалось недостаточно, чтобы определить, куда именно занесла их пульсация.

– Место незнакомое, – тихо произнесла она. – Еще кого-нибудь видел?

– Нет.

– Мью-фон работает, но отклика нет. – Она машинально поправила дыхательную маску. – Пойдем искать. Саид и Апостол должны быть где-то поблизости.

– Была пульсация, – напомнил Егор. – Почему ты решила, что они рядом?

Дарлинг сумрачно промолчала.

– Возможно, деревья блокируют связь, – предположила она, так и не ответив на заданный Егором вопрос. – Давай объединим мощность мью-фонов.

– Подключайся к моему. У тебя лучше получится.

– Ощущения будут неприятными, – предупредила Титановая Лоза.

– Ничего, потерплю.

Через несколько мгновений он почувствовал покалывание, словно в кожу у виска впились раскаленные иглы, затем вспышкой пришла сильная боль, настолько неожиданная и резкая, что перед глазами все помутилось, и вдруг Егор услышал голос Саида:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Пока он собирал силы, чтобы ответить, в разговор вступила Дарлинг:

– Саид, это Лоза. Мы с Аскетом на какой-то прогалине, вокруг металлический лес. Деревья огромные. Где ты? Можешь сориентироваться?

– Не могу. Застрял. Мой «ИПК» «совместило» с ветками металлокустарника. Ремень держит, дышать трудно.

– Мы тебя найдем. Что-то видишь перед собой?

– Стволы деревьев. Очень толстые.

– Деревья металлические?

– Естественно. Мне кричать?

Егор понемногу начал свыкаться с болью. Вспомнив последние секунды перед пульсацией, он выхватил из общей сумятицы боя образ Саида: у того закончились заряды в импульсном пулемете, и сталкер забросил «ИПК» за спину, наклонившись, чтобы подобрать валявшийся на земле, подле тела мертвого боевика, армган.

– Саид, излучатель не потерял? – глухо спросил Аскет.

– Нет.

– Выстрели. Иначе мы будем долго тебя искать.

– Целюсь в дерево.

Дарлинг жестом указала Егору его часть прогалины, сама отвернулась в другую сторону.

– Давай.

Бледный отсвет попадания озарил царящие под деревьями сумерки.

– Вижу! – Дарлинг отключилась от мью-фона Егора. – Ты как?

– Нормально, – сухо ответил Аскет.

– Тогда пошли.

* * *

Саид действительно попал в неприятную ситуацию, хотя могло быть и хуже. Его «ИПК» при материализации совместился со стволом одного из огромных деревьев. В результате часть оружия и металлорастение образовали единое целое, а прочный ремень, наискось пересекающий грудь Саида, в буквальном смысле приторочил его к древовидному автону.

– Думал, от голода погибать буду, – пожаловался Саид, когда Егор и Дарлинг высвободили его из ловушки.

Попытка пошутить не вызвала понимания.

– Почему такие мрачные? Живые ведь? Апостол мне через мью-фон отвечал. Он заблудился, где-то неподалеку бродит.

– Есть, поймала его сигнал. – Титановая Лоза указала направление.

– Видишь? Все живые. Так почему такие мрачные? – снова спросил Саид.

– Сейчас Апостола найдем, узнаешь.

Минут десять они блуждали среди неохватных стволов металлических деревьев, постепенно углубляясь в загадочный лес.

– Ты видел когда-нибудь такие металлорастения? – спросил Егор.

Саид отрицательно покачал головой:

– Сам удивляюсь. Везде ходил, но ни разу не встречал.

Наконец они заметили бледное пятно света от фонаря. Через минуту Апостол, прихрамывая, появился из чащи.

– Цел?

– Ногу вывернул, когда падал. Терпимо.

Дарлинг продолжала смотреть на него.

– А теперь объясни, что ты кричал перед самой пульсацией?

Апостол присел на ствол поваленного древовидного автона.

– Вот, – он достал из кармана тонкую пластину с несколькими как будто впаянными в серебро чипами. – Я ее из механоида извлек. Думал в Орден отнести для изучения.

– А почему в экранирующий футляр не упаковал?

– Сгорели футляры вместе с бронескафандром, – ответил Апостол. – Просто в карман сунул.

– Дорого нам обойдется твое «просто», – проронила Дарлинг. – Дай ногу посмотрю. – Она присела подле адепта.

– Может, все-таки объясните, о чем речь?

Апостол хмуро взглянул на чипованную пластину.

– Это маркер, – наконец произнес он. – Каждый из механоидов, созданных техносом Пустоши, нес в себе маркер, настроенный для вторжения… Я случайно взял его.

– Маркер Узла? – встрепенулся Саид.

– Нет. Теперь уже ясно – Узел многомерен. Мы в одном из его пространств.

– В каком именно, не подскажешь?

Баграмов прислушался. Издалека доносился слабый звук, похожий на напряженный гул работающего трансформатора.

– Слышите?

Дарлинг, сосредоточившаяся на бионическом воздействии, произнесла, едва шевельнув губами:

– Да.

Апостол повернул голову.

– Звук идет оттуда. – Он указал предположительное направление.

– Согласен, – кивнул Саид. – Но мне никто не ответил, куда мы попали?

– Это мир, куда стремились попасть механоиды, – поморщившись, пояснил Апостол.

– Родина тех, необычных, сталтехов?

– Предположительно. – Баграмов вслушивался в отдаленный звук, как будто пытался уловить в нем отдельные нотки. – Нужно идти в том направлении, – с неожиданной уверенностью вдруг добавил он.

– Почему? – Дарлинг открыла глаза.

– Интуиция, – скупо ответил Егор.

* * *

Через лес шли долго.

Часа через три деревья понемногу начали редеть, все чаще попадались прогалины, заросшие незнакомыми видами металлических кустарников. Зеленоватое свечение в небесах исчезло, не было видно ни солнца, ни облаков, ни звезд – в просветах между автонами плавала серая хмарь.

Они почти не разговаривали. Каждый в душе тяжело переживал неопределенность ситуации. Оставалось неясным, произошла ли спорадическая пульсация Узла, или все-таки техносу удалось привести в действие проклятую установку?

Уцелела ли Земля?

Суждено ли им когда-нибудь вернуться?

Звук, поначалу похожий на отдаленный, едва слышный гул, становился все четче, явственнее, постепенно он начал распадаться на отдельные нотки, в нем прорывалось шипение, потрескивание, невнятный скрежет, асинхронные неритмичные стуки.

Начинало темнеть.

Вдали медленно проступало неровное, мятущееся зарево.

На опушку леса вышли внезапно. Деревья просто расступились, дальше начинался крутой спуск, в наступивших сумерках смутно виднелись очертания двух горных хребтов, между которыми в долине распластался фантастический город.

Вернее, все, что от него осталось.

Целые кварталы необычных, с точки зрения человека, закрученных в спирали или вздымающихся острыми шпилями зданий лежали в руинах. К серым выцветшим небесам тянулись сотни дымов, среди развалин и еще

уцелевших построек продолжался упорный бой, это его отзвуки сливались в монотонный басовитый гул.

Почти в центре города, где разрушения выглядели тотальными, медленно вращался мутный исполинский вихрь.

В сумерках отчетливо вспыхивали росчерки лазерных разрядов, в воздухе метались стремительные тени, в которых глаз с трудом различал летающих механоидов, созданных техносом Пустоши.

Апостол, Саид и Дарлинг в немом оцепенении смотрели на панораму погибающего города, и только Баграмов медленно искал взглядом нечто, скрывающееся на дальней окраине, как будто уже однажды бывал тут и в точности знал, что именно хочет найти.

Наконец в одной из вспышек, на миг разорвавших тьму, он заметил массивное угловатое здание, совсем не похожее на архитектуру остальных кварталов.

Оно казалось чужеродным вкраплением, постройкой, никак не связанной с городом, возникшей здесь вопреки всему…

Дарлинг, заметив холодный взгляд Егора, устремленный на окраину, проследила за ним.

Еще одна вспышка мятущегося в руинах боя на мгновение рассеяла мглу, снова выхватив из нее угловатую, похожую на древний земной небоскреб постройку.

Титановая Лоза невольно вздрогнула.

Над опаленными стенами, чернеющими глазницами выбитых окон, виднелись три огромные, посеченные лазерными лучами, накренившиеся в разные стороны буквы, когда-то составлявшие логотип, венчавший высотное здание:

«DRG».

notes

Примечания

1

«Перекати-зона» – видоизменившийся в условиях аномальных пространств робот-охранник.

2

Тамбур – на жаргоне сталкеров – аномальное пространство, из которого возможен переход в другой регион Пятизонья.

3

«Карташ» – сленговое название импульсного пулемета системы Карташова, сокращенно – «ИПК».

4

Армган – сленговое название лазерного излучателя.

5

МНК – метаболический наномашинный комплекс.

6

Крионика изучает воздействие низких температур на процессы, протекающие в живых организмах.